

КЛАУЗЕВИЦ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. СВЕЧИН

Клаузевиц

314

1-62

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Горького, М. Кольцова и А. Тихонова

13·14 / 61·62 выпуск

ЖУРНАЛЬНО - ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

А. Свечин

Клаузевиц

МОСКВА 1935

*Обложка Г. С. БЕРШАДСКОГО
Гравюра на дереве А. М. КРИТСКОГО*

*Редактор С. Р. БУДКЕВИЧ
Техредактор А. М. ИГЛИЦКИЙ*

*Издатель Журналоб'єднання
Уполномоченный Главлита № Б—8619
Тираж 40.000. Заказ № 437. Изд. № 235
Сдано в набор 7. VI. 1935 г.
Подписано к печати 15. VII. 1935 г.
Статформат Б₈ 125×176 мм
4³/₄ бум. листа. 54.400 зн. в печ. л.
Типография и цинкография
Журналоб'єднання, 1-й Світличный, 17*

От редактора

Клаузевиц принадлежит к числу замечательных людей эпохи поднимающегося буржуазного строя, эпохи национально-освободительных войн.

В нашу эпоху пролетарской революции значение Клаузевица, который по выражению Ленина был «одним из самых знаменитых писателей по философии войн и по истории войн», заключается, в частности, в том, что он своим классическим изречением о взаимоотношении между войной и политикой помогал нам раскрывать действительный исторический смысл войн различных эпох.

В период империалистической войны изречение Клаузевица «война есть продолжение политики иными средствами» неоднократно упоминал Ленин в своей непримиримой борьбе против социал-предателей, против меньшевиков и оппортунистов II Интернационала, против самой гнусной разновидности оппортунизма — каутскианства. В нашу эпоху оно помогает нам раскрыть подлинный, неизвращенный лицемерием

и обманом политический смысл войн, которые подготавливает наиболее кровожадный и озверелый отряд воинствующей буржуазии — фашизм.

Клаузевиц не только указал на истинную связь войны с политикой, но вместе с тем разработал теорию ведения войны, основанную на изучении «внутренней связи явлений войны». В этой теории он сопоставлял и размеры политической цели, и размеры напряжения, необходимого для достижения конечной военной цели, и влияние политической цели на конечную военную цель.

Война получает самый разнообразный облик, в зависимости от «господствующих в данный момент идей, чувств и отношений». «Война может быть то в большей, то в меньшей степени войной», — писал Клаузевиц диалектически подходя к анализу явлений войны.

Война может получить «абсолютный облик», когда она напрягает все силы и всю энергию народа, благодаря участию которого «не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом был брошен на чашки весов». Такой облик получили войны революционной Франции, и особенно после устранения «технического несовершенства французской организации» в период Бонапарта.

Опираясь на всю народную мощь Франции, ее армии победоносно прошли всю Европу, — писал Клаузевиц.

Он глубоко схватывал сущность войны, когда доказывал, что «всякая эпоха имела собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои предрассудки» (стр. 546) *. Это положение тесно связано с изречением «война есть продолжение политики иными средствами» и вместе с последним требует изучения характера каждой данной эпохи, характера политики каждого данного государства и класса и характера войны, которую они ведут.

Клаузевиц учил, что «иным средством» политики является вооруженное насилие, что «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника исполнить нашу волю» (стр. 13). «Чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его» (стр. 16).

Можно было бы привести немало изречений Клаузевица, подобных вышеуказанным, чтобы еще лучше показать, что под войной Клаузевиц понимал решительное применение насилия с целью сокрушения вооруженных сил противника.

* «О войне», русский перевод, изд. 1935 г.

Определение войны, как акта насилия, стремящегося к сокрушению врага, конечно, используется буржуазией для обоснования реакционного насилия, которое она совершает в своих интересах. В трудах по стратегии буржуазных военных писателей это определение является одной из предпосылок исследования. В своей книге «Ведение войны и политика», изданной в 1922 году, Людендорф, «мастер» по применению насилия в интересах германского империализма, целые страницы сумел заполнить цитатами из Клаузевица, оправдывая действия германской военной партии, одним из руководителей которой он являлся; и надо отдать ему справедливость: он развернул в этом труде довольно полно программу завоеваний германского империализма, помогая вдумчивому читателю уяснить связь между политикой и войной на примере германского империализма.

В наше время имя Клаузевица используется часто в качестве знамени германским фашизмом. Нет таких красноречивых тезисов и изречений Клаузевица, которых не употреблял бы поджигатель войны — германский фашизм — в своей пропаганде войны.

Но сам Клаузевиц приходит нам на помощь, чтобы разоблачить политиков и стратегов фашизма. Он наминает нам о необходимости изучать эпоху и политику, продолжением которой является война.

А политике фашизма, этого «наиболее модного товара среди воинствующих буржуазных полити-

ков» (С т а л и н), это — грабительская, захватническая политика, выросшая из общего кризиса капитализма, из его загнивания, это — насилие над рабочим классом внутри своей страны, а по отношению к окружающему миру — это политика подготовки новой захватнической и грабительской войны.

Ленинизм критически использовал наследие буржуазной военной науки, достигшей в лице Клаузевица, широко и глубоко охватывающего войну как социальное явление, высшей точки своего развития.

Используя все ценное, что содержит учение Клаузевица о связи между политикой и войной и «внутренней связи явлений войны», мы не должны однако забывать, что его политическое мировоззрение было ограничено представлениями об идеальном буржуазном обществе, в котором «политика объединяет и согласовывает все интересы, как вопросы внутреннего управления, так и вопросы гуманности и всего остального, что может быть выдвинуто философией, ибо сама по себе политика — ничто и только представитель всех этих интересов перед другими государствами» (стр. 562).

Понимание существа классового общества было недоступно Клаузевицу. В своем беглом взгляде на историю он различал государственные формы, но не социально-классовую структуру общества. «Полудикие татары, республики древнего мира, феодалы и торговые города средних веков, короли XVIII века,

наконец государи и народы XIX века — все вели войну по-своему, каждый иным способом, иными средствами и для иных целей» (стр. 537). В буржуазном обществе, выросшем в эпоху французской революции, он видел народ без классов, на помощь которого опиралось государство. По поводу его мысли: «со времен Бонапарта война сперва на одной, затем на другой стороне снова стала делом всего народа», Ленин написал: «важно (и одна неточность: буржуазии и может быть всей)».

Клаузевиц не видел в истории за понятиями «государства» и «народа» ни борьбы между феодалами и буржуазией, ни борьбы между буржуазией и пролетариатом. Он не понимал, что «государство было официальным представителем всего общества, формой его сплочения в сознательное целое, но оно играло такую роль лишь постольку, поскольку было государством всего того класса, который сам в данное время представлял собой все общество: в древние времена — государством граждан-рабовладельцев, в средние века — государством феодалов, в наше время — государством буржуазии» (Энгельс, «Анти-дюринг»).

Когда Клаузевиц заявлял «политика — это разум» (стр. 562), он как бы высказывал взгляды философов XVIII века, для которых разум стал единственной меркой всего существующего, которые звали к разуму, как к единственному судье над всем суще-

ствующим, которые проповедывали наступление царства разума. Но это царство разума было не чем иным, как «идеализированным царством буржуазии» (Энгельс, «Антидюринг»).

Кроме этой общей буржуазной ограниченности, мировоззрение Клаузевица было ограничено еще специфическими условиями развития современной ему Германии, разделенной на множество всякого рода мелких государств средневекового типа, с дряблой буржуазией, неспособной к решительной борьбе против остатков феодализма.

«Французская революция, точно громовая стрела, ударила в этот хаос, называемый Германией», писал Энгельс в 1845 году. «Она оказала огромное влияние. Народ, слишком мало осведомленный, слишком привыкший подчиняться тиранам, был неподвижен. Но все средние классы и лучшая часть дворянства с радостным ликованием относились к Национальному собранию и к французскому народу. Все немецкие поэты воспевали славу французского народа. Но это был чисто-немецкий энтузиазм, он имел только метафизический характер, он относился только к теории французских революционеров... Добродушные немцы никогда не имели в виду таких действий, практические последствия которых сильно отличались от тех выводов, которые могли давать благожелательные теоретики... Итак вся масса тех людей, которые вначале были восторженными друзьями революции, стали

теперь самыми ожесточенными противниками ее и, получая известия из Парижа в самом извращенном виде из рептильной немецкой прессы, предпочитали свою старую священную римскую навозную кучу грозной активности народа, который сбросил цепи рабства и бросил в лицо вызов всем деспотам, аристократам и попам».

Такова была Германия в дни юности Клаузевица, когда он сам участвовал в контрреволюционной войне Пруссии против французской революции.

Позже, по словам Энгельса, французская революционная армия вошла в самое сердце Германии, сделала Рейн границей Франции и везде проповедывала свободу и равенство; «французские революционные войска залпами прогоняли дворян, епископов и мелких князей».

Энгельс страстно ненавидел реакционную Пруссию и, подобно многим представителям революционно-демократической западной Германии сороковых годов, подчеркивал историческую роль Наполеона в Германии.

О Наполеоне молодой Энгельс писал, что «он был в Германии представителем революции, пропагандистом ее принципов, разрушителем старого феодального общества».

«Славную освободительную войну» 1813—1814 и 1815 годов против Наполеона он считал «проявлением безумия, за которое еще много лет будет крас-

неть всякий человек и благоразумный немец» *.Фридриха-Вильгельма III он называл одним из «величайших олухов, который когда-либо служил украшением престола». Этот король знал два чувства: страх и капральскую заносчивость. Благодаря страху перед Наполеоном он разрешил управлять вместо себя партии половинчатых реформаторов — Гарденбергу, Штейну, Шену, Шарнгорсту и т. п., которые ввели более либеральную организацию муниципалитетов, провели уничтожение крепостного состояния, «обращение феодальных повинностей в ренту или в выкуп в течение 25 лет, а помимо этого создали военную организацию, которая дала народу мощь, — мощь, которая когда-нибудь будет использована в борьбе с правительством». Пророческие слова Энгельса уже раз в истории Германии нашли подтверждение, а именно в 1918 году, когда германский пролетариат, в союзе с восставшей частью армии, впервые сделал попытку захватить власть в свои руки.

Они сохранили свое значение в наше время, когда германский фашизм, разжигая новую мировую войну, создает еще раз массовую армию.

Возвращаясь к Клаузевицу, надо сказать, что он вовсе не принадлежал к числу самых радикальных элементов буржуазии.

После 1815 года Клаузевиц признал новые общест-

* Маркс и Энгельс. Сочинения, т. V, Москва, 1929 г.

венные отношения французской революции, но никогда не был склонен переносить их в свою родную Пруссию. Дальше либеральных реформ Клаузевиц не шел, в годы реакции и в 1830 году он скатился на явно реакционные позиции противника революционных сдвигов в Европе. Его готовность вести войну против революционных Франции, Бельгии и Польши, это не проявление прусского патриотизма, а выражение того поворота к реакции, который охватил и других выдающихся его современников, в том числе и Гегеля.

Военно-исторические труды Клаузевица представляют большую научную ценность, а его основной труд «О войне» является высшим достижением буржуазной военной мысли в области стратегии.

Размышления и рассуждения Клаузевица, выраженные в его изречениях, богаты оттенками мысли, отражающими самые разнообразные явления войны и процесса вооруженной борьбы, их внутреннюю связь и взаимозависимость. Пока существует проблема войны, они всегда могут служить «безусловным приобретением всякого мыслящего человека» (Л е н и н, т. XXX, стр. 333).

Клаузевиц применял в своем исследовании метод диалектического идеализма, вследствие чего его труд необходимо сначала «поставить на ноги», восстанавливая материальную основу в процессах, по Клаузевицу «развивающихся из собственного понятия». Но

ход рассуждений Клаузевица, их внутренняя логика редко могут быть опровергнуты, и его взгляды могут быть использованы для изучения самых разнообразных явлений войны.

Некоторые комментаторы Клаузевица изменили смысл основных положений его учения о войне, создав, ссылаясь на него, свою концепцию форм ведения войны и операций.

Клаузевиц указывает (стр. 27), что «исходной данной для войны является известная политическая цель», и потому «естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войны. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и соответственно самой (т. е. политической цели) часто подвергаться коренным изменениям; все же политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение».

В соответствии с размерами наших политических требований (цели), а также требований противника будет находиться насилие (напряжение), которое нам придется применять к противнику, — пишет Клаузевиц в другом месте по поводу плана войны (стр. 536). Начиная войну будет действовать по принципу — применять на войне лишь те средства и задавать лишь такой конечной военной целью, которые бу-

дут достаточны для достижения политической цели. Исходя из наличия необходимых предпосылок для достижения военной цели, Клаузевиц различал две цели: сокрушение противника и ограниченную цель. Предпосылками для сокрушения противника являются: значительное превосходство физических или моральных сил или же большая предприимчивость и склонность к крупным дерзаниям. Если этих предпосылок нет, нужно поставить себе ограниченную цель, выжидая более благоприятного случая, ведя оборонительную войну (в военно-стратегическом смысле).

Клаузевиц различал исторические типы войн, в зависимости от эпохи, с различной степенью их напряжения, в зависимости, главным образом, от характера армии и степени «участия народа». Он различал также две формы ведения войны (в стратегии) — в зависимости от соотношения сил — с различными целями.

Ясно, что формы войны (стратегии) на сокрушение и с ограниченной целью связаны не с эпохой, а с соотношением сил. Мало того, Клаузевиц допускал, что «в тех случаях, когда сокрушение противника может явиться задачей войны, налицо все же может иметься непосредственно положительная цель» (стр. 566). Это значит, что при ограниченной цели можно вести стратегическое наступление, ставящее себе, однако, лишь умеренную задачу завоевания части неприятельской территории и не направленное на центр

тяжести неприятельского государства, как это бывает при сокрушении.

Клаузевиц отвергал при этом термин «вторжение» (стр. 518), введенный французской стратегией с целью обозначения наступления далеко вглубь неприятельской страны, причем это наступление противопоставлялось методическому, т. е. такому, которое лишь «грызет края страны». Все это он называл словесной путаницей. «Останавливается ли наступление близ границы или проникает вглубь страны, стремится ли оно прежде всего к захвату крепостей или ищет и непрерывно преследует ядро неприятельских сил — все это зависит не от той или другой «манеры» (метод действий полководца. — С. Б.), а вытекает из обстановки. В некоторых случаях, несмотря на продвижение далеко вперед, война ведется методичнее и даже осторожнее, чем тогда, когда медлят вблизи границы. В большинстве случаев далекое вторжение — не что иное, как счастливый результат энергично предпринятого наступления, от которого оно ничем не отличается».

Следует признать несостоятельной попытку немецкого историка Дельбрюка вывести из взглядов Клаузевица деление стратегии на стратегию «измора» и «сокрушения», связанное им с социально-экономическими условиями эпохи и структурой армии. Дельбрюк заявил, что он «отчеканил» термин «стратегия измора», как антитезу к термину Клаузевица, при чем это

выражение, по его словам, отличается тем недостатком, что оно порождает неправильное представление о «чисто-маневренной стратегии». Не подлежит сомнению что «поучения» Клаузевица более близки к действительности войны, чем схоластика Дельбрюка.

Опыт эпохи мировой войны показал, что в одну и ту же эпоху возможен переход от «сокрушения» к «измору» и этот переход при наличии одной и той же политической цели диктовался не простой сменой взглядов и свободным выбором, но наличием материальных и моральных предпосылок для тех или иных действий. Каждая сторона последовательно, в зависимости от изменений материальных средств борьбы и качества бойцов, переходила, перерабатывая свою тактику, более или менее успешно от стратегии сокрушения к стратегии измора и наоборот, стремясь закончить войну «решающим» наступлением.

Причины, почему измор принял столь большие размеры во время империалистической войны, несмотря, на глубину противоречий между двумя империалистическими блоками и «величие цели», скрывались в отсутствии предпосылок быстрого сокрушения.

Поэтому неверен вывод, сделанный А. А. Свечиним в 1925 году из опыта мировой войны, что «борьба на измор может стремиться к достижению самых энергичных конечных целей, до полного физического истребления противника».

Отсюда недооценка значения мощного и маневрен-

ного наступления как решающей формы операций и переоценка обороны как «более сильной» формы ведения войны, по выражению Клаузевица, преследующей негативную цель.

Возведение в абсолют обороны и даже отхода армии привело одного из наших писателей, А. И. Верховского, в свое время, в период, когда Красная армия приступила к изучению новых маневренных форм наступательной тактики на основе новой техники, к утверждению, что в случае войны для нас «лучше отдать Минск и Киев, чем взять Белосток и Брест».

Марксизм-ленинизм никогда не отрицал роли насилия в истории и «громadной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений» (Ленин, т. VII, стр. 384).

После Октябрьской революции вопросы войны и мира приобрели первостепенное значение для пролетарской Советской республики, которая вступила на путь революционного выхода из войны и борьбы за мир в интересах упрочения победы социализма в первой стране в мире, где он победил.

Но интервенты напали на нас, и поэтому вопрос, как вести войну, выступил на первый план. Имя Клаузевица и его изречения упоминаются Лениным в период Брестских переговоров о мире в дискуссии с «левыми коммунистами», проповедывавшими немед-

ленную «революционную войну». Ленин писал в своем выступлении против «левого» ребячества и мелкобуржуазности (т. XXII, стр. 510—511) в период Брестских переговоров, когда мы только приступали к созданию вооруженных сил пролетарской республики: «...мы требуем от всех *серьезного* отношения к обороне страны. *Серьезно* относиться к обороне страны, это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является *отступление вглубь страны* (тот, кто увидел бы в этом на данный только случай притянутую формулу, может прочитать у старика Клаузевица, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у «левых коммунистов» нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса о соотношении сил».

Вместе с тем, в резолюции VII Съезда о войне и мире Ленин указывал, что «первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти, Съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой во-

лей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и в особенно критические моменты жизни народа, — наконец, для всестороннего систематического всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям» (Ленин, т. XXII, стр. 339).

Выполняя эту историческую задачу, создав мощную Красную армию, наша партия организовала победу социализма над интервенцией и контрреволюцией.

Некоторые идеи Клаузевица о ведении войны интересно сопоставить с высказываниями великих пролетарских стратегов, Ленина и Сталина, чтобы показать оригинальность стратегии эпохи пролетарской революции. Клаузевиц правильно схватил мысль и характер войн эпохи французской революции и Наполеона, а в отношении будущего ставил вопрос: «Всегда ли так останется, все ли грядущие европейские войны будут вестись при напряжении всех сил государства и, следовательно, в интересах значительных и близких народам, или же постепенно снова наступит отчуждение между правительством и народом». Он отвечал: «по крайней мере всегда когда на карту будут поставлены крупные интересы, взаимная вражда будет разряжаться так же, как это имело место в наши дни» (стр. 546).

Между тем Ленин и Сталин, организаторы наших

побед над интервенцией и контрреволюцией, без колебаний претворяли в жизнь не теорию Клаузевица, который высказывал абстрактную формулу, а систему ведения войны, свойственную революционной эпохе. Не упуская ни на минуту из виду, что «война есть продолжение политики», на объединенном заседании ВЦИК 5 мая 1920 года, когда Польша прервала мирные переговоры и напала на Советскую Украину, Ленин говорил: «мы должны вспомнить и во что бы то ни стало осуществить и провести в жизнь до конца правило, которому мы следовали в нашей политике и которое всегда обеспечивало за нами успех. Это правило заключается в том, что раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо» (Ленин, т. XXV, стр. 261).

Мысль о необходимости уничтожить сопротивляющегося врага недавно в беседе с английским писателем Г. Д. Уэльсом высказал т. Сталин, указывая в связи с задачей организации победы над буржуазией: «Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдастся, что его надо добить? Быть таким полководцем значит обманывать, предавать рабочий класс» («Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 609). Эти основные указания, конечно, не означают, что военные операции допускают лишь форму

наступления и что наступательные операции не сочетаются в зависимости от обстановки с оборонительными операциями и даже, в самый неблагоприятной обстановке, с отходами. Тов. Сталин учил нас, что «не бывало и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций, без использования резервов для развития успеха и доведения до конца наступления» (там же, стр. 391).

Основным законом победы является наступление на врага, чтобы добить его, соблюдая при этом условия, указанные т. Сталиным. Достаточно сопоставить требования большевистского закона наступления с мыслями Клаузевица о «кульминационном пункте победы» (стр. 524—527), чтобы убедиться, насколько оригинальна сталинская стратегия, четко указывающая условия победоносного наступления.

Революционная стратегия Ленина и Сталина имеет свои корни не в учении Клаузевица о войне, а в материалистической диалектике и особых условиях эпохи империализма и пролетарской революции. Но все ценное, что имелось у классика буржуазной военной мысли Клаузевица, ленинизм брал для подтверждения своих стратегических взглядов.

В этом заключается особый интерес, который представляет личность и творчество Клаузевица для нашего читателя.

Биография Клаузевица, написанная А. А. Свечи-

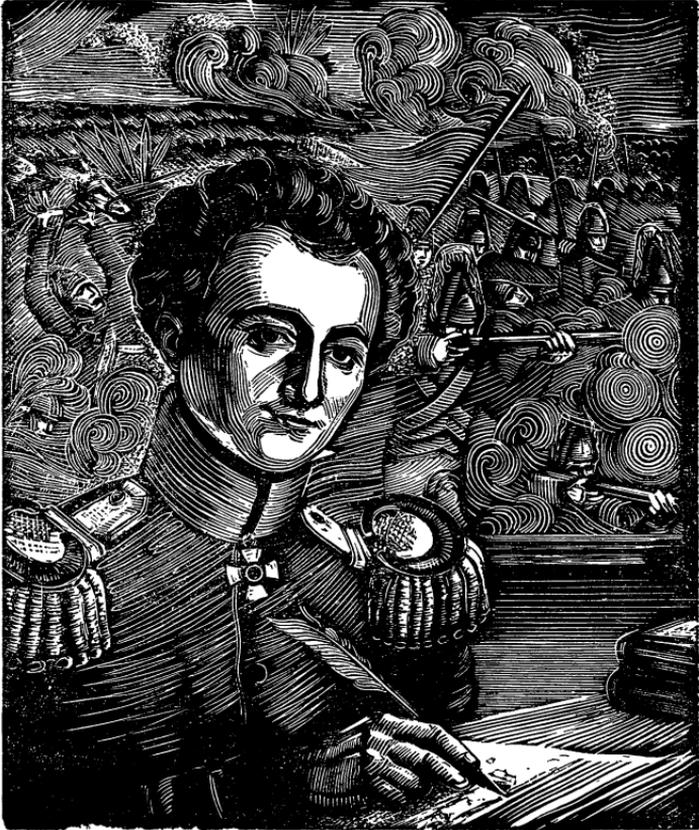
ным, немало потрудившимся над изучением эпохи, в которой жил Клаузевиц, и проследившим развитие его личности, взглядов и всей творческой работы, дает возможность нашему читателю подробно ознакомиться с обликом крупного теоретика буржуазного военного искусства.

Автор биографии сумел дать немало интересных деталей творческой работы Клаузевица, хотя недостаточно вскрыл методологическую ценность его трудов и взглядов в военном отношении для современной нами эпохи, подчас переоценивая то, что из его взглядов потеряло уже для нас значение.

Личная жизнь Клаузевица не содержит моментов героики, но неоспоримый интерес, в частности, представляет рост Клаузевица на фоне событий эпохи поднимающегося капитализма, несмотря на то, что значимость этих событий померкла на фоне великой эпохи пролетарской революции и строящегося социализма.

С. Будкевич

Клаузевиц

Шарнгорст

Клаузевиц, великий военный теоретик, считал «отцом своего разума» Шарнгорста, являвшегося не только его учителем, но и вождем политического движения, к которому примкнул Клаузевиц. Шарнгорст был крупнейшим немецким военным реформатором эпохи национально-освободительных войн в Западной Европе, борцом против пережитков феодализма в армии и создателем всеобщей воинской повинности; он заложил те организационные основы, на которых базировались победы прусской армии в XIX веке.

Шарнгорст родился в 1755 году в ганноверской крестьянской семье. Отец его — бедняк, солдат, дослужившийся до унтер-офицера, вышедший в отставку и заставивший выскочку-кулака выдать за себя дочь. Отцу приходилось зарабатывать тяжелый хлеб арендатора и вести бесконечный процесс о наследстве жены.

Шарнгорсту хотелось идти по стопам отца и попытаться счастья в военной карьере. Жизненным козырем Шарнгорста могло быть только образование. Он самоучкой изучил математику и французский язык и восемнадцатилетним юношей поступил на четыре года в небольшую, но хорошую артиллерийскую школу, основанную мелким немецким князем Шаумбург-Липпе-Бюксбург. Здесь он получил солидную техническую подготовку и прикоснулся к материалистической философии французских энциклопедистов.

После окончания школы, двадцати трех лет, Шарнгорст поступил прапорщиком в ганноверскую армию. В то время офицерская карьера обычно начиналась в 12—15 лет, и сверстники Шарнгорста уже сильно подвинулись в чинах. Но Шарнгорст располагал всеми преимуществами хорошо образованного человека, представителя молодой, поднимающейся немецкой буржуазии. Как раз в год его приема в ганноверской армии прогремел любопытный случай: один из дворянчиков-офицеров, за неграмотностью, не мог написать прошения об отставке и был вынужден обратиться к помощи деревенского учителя. Однако в армии уже проявлялась тяга к образованию.

Молодой Шарнгорст был поставлен во главе полковой школы, где кадеты, прапорщики и более старые офицеры, не получившие никакого образования, должны были изучать математику, черчение, артиллерию, фортификацию, историю и географию. В 1782 году в Ганновере была основана артиллерийская школа; Шарнгорст преподавал в этой школе. Одновременно он начал издавать журнал «Военная библиотека». В двадцать восемь лет Шарнгорст достиг чина поручика, в тридцать семь лет — капитана.

Такое медленное продвижение по службе образо-

ванного офицера, сильного в технике и очень скоро обратившего на себя внимание всей Германии своими статьями и учебниками, объясняется особенной силой пережитков феодализма в Ганновере. Ганноверские курфюрсты уже столетие как стали английскими королями, жили в Лондоне и не показывались в своих родовых владениях. Но в Ганновере остался их дворец со всем придворным штатом. Гофмаршалы, гофмейстеры, фрейлины, придворные лакеи, конюхи и поставщики двора продолжали существовать попрежнему. Давались придворные балы и обеды, с пустым местом для короля, около которого феодалы рассаживались по старшинству, по рангу. Ганновером правила кучка феодалов, заинтересованная прежде всего в том, чтобы не поколебать своего привилегированного положения и не разбудить народ, пребывавший в полной пассивности, а потому выступавшая принципиально против всяких новшеств. Старые феодальные основы дряхлели с каждым годом, новые ростки заглохали.

В Ганновере особенно сильно было отчуждение дворянства от буржуазии, от так называемого «бюргерлих» — всего мещанского.

Отец Шарнгорста, выиграв процесс, стал владельцем небольшого «дворянского» имения, то-есть имения, дававшего своему владельцу значительные политические права. Будучи офицером и став сыном помещика, Шарнгорст мог бы легко сам получить дворянство, как становились до него дворянами тысячи других. Но такое решение задевало классовую гордость Шарнгорста. Он прочел «Общественный договор» Жан-Жака Руссо. Он не хотел для себя привилегий, он жаждал общего уничтожения привилегий, тормозивших развитие его класса. Он принадлежал к поколению, сознание которого формировалось в течение

двух десятилетий, предшествовавших началу великой революции.

Шарнгорст был представителем буржуазии, класса, вышедшего тогда на арену политической борьбы, чтобы вырвать у феодалов их привилегии. Дядя Шарнгорста поставлял на придворную кухню рыбу. Молодой офицер не забывал, что этот простой человек помогал ему в годы, когда он бедствовал, — и продолжал ходить в гости к своему дяде. К Шарнгорсту приезжали его мать-крестьянка и сестра, бывшая замужем за арендатором мельницы. Он сам женился не на дворянке, а на дочери конторского писца.

Шарнгорст был несколько медлительным в своих движениях, внешне холодным человеком, неважным оратором, часто повторявшим одни и те же слова, очень вдумчивым и точным, но лишенным стилистического блеска писателем. Молчаливый, серьезный, настойчивый, прежде всего учитывавший уровень своей аудитории и соответственно снижавший свое изложение, Шарнгорст не представлял собой сразу бросающуюся в глаза фигуру. Лишь упорным трудом продвигался он к своей цели — расширить круг действий и отстоять, в борьбе с феодалами, свой идеал всесословной армии. Феодалы терпели Шарнгорста как крупного специалиста, но сторонились его и по возможности тормозили продвижение по службе.

Критическое настроение по отношению к существующему строю и окружающей среде не могло не нарастать у Шарнгорста. В его письмах встречается горестное замечание, которое любил потом повторять Анатоль Франс, говоря о французской военщине своей эпохи: «Богословы и солдаты, чтобы отвечать предъявляемым им требованиям, должны быть неда-

лекими». Это пишет человек, фанатически преданный военному образованию.

Поручик Шарнгорст, семейный, получал небольшое жалованье — 34 рейхсталера и 11 пфеннигов в месяц (около 25 золотых рублей). Некоторое подспорье голодному бюджету доставляла литературная работа. Но свой журнал Шарнгорст издавал не столько для прибылей, сколько для того, чтобы дать исход жажде деятельности и тяготению к широким военным вопросам.

Особенную известность Шарнгорст получил как реформатор артиллерии. Во второй половине XVIII века в артиллерии еще господствовали малограмотность и цеховщина. Шарнгорст подошел к артиллерийским вопросам с широким размахом. «Только в богословской науке больше предрассудков, чем в науке об артиллерии». Генералы обыкновенно довольны своей артиллерией, так как не понимают, какие требования ей можно предъявить. Между прочим Шарнгорст первый организовал научно поставленные ружейные стрельбы. Шарнгорста Энгельс называл первым артиллеристом своего времени. О ценности Шарнгорста как специалиста можно судить по тому, что его двухтомный «Справочник артиллериста», изданный в 1801 году, через 40 лет был переведен на французский и русский языки. Немногие технические пособия могут похвастаться таким долголетием.

Настал 1792 год. Шарнгорст в своем журнале тщетно предостерегал коалицию от недооценки сил французской революции. Ему пришлось принять участие в войне, но не на стороне революции, стремления коей были близки его сердцу, а в противоположном лагере, в ганноверской армии, среди наемников Англии.

Без каких-либо надежд и воодушевления пошел на эту войну Шарнгорст. Настроение его не было воинственным. «Не легко смотреть беспартийным взором на эту войну и тем не менее точно и слепо следовать по дороге чести. Но воистину не дальше того, что требуется предрассудками нашего времени!» «Мы деремся за аристократов, которые нас тянут назад». «Скорее бы дал бог мир. Я не рожден быть солдатом. Я легко переношу опасность, но вид безвинных людей, лежащих в крови у моих ног, пожар селений, которые люди строили для счастливой жизни, прочие жестокости и опустошения приводят меня в ярость и невыносимое состояние».

Шарнгорст не терял времени и продолжал на войне свою литературную работу. Он писал книгу, за которую рассчитывал получить сто талеров гонорара. Первые его письма домой полны просьб о высылке различных источников для работы. Вместе с тем, на самом театре военных действий он не упускал случая зарисовывать крепости и производить съемку новых и старых полей сражения. Насколько Шарнгорст разбирался в новых сложных вопросах тактики, свидетельствуют сделанные им в то время записи: «Современная война с Францией могущественно поколеблет некоторые вопросы принятой теперь тактической системы»; «французские стрелки выиграли большинство боев этой войны»; «ни штыковые атаки, ни залповый огонь не будут иметь успеха против стрелковых цепей».

Ощущения и взгляды Шарнгорста на театре войны менялись. Чем ближе подходил прусский король к миру с Францией, тем воинственнее становился Шарнгорст. Боевая жизнь брала свое: «Мне стыдно признаться, — заявляет он вдруг в письме к же-

не, — я нахожу удовольствие в этом постыдном занятии...» Начальство еще не изменило своего отношения к Шарнгорсту: «Генерал Трев (начальник артиллерии) не благоволит ко мне. Он не может забыть, что я не гну перед ним по-рабски спину и горю, как свободный человек».

Однако популярность Шарнгорста в рядах армии с каждым боем увеличивалась, особенно во время начавшегося отступления англо-ганноверской армии. После поражения у Хондшоте он самовольно появился в арьергарде армии и по своей инициативе стал распоряжаться спасением отступающих войск. Его понимание карты и местности, обширные технические знания, умение сообразовываться с новейшими тактическими требованиями стали известны высшему командованию.

Особенную популярность он приобрел после осады Менэна. Две тысячи немцев были осаждены в слабой крепости Менэн двадцатитысячным французским корпусом генерала Моро. Шарнгорст в должности начальника штаба генерала Гаммерштейна руководил обороной Менэна. Когда все средства защиты крепости были исчерпаны, Шарнгорст предложил, вместо капитуляции, сделать попытку пробиться. Прорыв осажденного гарнизона, путем ночной атаки, удался. Благодарности от английского короля за это исключительное дело Шарнгорст, впрочем, не получил.

С Шарнгорстом давно уже начали советоваться в трудных случаях. В 1794 году, когда положение на театре войны изменилось к худшему, он был назначен генерал-квартирмейстером ганноверского контингента. Шарнгорст сразу же отказался от разброски войск кордоном и провел весьма важное мероприятие. До него контингент состоял из отдельных пол-

ков и батарей; в каждом отдельном случае из этих частей импровизировались отряды, с временным командованием во главе. Шарнгорст, с его сильнейшей тягой к организации, упразднил эту импровизацию и заменил ее постоянным делением войск на бригады из трех родов войск, с постоянным командованием и штабом. Для немцев это было крупнейшим новшеством. Под давлением общественного мнения пришлось пойти на производство Шарнгорста в майоры; впрочем новиспеченному майору сохранялось прежнее капитанское жалование.

Ганноверские войска, вместе с прусскими, прекратили свое участие в войне против Франции с конца 1794 года, но еще долго стояли на демаркационной линии, отделявшей северную Германию от театра продолжавшейся войны. Демобилизация последовала только в 1797 году. Шарнгорст немедленно вновь приступил к изданию своего военного журнала уже под третьим названием. В первом же номере воскресшего журнала Шарнгорст напечатал замечательную статью: «Развитие общих причин счастья французам в революционных войнах». Казалось бы, такая животрепещущая тема должна была привлечь внимание военных писателей и не сходить со страниц журналов того времени. В действительности же эта статья явилась единственной серьезной работой за десятилетие.

Статья Шарнгорста начинается с замечания: «Причины несчастий, обрушившихся на армии коалиции во французских революционных войнах, заложены глубоко во внутренних условиях союзных государств, с одной стороны, и французской нации — с другой». Здесь уже в зародыше высказано изречение Клаузевица, что война представляет продолжение политики

Шарнгорст
С портрета Бури

Клаузевиц на русской службе. 1814 год

другими средствами и, в частности, что изменения войны в данную эпоху возникли из новой политики, вышедшей из недр французской революции и охватившей все отношения в Европе.

Необходимость и национальная гордость, — пишет Шарнгорст, — сделали неизбежным для французов полное напряжение сил. Армия полностью могла опереться на гражданские власти и население. Только этим путем удалось получить порох, привести в порядок крепости, организовать транспорт. Если у государства нехватало средств, то налицо имелась достаточная решимость выжать их у богатых людей. Союзники же в вопросах войны постоянно проявляли колебания. Они боялись обратиться к собственному населению с требованием рекрутов. Крепости их оставались в печальном виде. Ни духовенство, ни дворяне, ни богатые не принесли никаких жертв для армии. Обветшавшие политические формы феодальной монархии мешали ведению войны.

Известнейшие немецкие философы Кант и Фихте, основываясь на опыте революционных войн, приходили в то время к выводу о бесполезности постоянных армий: ведь восторжествовавшие над союзниками революционные армии представляли собой по существу только милицию. Это мнение поддерживалось и крупным военным авторитетом того времени Беренхорстом, который соединил в себе глубокую ученость, необычайно сильный и красочный стиль и озлобление против Фридриха II и прусской армии с ее презрительным, бесчеловечным отношением к солдату. Шарнгорст оспаривает огульное осуждение постоянных армий, но он призывает отказаться от обращения их в инструмент для парада и приступить к подлинной их боевой подготовке, к обучению сражаться в соответ-

ствии с новыми требованиями тактики, в тесном взаимодействии между родами войск.

Материалистическая философия XVIII века не понимала диалектики исторического развития, перерастания одних исторических форм в другие и представляла их себе как застывшие. Метафизический материализм останавливался в бессилии перед вопросами развития в природе и в истории. Метафизика, неспособная понять и объяснить живую жизнь, сложную и пеструю цепь конкретных явлений, уклонялась в общие неподвижные схемы и выливалась в сухие, отвлеченные рассуждения. В военном отношении для этой метафизики XVIII века характерно отсутствие изучения развития военного искусства во всей его многосторонней конкретности, оторванность от политики, полное игнорирование вопроса о моральных силах, исключительное сосредоточение внимания на геометрической стороне вопроса — о направлении армий на театре войн и построении войск в бою — и признание вечных принципов военного искусства.

Годилась ли мудрость, извлеченная из изучения походов Фридриха II, для оценки войн и военного искусства французской революции и Наполеона? Очевидно, нет, так как условия радикально изменились. На место незаинтересованного в достижении целей войны и склонного к дезертирству вербованного солдата буржуазная революция, разрушив феодальные отношения, выдвинула нового бойца-гражданина, охваченного «патриотическими» чувствами, способного в бою развернуть все свои природные качества, одиночную выучку и сметку.

Еще в середине XVIII века войска довольствовались провиантом исключительно из магазинов, подвозом с тыла, и эта линия подвоза являлась очень

чувствительным местом; теперь армии начали жить местными средствами и приобрели способность совершать далекие походы и широкие маневры. Если раньше для крупных столкновений обязательно требовалась равнина, то теперь сражения стали даваться на любой местности — на высоких горах, в лесах, болотах. Все основы ведения войны и боя радикально изменились.

У Шарнгорста открылись глаза на исторический процесс развития. Он уяснил себе, что нельзя смешивать опыт двух разных эпох, что надо провести резкую грань между принципами, господствовавшими в Семилетнюю войну, и методами, выдвинувшимися в военном искусстве в период войн французской революции, что необходимо пропитать историческим методом изучение всех вопросов войны, что понимание военного искусства сильно оскудело бы, если бы замкнулось только на опыте последних войн. Надо понять процесс развития, а для этого следует изучить опыт и предшествовавшей эпохи; только знакомство с ней позволит познать все своеобразие современного периода. Исторический факт должен изучаться во всей его конкретности: нельзя ограничиваться геометрической стороной ведения войны, которой часто вовсе не принадлежит решающее значение. Отсюда у Шарнгорста наблюдается неизвестное XVIII веку стремление переносить любой вопрос на почву истории.

Явная невозможность победить революционную Францию, сохраняя старый порядок и старую армию — сколок со старого порядка — заставляла открывать взаимозависимость между явлениями, которые раньше, казалось, не имели ничего общего. В революционную эпоху Шарнгорст, наравне со своими выдающимися современниками — Шеллингом, Фихте,

Гегелем — становился на путь диалектики в ее идеалистической форме. «В период цветения повсюду распускаются розы, а в соседних садах плоды падают с дерева в одно и то же время», — говорил Геге.

Но это не была еще диалектика материализма — «самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии» (Ленин, т. XVIII, стр. 10), наиболее полно и всесторонне отображающее скачкообразный и противоречивый характер процессов изменения в природе и обществе. Это не была еще даже идеалистическая диалектика Гегеля, рассматривавшая весь естественный, исторический и духовный мир в его непрерывном движении и преобразовании, пытаясь раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и преобразования. У Шарнгорста зачатки диалектического идеализма еще не выявились полностью и уживались рядом со многими взглядами метафизического материализма XVIII века, в которых Шарнгорст был воспитан и вырос.

Однако было бы ошибочно в материализме Шарнгорста видеть только шелуху, из которой вылупилось его историческое и диалектическое сознание, только пережиток, придававший его выступлениям в эпоху расцвета идеализма некоторую старомодность. Установленная им благодаря опыту французской революции связь военных успехов с внутренним политическим состоянием государства, изложенная затем в изречении Клаузевица — война есть продолжение политики — приводила Шарнгорста к радикальным выводам; его умственный взор направлялся к истокам — от войны к политике; если корень побед на войне заключается во внутренних политических условиях, то на них-то и надо сосредоточить все усилия. Надо создать политические предпосылки к все-

ной армии, надо ввести общую воинскую повинность, а для всего этого нужно прежде всего побороть феодализм.

Военное искусство в представлении изучившего военную технику Шарнгорста трактовалось очень широко и охватывало не только стратегию и тактику, но и военную технику, а также и все политические вопросы построения боеспособной армии. Широкий размах его деятельности в конечный период жизни как фактического военного министра Пруссии содействовал углублению основного диалектического положения о войне. Военщина впоследствии повернула эту формулу на 180 градусов и значительно выхолостила ее содержание, видя в ней лишь политические директивы для стратегии, которая осуществляет их самостоятельно. Политика стала толковаться только как внешняя политика, не затрагивающая якобы классовых отношений внутри страны. Все это сводило на-нет революционное значение нового учения. Армия, которую Шарнгорст понимал в динамике как продукт политической борьбы, представляла у реакционных идеалистов неизменную по качеству и лишь колеблющуюся по количеству силу. Шарнгорст безусловно верно был оценен реакцией, сосредоточившей против него все свои усилия.

На первых порах острые критики Шарнгорста направились против феодальных пережитков в армии. Офицеры знали караульную, но не полевую службу. Старые генералы смотрели с презрением на «ученых» офицеров. Но в войне с Францией ученые офицеры оказались в несравненно более выигрышном положении, чем их беспомощные, вследствие своей темноты, товарищи. По мнению Шарнгорста, армия в которой не ведется жестокая борьба за образование

офицеров, успеха иметь не будет. Хорошей и надежной может быть только та армия, в которой процветает военно-научная литература.

Отсюда вывод, к которому Шарнгорст многократно возвращался в течение своей деятельности: нужно бороться с протекционизмом. Производство в офицеры должно иметь непременно условие сдачи экзаменов по твердо установленной программе. Ведь часовщик или ювелир не становится мастером, пока не выполнит свою пробную работу. Проверка знаний должна явиться барьером, препятствующим засорению командного состава дворянскими недорослями.

Только широкий доступ буржуазии на офицерские должности позволил поднять уровень командного состава на необходимую высоту. Особенное внимание надо уделять очистке штабов. На смену аристократическим бездельникам штабы должны быть пополнены отборными опытными офицерами генерального штаба, получившими специальную подготовку, умеющими производить съемку и прекрасно понимающими карту. Генеральный штаб должен целиком посвятить себя военному делу и не имеет права заниматься чем-либо, не имеющим к нему прямого отношения. Офицеры генерального штаба не должны отрываться от войск: служба в штабах должна правильно чередоваться с серьезным стажем в строевых частях. Штабы должны быть постоянным органом и работать уже в мирное время.

Это покушение на привилегии феодалов в армии рассматривалось юнкерством как революционная атака на важнейшие классовые позиции дворянства.

После демобилизации ганноверской армии Шарнгорст представил проект военной реформы. Ганноверскую армию необходимо перестроить по-новому, под-

вести под нее базу воинской повинности и значительно усилить; иначе Ганновер станет первой жертвой французского завоевания. Шарнгорсту удалось мобилизовать значительные силы на поддержку реформы. Но в конечном счете реакционные феодалы взяли верх. Реформа была провалена. Это определило дальнейшую судьбу Шарнгорста. В служебном отношении работа в Ганновере доставляла ему только неприятности. Для его кипучей реформаторской деятельности эта обреченная государственность представляла неподходящие условия. Шарнгорста уже давно пыталась переманить на свою службу Дания. Он отказался. Теперь следовали настойчивые предложения со стороны Пруссии.

Прусская армия, равно как и русская, в XVIII веке держалась выгодного принципа сманивать у соседей способных офицеров. Квартирмейстерская часть имела задачей наблюдать за соседями и доносить королю о подходящих выдающихся офицерах. В 1797 году генерал-квартирмейстер Пфуль, имевший случай работать рядом с Шарнгорстом, доносил, что если бы удалось сманить Шарнгорста, это было бы ценнейшей находкой для прусской армии. Прусский король ознакомился с несколькими статьями Шарнгорста и присоединился к мнению Пфуля. Начались переговоры. Шарнгорст выставил ряд требований, свидетельствовавших, что он знал себе цену. Эти требования были удовлетворены, и в мае 1801 года Шарнгорст покинул застойный Ганновер и перешел на прусскую службу. Через два года Ганновер был без боя занят французскими войсками, и ганноверская армия перестала существовать.

Сорокашестилетний Шарнгорст чувствовал себя на первых порах в прусской армии новичком и иностран-

цем. Но последнее решающего значения не имело. Прусская армия привыкла к иностранным офицерам. Сотни французских офицеров — гугенотов, бежавших из Франции после отмены Нантского эдикта о веротерпимости, стали в ее ряды еще в конце XVII столетия. Теперь к ним присоединилась волна французских белоэмигрантов. В прусской армии в войну 1806 года было около тысячи офицеров французского происхождения, что составляло не менее пятнадцати процентов.

Особенно много лиц непрусского происхождения было между крупными военными деятелями, так как прусское юнкерство было недостаточно грамотно, чтобы выступать в ответственных ролях.

Шарнгорст начал с того, что представил королю три ценных записки с широкой программой реформы армии. Король направил эти предложения на отзыв к герцогу Брауншвейгскому, намеченному в случае войны на должность прусского главнокомандующего. Это был неглупый человек, в молодости отличившийся в Семилетнюю войну, но в корне испорченный долгой придворной жизнью; он стремился угодить каждому. Его заключение гласило, что «с одной стороны, нельзя не сознаться, но с другой стороны, нельзя не признаться». Хорошо, но сомнительно.

Реформа была провалена. Фактически реформа прусской армии в этот момент была невозможна. Путь вперед для нее был загорожен авторитетом Фридриха II. Всякая реформа являлась бы посягательством на освященные победами традиции Фридриха. Требовалось нанести Пруссии жестокий удар, чтобы вывести ее из окостенения, вызванного преклонением перед прошлыми успехами. Когда 90 процентов прусских войск было уже уничтожено под Иеной,

отдельные предложения Шарнгорста начали осуществляться в спешном порядке.

Шарнгорст в сущности и не ожидал, что его предложения будут приняты. Он понимал, что проведение реформы требует упорной борьбы. Чтобы завершить борьбу успехом, нужны люди. Сейчас дело не в том, чтобы писать проекты, а в том, чтобы подготовить кадры, которые могли бы понять идеи реформы и вступить за них в бой. Эти кадры могли быть созданы ускоренным образом путем пропаганды и более медленно — через высшую военную школу. Шарнгорст начал по обоим путям готовить себе единомышленников. Немедленно по прибытии в Берлин он организовал кружок из девяти человек, решивших раз в неделю собираться для обсуждения военно-научных вопросов. Шарнгорст привлек и старого генерала Рюхеля, который всегда гнался за модой; это был генерал без старых предрассудков, но и без подлинной любви к новому; он был нужен Шарнгорсту, чтобы благонадежность кружка не вызывала сомнений.

В 1803 году кружок вырос до 120 офицеров и оформился в военно-научное общество. В 1805 году число членов кружка в Берлине достигло уже 200, и стали открываться отделения в провинции. Общество издавало свои «Известия», в которых печатались рецензии — первые литературные работы Клаузевица. Основная идея работы общества заключалась в том, чтобы обратить внимание на различие принципов, которые вдохновляли действия в Семилетнюю и в революционные войны, постараться устранить механическое смешивание старых и новых начал и вместо господствовавшего разнобоя мнений подойти к единой военной доктрине.

В самом обществе кипела борьба нового со старым.

Имелись поклонники Наполеона и защитники идей бескровной войны, основанной на маневрировании. Французская революционная тактика одними оценивалась очень высоко, другие считали ее не стоящей внимания. Одни доказывали невозможность дальнейшего прогресса в военном искусстве, достигшем совершенства при Фридрихе II, другие утверждали, что только «развитие» дает ключ к правильным оценкам: «Армия Фридриха удержала Силезию только потому, что в своем развитии она в середине XVIII века обогнал другие армии». Одни (Бойен) являлись горячими защитниками боя в стрелковых цепях, другие были против. Были и программные доклады будущих сторонников реформы: о разделении армии на дивизии, об общей воинской повинности, о перевооружении армии заряжающимися с казны ружьями, о необходимости иначе подходить к вопросу о крепостях, которые оказывают ничтожное сопротивление вследствие негодности комендантов, плохих гарнизонов и незаинтересованности населения в обороне крепости.

В 1806 году, вместе с разгромом прусской армии, погибло и военно-научное общество. Единственным результатом его деятельности было известное расслоение прусского офицерства: Шарнгорст приобрел здесь ряд горячих единомышленников, которые затем стали его сподвижниками по военной реформе; но общество кристаллизовало и противоположную группу — врагов реформы — Кнезебека, Борштеля, Лестока и других. Интриги и козни против Шарнгорста ведут свои корни отсюда.

Другой точкой приложения энергии Шарнгорста явилась военная школа. Еще Фридрих II после окончания Семилетней войны, чтобы несколько поднять

образовательный уровень своих офицеров, почти сплошь получивших «общее образование дома, а военное — на службе», то-есть не окончивших никакой школы, установил в 1763 году в важнейших гарнизонных городах «институты молодых офицеров»; в них собиралось некоторое количество офицеров на зиму для изучения общеобразовательных и военных предметов без какой-либо твердой программы. Такой институт в Берлине к 1801 году обратился в двух-летний офицерскую школу, влачившую, впрочем, жалкое существование.

Шарнгорст решил реформировать институт, разбив его на две части: первая должна была представлять как бы подготовительный факультет, а вторая, для уже подготовленных слушателей, военную академию, которая в течение трех лет давала бы законченное высшее образование. Сам Шарнгорст стал фактическим директором этой военной школы. Свою реформу ему удалось осуществить только к 1804 году.

В 1806 году, после Иенской катастрофы, военная академия также распалась. Но та полуакадемия, которую застал Шарнгорст в 1801 году, сразу зажила подлинной научной жизнью. Программа резко изменилась. В 1803 году в ней читались лекции по стратегии — Пфулем и самим Шарнгорстом. Изучение военной истории и работа слушателей над решением конкретных тактических задач, прикладной метод, ныне признанный повсюду, были выдвинуты на первый план. И Шарнгорст мог быть доволен результатом подготовки своего выпуска: из двух десятков его учеников девять человек попали по конкурсу в генеральный штаб, а пять других заняли более или менее ответственные посты в армии. Первым в этом выпуске, на который Шарнгорст не пожалел своих трудов,

стоял Клаузевиц. Единомышленники, друзья и наследники подрастали...

Однако в 1806 году, когда Шарнгорст был призван на должность начальника штаба главнокомандующего, авторитет его стоял еще не высоко, и много сделать ему не удалось. Раненый в сражении под Ауэрштедтом, он продолжал работать в качестве начальника штаба Блюхера, командовавшего арьергардом гибнувшей прусской армии. Взятый в плен вместе с остатками арьергарда, Шарнгорст был выменен пруссаками на пленного французского полковника. Во время этих боев репутация его настолько поднялась, что прусские генералы чуть не дрались, чтобы получить Шарнгорста в начальники штаба. Блюхер категорически заявил: «без Шарнгорста я ни к чему не способен».

После заключения Тильзитского мира Шарнгорст был поставлен во главе комиссии военной реформы и фактически стал прусским военным министром. Он вел борьбу с феодальными пережитками в армии, установил короткие сроки военной службы, скрыто подготовил запас военнообученных, провел в 1813 году всеобщую воинскую повинность, организовал ландвер и создал армию, близкую к буржуазному идеалу «вооруженного народа». Но ему не удалось закончить начатую им работу в области перестройки военной теории, унаследованной от эпохи феодализма и абсолютизма; эту работу блестяще продолжал преданнейший его ученик — Клаузевиц, который считал себя наследником и завершителем теоретической части жизненного творчества Шарнгорста.

Ученичество

Предки Клаузевицей (Клаусвицей) происходили будто бы из Польши. Они переселились в Пруссию в XVII веке, принадлежали к буржуазной интеллигенции и поставляли Пруссии в значительном числе пасторов, а также преподавателей богословия и чиновников невысокого ранга.

Бабушка Клаузевица вторым браком вышла замуж за штабс-капитана пехотного полка фон-Хунд. Это обстоятельство определило жизненный путь отца Карла Клаузевица. Вместо того, чтобы по семейной традиции поступить на богословский факультет, девятнадцатилетний Фридрих Клаусвиц в 1759 году, в разгар Семилетней войны, был определен юнкером в захудалый гарнизонный полк.

Военная карьера для недворянина в то время представляла большие трудности. В первой половине XVII века происхождение на военной службе еще не играло решающую роль. Лихой вождь кавалерии великого курфюрста Пруссии, генерал-фельдмаршал Дерфлинггер (1606—1695), в честь которого в 1912 году был назван лучший линейный крейсер германского флота, был сыном бедняка-крестьянина и начал свою жизненную карьеру, как гласит истори-

ческая традиция, в роли портновского подмастерья. Но повсюду в Европе, как только королевская власть становилась абсолютной, она расплачивалась с феодалами за лишение их части феодальных прав предоставлением им монополии на офицерские должности. Этот порядок твердо установился в Пруссии в начале XVIII века.

Конечно, при расширении армии чистота принципа страдала. Фридрих II был вынужден допускать бюргеров в захудалые части гарнизонной пехоты и в презираемую им артиллерию. Особенно мало разборчивым приходилось быть во время Семилетней войны, требовавшей большого напряжения. К концу войны Фридриху II приходилось даже зазывать буржуазию в армию. Сохранился эдикт 1762 года, в котором прусский король, указывая на разорение дворянства, особенно страдавшего от отсутствия покупателей на имения, обещал дворянство каждому пристойному бюргеру, который купит дворянское имение и выберет для одного из своих сыновей офицерскую карьеру.

Ввиду этих временных облегчений для бюргеров, Фридрих Клаусвиц был произведен в 1760 году в прапорщики, а затем переведен из гарнизонной пехоты в полевой полк на пополнение убыли. Он участвовал в двух походах Семилетней войны, но из его послужного списка отнюдь не видно, чтобы он был ранен, как это утверждает семейная легенда. Все же он являлся «вспомогательным», а не кадровым офицером; он был своего рода прапорщиком военного времени XVIII века. В 1764 году он даже был произведен в подпоручики, но сейчас же после войны встал вопрос об удалении из армии офицеров недворянского происхождения. Демобилизация Фридриха

Клаусвица встречала затруднения, так как у него не было никаких средств, и надо было приискать ему маленькую гражданскую должность. Таковая нашлась к 1767 году, и подпоручик Фридрих Клаусвиц стал на протяжении всей дальнейшей жизни сборщиком акциза в местечке Бург близ Магдебурга, с содержанием 300 талеров в год.

Скоро он оказался обремененным большой семьей. Первого июля 1780 года родился четвертый его сын — Карл, будущий знаменитый военный теоретик. Отец, несмотря на свою бедность, тянулся, стараясь поддерживать знакомство с офицерами, изменил свою фамилию вставкой буквы «е», так что она читалась — Клаузевиц. Таким образом он стал однофамильцем силезской дворянской семьи*. Он любил вспоминать героические походы Семилетней войны, говорить о несуществующем ранении и о затруднениях в розыске бумаг, доказывающих его дворянское происхождение... А образование детей приходилось ограничивать одной начальной городской школой. Однако знакомство с офицерами и разыгрываемая им роль ветерана Семилетней войны позволили пристроить трех сыновей юнкерами в пехотные полки. Все трое стали потом генералами.

Для поступления в юнкера, которые являлись унтер-офицерами, носившими знамя, и кандидатами в офицеры, не существовало никаких ограничений в отношении возраста или образования. Зачисление на военную службу детей началось в ту эпоху, когда дворянство еще неохотно шло на военную службу. Отцу

* Клаузевиц — старинная немецкая дворянская фамилия, ее носила семья силезских помещиков. Но она не имела ничего общего с предками знаменитого военного философа.

Фридриха II еще приходилось посылать полицейские команды, чтобы отбирать насильно у помещиков их сыновей и сдавать их «кадетами» в образцовые часты. Такая же ловля дворянских «недорослей» происходила в XVIII веке и в России.

Возможность такого зачисления детей в армию сохранилась и в последующие годы, так как она представляла большие удобства для феодалов. Последние часто «записывали» своих сыновей в полки в самом раннем детстве. Военная служба для них протекала вначале чисто номинально, а к тому времени, когда дворянчик действительно показывался в армию, ему по бумагам зачитывался значительный служебный стаж, и успевали набежать чины.

Для отца Клаузевица вопрос складывался иначе. В нищенском бюджете семьи каждый лишний рот был на счету. Поэтому, как только Карлу пошел двенадцатый год и мальчик усвоил начальную грамоту, отец отвез его в Потсдам и сдал в полк на военную службу. Связь с семьей оборвалась очень рано, и семья не оставила у Клаузевица никаких воспоминаний. Он никогда не говорил ни об отце, ни о матери. Братья, ранее его поступившие на военную службу, иногда сталкивались с ним, у него к ним были кое-какие родственные чувства; но это были типичные грубоватые, преуспевающие прусские офицеры, и даже когда они стали генералами, Клаузевиц стеснялся показывать их своим знакомым.

Старая потсдамская казарма, в которую попал оторванный от семьи ребенком Клаузевиц, производила подавляющее впечатление. Приезжая в Потсдам потом, в конце своей жизни, Клаузевиц каждый раз испытывал дрожь и переживал тяжелые минуты, «В Потсдаме я всегда чувствовал себя чуждым и

одиноким». Для Клаузевица военная служба в детском возрасте являлась отнюдь не sinecурой.

Ему пошел только тринадцатый год, когда полк выступил на войну с Францией. Юнкер Клаузевиц должен был нести в походе знамя. Физическим развитием он никогда особенно не отличался. Во время больших переходов вместо выбивавшегося из сил заморейного мальчика знамя нес солдат; только когда проходили через селение или город, Клаузевиц с трудом клал знамя на свое плечо. В серьезных боях Клаузевицу не пришлось принять участия. Его полк был назначен в 1793 году для осады занятого французами и ставшего революционным центром западной Германии Майнца. Война содействовала более быстрому прохождению начального стажа. К моменту сдачи Майнца Клаузевиц был произведен в прапорщики, а через два года, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет, — в подпоручики.

По своему развитию в эту эпоху Клаузевиц представлял собой нормального прусского офицера, пожалуй, стоявшего вследствие малой грамотности даже несколько ниже общего уровня. Его «пруссский» кругозор был крайне узок, и он, как и вся офицерская молодежь, полагал, что трещающая по всем швам при столкновении с французскими революционными войсками прусская армия старого порядка представляет чудо совершенства. Это был обыватель с непроснувшимся сознанием, во власти предрассудков старой эпохи. После производства в подпоручики он начал подписывать свою фамилию «фон-Клаузевиц». Через десять лет, в декабре 1806 года, чтобы не ввести в заблуждение девушку, на которой он хотел жениться, он писал ей: «мое дворянство такого рода, что надо быть ежеминутно готовым отстаивать его со

шпагой в руке». При этом, однако, он просил не смотреть на него как на узурпатора, присвоившего не принадлежащее ему звание: он и его брат служили в полку, в котором все офицеры были исключительно дворяне; по рассказам отца, Клаузевиц и его брат составили себе твердое представление, что они дворяне и что дед лишь позабыл выправить какие-то бумаги. Все товарищи считали их дворянами, они и стали прибавлять частицу «фон» к своей фамилии.

В действительности, Клаузевиц и оба его брата получили дворянство только под конец жизни, по указу 1825 года. От товарищей Клаузевиц отличался лишь отсутствием кастовой ограниченности. Подлинными дворяне являлись наследниками и продолжателями помещичьих и юнкерских традиций, державших их как бы в шорах. А Клаузевица не связывали никакие традиции; нить, тянувшаяся к нему от буржуазии, оборвалась, а среди дворян он являлся чужаком.

К религии Клаузевиц проявлял полную индифферентность. Впоследствии, когда личность Шарнгорста уже наложила на Клаузевица свой отпечаток, его позиция по отношению к религии характеризуется следующими замечаниями: «Религия не должна отвращать наши взоры от мира, в котором мы живем»; «ни одна позитивная религия не может существовать вечно»; «большое неверие — моя главная добродетель или мой основной недостаток».

В 1795 году Пруссия заключила мир с Францией, и боевая карьера Клаузевица оборвалась. «Созерцание без мышления, — говорил Гете, — утомляет». Поэтому единственное сильное впечатление, вынесенное Клаузевицем из революционных войн, относится к моменту возвращения из района военных действий:

«Нет ничего более интересного, чем момент, когда выходишь из крутых гор и перед тобой разворачивается плодородная, хорошо обработанная равнина со всеми своими богатствами. Я вспоминаю всегда с удовольствием картину, которая открылась передо мной, когда прусская армия покинула Вогезы. Мы провели шесть месяцев в суровых лесистых горах, бедных и меланхоличных. После тяжелого марша мы вдруг оказались на последнем отроге Вогезов, и перед нами внизу развернулась роскошная долина Рейна, между Ландау и Вормсом. В этот момент мне показалось, что жизнь, раньше серьезная и мрачная, становится милой и предстоит переход от слез к улыбке. Часто впоследствии я надеялся пережить еще раз такой момент. Но для этого требуется не только такая же картина, но и повторение тех же условий, в которых я тогда находился; тогда мои впечатления получили бы ту же силу и новизну».

Несколько месяцев полк Клаузевица провел на отдыхе, широко разбросавшись по деревням, и наш герой со своим взводом прожил их в одиноком крестьянском хуторе. Затем он попал в небольшой городок Ней-Руппин. «Находясь в маленьком гарнизоне, окруженный прозаическими явлениями и имея дело только с будничными людьми, я выделялся от лучшей части моих товарищей, то-есть от весьма обычных людей, разве лишь несколько большей склонностью к мышлению, к литературе и военным честолюбием, единственным пережитком ранних порывов». Клаузевиц сознавал, что он не может, как его товарищи, рассчитывать на помощь своих родителей, пустивших его в свободное плавание по жизненному морю, и что надо полагаться лишь на собственные силы, чтобы проложить себе дорогу.

Революционная эпоха, в которую Клаузевиц жил, крупные исторические события, свидетелем которых он являлся, заставляли его мечтать о том, чтобы сыграть в жизни крупную роль и прославиться. В 1807 году он писал невесте: «Мое вступление в жизнь произошло на театре больших событий, где решалась судьба народов, и мой взор тянулся не к храму, в котором домашний уют торжествует свое тихое счастье, а к триумфальной арке, под которой следует победитель, когда свежий лавровый венок украсит его пылающее чело».

Сведения о шести годах, которые провел Клаузевиц в полку после окончания военных действий, крайне скудны. Он не любил вспоминать тяжелые моменты своей юности. Командир полка был просвещенный человек, устроивший ремесленную школу для солдатских детей и подготовительную школу для кандидатов в офицеры. Но Клаузевиц уже перерос те знания, которые здесь можно было почерпнуть. Нет сомнения, что он упорно занимался самообразованием и изучал начальную математику и французский язык.

Из военных писателей Клаузевиц отдавал предпочтение одному из первых писателей по стратегии — Бюлову, на творчестве которого уже сказалось влияние революции. Впоследствии он его безжалостно разгромил.

В то время прусские офицеры зачитывались походами Фридриха II, являвшегося предметом их безграничного восхищения. Клаузевиц также прочел историю Фридриха II и некоторые его труды. Однако у Клаузевица нет и следов восхищения. По отношению к Фридриху II у Клаузевица всегда проявлялась трезвая оценка; более всего он ценил в нем

готовность идти на риск, соединенную с мудрой сдержанностью в постановке цели, в соответствии с его скудными средствами.

Очевидно уже в эту эпоху у Клаузевица выработалось его в высшей степени сдержанное отношение к новым людям, идеям, явлениям. Отсутствие детства, одиночество, окружение чуждого ему дворянства, несколько фальшивое положение—вызывали в нем большую замкнутость и величайший скептицизм, потребность хорошо осмотреться и продумать пережитое с разных сторон, прежде чем высказаться или отдаться своим впечатлениям. Он дичился не только новых людей, но и новых идей. Эта внешняя сдержанность маскировала внутреннее кипение, страстность, готовность идти на любые жертвы. Но мышление и чувства Клаузевица еще не были ориентированы. Любимым его поэтом был Шиллер. В маленьком гарнизоне не с кем было посоветоваться, было не много книг, не было учителей, интеллигентных людей, с которыми можно было бы побеседовать. В этих условиях достичь многого было невозможно. Умственный рост Клаузевица задерживался. Все же в 1801 году ему удалось выдержать приемный экзамен в Берлинскую офицерскую школу.

На первых порах Клаузевицу пришлось не легко: он выбивался из сил, но не справлялся с заданиями. Учиться было трудно; жизнь в Берлине стоила дороже, чем в маленьком гарнизоне, и в бюджете образовался чувствительный прорыв. Возможности приработка к жалованию были ничтожны. Чтобы покрыть самые нестложные расходы, Клаузевиц за плату нес караульные наряды вместо состоятельных сверстников по офицерской школе. Это было связано с горькими минутами. Он научился молчать. Среди сверстников

даже ходил слух, что он в одиночестве по-фельдфебельски «пьет горькую». Клаузевиц уже собирался бросить учение и возвратиться в свой гарнизон. В критическую минуту, когда он начал докладывать директору школы Шарнгорсту о том, что не справляется с требованиями и уходит, ему улыбнулось счастье.

В лице Шарнгорста ему повстречался умный и отзывчивый наставник, который заинтересовался учеником и, несмотря на недостатки общей подготовки, открыл в нем крупные способности; больше всего, как видно из выпускной аттестации Клаузевица, Шарнгорсту бросился в глаза его «редкий талант давать явлениям верную оценку в целом». Он был озабочен тем, чтобы создать школу, чтобы растить и выдвигать людей, которые закончили бы начатое им дело. Проблески таланта в Клаузевице прельстили Шарнгорста. Рассчитывать провести в жизнь свои взгляды без широкой апелляции к общественности Шарнгорст не мог. Ему требовался выдающийся литературный сотрудник и преданный работник в предстоявшей борьбе. Клаузевиц вполне подходил к такой роли.

Шарнгорст сумел вдохнуть в Клаузевица веру в собственные силы, занялся им и крепко к нему привязался. Клаузевиц стал его баловнем и другом. У Шарнгорста со временем появилось много друзей среди единомышленников по военной реформе, но все они признавали привилегированное положение Клаузевица. Последний с удивительной понятливостью схватывал новые мысли Шарнгорста, отделял их от пережитков старого и преподносил Шарнгорсту в таком ясном истолковании и чеканной формулировке, которая умиляла наставника. «Только с вами я вполне

понимаю себя, наши идеи постоянно совпадают или спокойно следуют рядом в неизменном направлении», — писал Шарнгорст своему ученику.

Учение в этих условиях стало даваться Клаузевицу очень легко. Поглощая мудрость Шарнгорста, Клаузевиц развивался с необычайной быстротой. Как и другие слушатели офицерской школы, Клаузевиц ходил в медицинскую академию слушать лекции Кизеветтера, философа второго ранга, популяризовавшего в Берлине учение Канта. Лекции Кизеветтера в 1801 году были посвящены морали, в 1802 году — эстетике.

Фашистская «литература» современной нам Германии, прибегая к фашизации Канта, как мнимого выразителя национал-социалистической «этики», усиленно подчеркивает значение этих прослушанных из вторых рук и весьма разжиженных кантовских лекций, будто бы обративших Клаузевица в строгого последователя Канта. Конечно, это жесточайшее извращение. В жизни Клаузевица не было ни малейшего периода увлечения Кантом, как это можно отметить у многих его современников.

Лекции Кизеветтера по философии имели для Клаузевица лишь общеобразовательное значение — такой же умственной тренировки, какой в молодости является изучение математики. Во всяком случае не может быть и речи о влиянии на Клаузевица элементов кантовской философии морали, права и государства. Попытки идти по скользкому пути от философии к политике вообще отрицались Клаузевицем.

Тезис о решающем влиянии Канта на Клаузевица яснее всего опровергается взглядами Клаузевица на источники энергии полководца и командира. Напрас-

но мы будем искать здесь у Клаузевица хотя бы малейший намек на кантовский «категорический императив». На первом месте у Клаузевица не сознание долга, а жажда славы и чести, обращающая общий успех как бы в личную собственность вождя. «Человек, и прежде всего полководец, в практической работе никогда не может являться только автоматом, выполняющим свой долг. Возложенный долг, поставленная задача должны обрести в его личном благородном стремлении тот поток сил, который позволит их осуществить». Выступая на войну 1806 года, Клаузевиц думал далеко не об одном абстрактном исполнении своего долга: «война требуется моему отечеству и, говоря откровенно, только война может привести меня к достижению счастливой цели». Подвигами на поле сражения Клаузевиц собирался преодолеть препятствия, стоявшие на пути к браку с любимой девушкой. На поле сражения Клаузевиц в критические минуты твердил себе не о долге, а слова: «дело идет о чести, дело идет о Марии». Это противопоставление личных чувств кантовскому императиву чрезвычайно характерно для Клаузевица.

Всегда сдержанный Клаузевиц относился с беззаветным увлечением лишь к одному Шарнгорсту, «отцу своего разума». У Клаузевица, в лице Шарнгорста, был в высшей степени разумный наставник. Но, конечно, ни один ученик не повторяет целиком своего учителя. Исторические сдвиги с каждой смелой поколений весьма заметны. Слова получают новый смысл.

Шарнгорст был на двадцать пять лет старше Клаузевица; он принадлежал к тому поколению, которое сознательно пережило подготовку, назревание и начало французской революции. Отсюда в политике

Шарнгорст прежде всего видел борьбу отдельных социальных групп, социальные сдвиги, вопросы внутренней политики. Сознание же поколения Клаузевица пробудилось к тому моменту, когда революция отошла на второй план, а на первый план выступил Наполеон с его завоевательной политикой подчинения своему господству всей Европы.

Политику Клаузевиц понимал прежде всего как внешнюю политику. Клаузевиц принадлежит уже полностью началу XIX века, он совершенно свободен от механистического материализма, при господстве которого начался рост Шарнгорста. Притом Клаузевиц в жизни оказался неудачником. Мы увидим, как все мечты его о том, чтобы приложить на практике свои силы, оказались разбитыми. Судьба заставила Клаузевица обособиться и уйти в военную теорию, в которой именно — а не в практике — проявилась его гениальность. Но эта отрезанность Клаузевица от практики, эта специализация на теоретической части наследства Шарнгорста привели его к тому, что он придавал малое значение материальной и технической стороне военного дела. Атмосфера реакции, в которой пришлось писать Клаузевицу, также не способствовала революционному внедрению в материальные основы военного дела. В результате Клаузевиц оказался гениальным теоретиком, гордящимся своим умственным родством с Шарнгорстом, но вполне оригинальным.

В 1803 году Клаузевиц, прекрасно сдав все работы, окончил школу и, по рекомендации Шарнгорста, был назначен адъютантом к племяннику Фридриха II, принцу Августу, молодому человеку, любившему весело пожить и нуждавшемуся в умном секретаре, так как сам он, по характеристике, данной ему

Наполеоном в 1811 году, был ветрогоном (sans boussole et sans tête). Эта должность не помешала Клаузевицу энергично продолжать работу над собой. На дворцовых приемах появилась фигура молодого, всегда молчаливого офицера. Клаузевиц при этом принимал энергичное участие в трудах военно-научного общества, основанного Шарнгорстом.

В 1805 году в журнале «Новая Беллона» была напечатана первая значительная литературная работа Клаузевица «Замечания о чистой и прикладной стратегии господина фон-Бюлова, или критика содержащихся в ней взглядов». Эта статья, как и все, что при жизни печатал Клаузевиц, не была подписана им. Литературная работа не была тогда окружена ореолом почета. В противоположность периоду конца XIX века журналы того времени были сплошь переполнены статьями анонимов. У Клаузевица были особые соображения не выставлять своего имени, но большинство офицеров боялось уронить свое достоинство, став литераторами.

Статья поражает нас своей законченностью и зрелостью. Она ставит крупнейшие проблемы, которые Клаузевиц берется в будущем разрешить, и содержит несколько важнейших положений его теории. Двадцатипятилетний автор, с запущенным в молодости образованием, выступает перед нами как философ, пылливо исследовавший коренные вопросы! Зрелость статьи объясняется тем, что она близка к дошедшему до нас наброску лекций Шарнгорста на ту же тему. Сохранились черновики этой статьи Клаузевица, уже полностью повторяющие мысли Шарнгорста. Появившаяся в печати статья разнится от черновика стилем, чрезвычайно красочным, пропитана иронией и является выдающейся по остроте полемики. Шарн-

горст относился к Бюлову несравненно мягче. До Шарнгорста Бюлов держал мышление Клаузевица в плену своих геометрических построений; теперь «друг военного детства» получал реванш от переросшего его поклонника. В остальном же эта «программная», по мнению многих, статья Клаузевица представляет последний его ученический труд. Творчество Клаузевица началось уже за этим порогом.

Бюлов как военный теоретик — материалист XVIII века со всеми свойственными метафизическому мировоззрению недостатками, но ему принадлежит и переломная мысль, что политика относится к стратегии так, как стратегия относится к тактике, и что первенство всюду принадлежит политике. Бюлов так же, как и Шарнгорст, учился у Жан-Жака Руссо. Но он пошел другим путем. Это был выходец из подлинной феодальной аристократии, погружившийся в богему. человек, подписывавший свои статьи полным именем и живший на нищенский литературный заработок, хотя его книги волновали всю Европу. Можно ли поставить ему в упрек, что не все у него было продумано, и наряду с гениальными открытиями встречались противоречия и просто газетная шелуха.

Бюлов был военный теоретик, своеобразный по сути своей антимилитарист. Он издевался над прусской династией Гогенцоллернов. За ним охотились все правительства Европы; высланный за революционность из Франции Наполеоном, которому он поклонялся, Бюлов был арестован в Пруссии, по требованию русского императора Александра I, за насмешки над походом к Аустерлицу и умер зимой на пути в Ригу под конвоем казаков, одетый в летний костюм... Это был человек, предостерегавший Пруссию накануне 1806 года о грозящей ей катастрофе,

о том, что Наполеон, располагающий силами революции, без труда раздавит пережившую себя монархию старого порядка...

У Шарнгорста, несомненно, были основания подходить с исключительно деловой критикой к трудам Бюлова, не щадившего феодальных пережитков Пруссии. Клаузевиц же перешел в атаку со всей страстностью новоявленного военного философа.

В Бюлове было много парадоксального. По меткому замечанию эрцгерцога Карла, труды Бюлова напоминают грозу, которая дает ослепительную вспышку молнии в соединении с тьмой и бесполезным грохотом. Поклонник Наполеона, французской техники и новых начал организации армии, созданных французской революцией, Бюлов является одним из первых теоретиков стратегии. Но новые формы наполеоновской стратегии Бюлов различить не сумел, и его стратегия полностью относилась к отошедшему уже в прошлое XVIII веку.

В то самое время, когда армии фактически перешли на довольствие местными средствами, Бюлов выдвинул линию подвоза продовольствия по коммуникационной линии с базы как элемент, всецело определяющий операцию. Стратегия Бюлова получила геометрическое оформление. Увлечение геометрией приводило к решительному подчеркиванию значения маневрирования — воздействия на неприятельские сообщения, занятия фланговых позиций, эксцентрического отступления, чтобы противник не мог погнаться за одной частью армии, не подставив свои тылы под удары другой части. Перевес значения маневра создавался Бюловым в ущерб значению боя. Не результаты сражений, а воздействие ученого маневрирования должно было определить исход войны.

Успехи цивилизации, по мнению Бюлова, должны привести к торжеству бескровных форм войны. Ульмская операция 1805 года, в которой Наполеон заставил без крупного сражения капитулировать австрийскую армию Мака, привела Бюлова к выводу: «В наши дни сражения больше даваться не будут». Сводя всю стратегию к данным, которые заранее могли быть исчислены и подытожены — а механистический материализм XVIII века уделял внимание только таким, допускающим измерение данным, — Бюлов приходил к выводу, что вскоре и войны явятся бесполезным занятием в виду возможности заранее надежно рассчитать результаты столкновения двух государств. В том, чтобы изгнать войну как средство разрешения споров между государствами, Бюлов и усматривал основную задачу теории военного искусства.

Учение Шарнгорста, конечно, было далеко от подобных утопий. Шарнгорст в 1806 году писал: «мы начинаем ценить военное искусство выше военных качеств, что во все времена вело народы к гибели. Храбрость, самопожертвование, стойкость являются основными устоями независимости народа, и если наши сердца перестают для них биться, то мы уже кончены, хотя бы только что одержали большую победу». Для Клаузевица, при отсутствии боев, нет и стратегии, так как стихия последней — борьба. Моральные силы для Клаузевица стоят в центре внимания. «Стратегия занимается не только величинами, поддающимися математическому расчету. О нет! Область военного искусства распространяется и на все моральные явления, в которых человеческий разум может раскрыть пригодные для войны вспомогательные средства».

Вслед за Шарнгорстом Клаузевиц бракует бюловское, чисто механическое разграничение стратегии и тактики: по Бюлову, стратегия — наука о военных передвижениях вне поля зрения противника, а тактика — в пределах последнего. Однако собственное определение стратегии Клаузевиц оказался в силах дать только через шесть лет. Относительно выдвигаемой Бюловым схемы наступления и обороны Клаузевиц говорит, что форма наступления и обороны — только один из факторов чрезвычайно сложного целого; эта форма должна находиться в строгой логической связи со всеми конкретными особенностями данного случая и может поэтому подлежать самым различным изменениям.

Страстная резкость выступлений, беспощадные, уничтожающие характеристики вообще свойственны Клаузевицу. Но в данной полемике у Клаузевица звучали ноты личных нападок на Бюлова. По отношению к прусскому государству Клаузевиц никогда не занимал революционной позиции.

Роман стратега

Пруссия прекратила участие в войнах первой коалиции против революционной Франции в 1794 году.

Двенадцать лет прусская армия оставалась в стороне от начавшегося стремительного развития военного искусства. Прусские офицеры, правда, командировались в южную Германию для изучения французских войск. Но они производили свои оценки исключительно с точки зрения достижений мушкетерской, в которой пруссаки, бесспорно, занимали первое место. Поэтому они приходили к выводу, что прусские войска легко справятся с более многочисленной (в полтора раза) французской армией: достаточно перейти в решительную атаку — и французы окажутся теми самыми солдатами, которые под Росбахом без оглядки бежали перед Фридрихом II.

Прусский король всему этому плохо верил. Но его попытки реформировать армию по французскому образцу встретили сопротивление авторитетных стариков-генералов, являвшихся сподвижниками еще Фридриха II. Эти пережившие себя люди утверждали, что всякое заимствование у французов несовместимо с «духом прусской армии». Король, неуверен

ный в добротности своих войск, вынужден был держаться мирной политики и упустил благоприятный момент примкнуть в 1805 году к новой коалиции Австрии и России, вступившей в войну с Наполеоном. Прусское правительство стремилось к захвату Ганновера, но оно рассчитывало добиться этой цели, занимая роль арбитра между воюющими, как вознаграждения за свой нейтралитет.

Наполеон прекрасно разгадал прусскую политику. В начале 1806 года он согласился, чтобы Пруссия оккупировала Ганновер при условии выступления против Швеции и Англии, и поссорил на этом деле прусского короля с Англией. А затем Наполеон начал переговоры с Англией и предложил ей, как условие мира, вернуть Ганновер, изгнав оттуда прусские войска. Прусский король в августе 1806 года почувствовал себя пойманным на удочку и решился на войну с Наполеоном в очень неудачный момент, когда единственный союзник, на которого он мог рассчитывать, — Россия — не был готов к немедленной поддержке прусской армии. Война в этих условиях была выгодна для Наполеона.

В Пруссии партия войны с Наполеоном состояла из весьма различных элементов. Для Шарнгорста и его друзей на первом плане были не прусские интересы, а интересы объединения Германии, сознание коих заставляло их протестовать против хозяйничания Наполеона в южной и западной Германии. Но решающую роль играли юнкера-реакционеры, являвшиеся принципиальными противниками французской революции, и прусские принцы, рассчитывавшие на возвышение Пруссии в результате победы над Наполеоном. Клаузевиц как немецкий патриот был страстным сторонником войны, которую он считал освободи-

тельной. Широкие массы оставались равнодушными к вопросам внешней политики.

Идеологическая подготовка велась при помощи царской России. Талантливый, но продажный писатель Генц был взят Александром I на агитационную работу. Весной 1806 года в Петербурге были отпечатаны вторым изданием его «Фрагменты новейшей истории политического равновесия в Европе», классический по мощности стиля и ядовитости мысли пропагандистский труд. Понятие политического равновесия перековывалось Генцем в наступательное оружие. Идея прусского нейтралитета толковалась Генцем как измена европейской цивилизации. Если сам Генц был доволен предисловием к своим «Фрагментам», которое, по его словам, «могло камень сдвинуть с места», то Клаузевиц был от него в полном восхищении. «Это предисловие, как присягу, надо заставить читать всех немцев ежемесячно; в головы же наших министров эти «Фрагменты» надо вбивать палками», — писал Клаузевиц.

Незадолго до начала войны прусский король разогнал по провинциальным городам вождей партии войны, представивших ему петицию о смене головки министерства иностранных дел. С началом мобилизации они получили частичный доступ к браздам правления. Шарнгорст получил пост начальника штаба главнокомандующего, герцога Брауншвейгского, но часть прусской армии была выделена под команду принца Гогенлоэ, имевшего свою главную квартиру и во всем несогласного с главнокомандующим. Чтобы их мирить, за армией следовал прусский король с третьим штабом, не имевшим определенных занятий. Споры и совещания не прекращались.

В этой какофонии принцы и влиятельные генералы

также стремились подать свой голос. Адъютант принца Августа, Клаузевиц, накануне разгрома также подавал через своего начальника архидерзкий проект переправы на глазах армии Наполеона через реку Заалу, которая течет в глубоко врезанной долине. Он не считался с тем, что, атакуя французов на закрытом и пересеченном правом берегу, прусский линейный порядок оказался бы совершенно бессильным против французских стрелков. Зато Клаузевиц выдвигал соблазнительную, но совершенно нереальную цель — прижать Наполеона к австрийской границе и заставить его капитулировать...

В течение этой кампании мы не заметим у Клаузевица и следа столь характерной для него впоследствии трезвости мысли. Могли ли люди, агитировавшие и боровшиеся за войну, выступить с благоразумным планом выжидания за рекой Эльбой подхода русских подкреплений, что означало бы уступку Наполеону без боя доброй трети прусской территории? Могли ли люди, стремившиеся к объединению Германии, отказаться от попытки увлечь наступлением другие германские государства — Саксонию, Гессен, Веймар? Прусский король, попавшийся на провокацию Наполеона, вступил в войну в невыгодных политических и стратегических условиях, а неопытные стратеги продолжали ошибочную линию политики. Осенью 1806 года зрелого понимания требований стратегии не было нигде: некоторые злобные, тупые консерваторы, как Кнезебек, враждебно относившиеся к войне с Наполеоном, высказывали мысль об обороне за Эльбой, а передовые и глубокие умы — Шарнгорст и Клаузевиц — стояли за гибельный наступательный план. Клаузевиц, исходя из ошибочных предпосылок, пришел к наиболее ошибочному плану. Широкие цели и

наступление, по мнению Клаузевица, должны были являться душой этой войны.

Однако, никаких материальных предпосылок для наступления не было. Состояние отсталой армии феодальной Пруссии уже исключало возможность рассчитывать на победу над передовой армией буржуазной Франции, уничтожившей путы средневековья.

К этому времени относится начало романа Клаузевица и Марии Брюль, тесно переплетавшееся с участием Клаузевица в катастрофической для Пруссии войне 1806 года. Влияние Марии Брюль на молодого Клаузевица было значительно. Оно объясняет отчасти то состояние экзальтации, в котором он тогда находился. Мария отнюдь не напоминала малокультурных жен и дочерей прусских юнкеров начала XIX века. Она получила несравненно более тонченное образование, чем Клаузевиц.

Великолепные постройки Дрездена, в том числе знаменитая Брюлевская терраса, являются памятником большого художественного вкуса и архитектурного размаха деда Марии графа Генриха Брюль, всемогущего саксонско-польского министра при Августе III. На отце Марии, Карле-Адольфе Брюль, лежит отпечаток утонченного придворного космополитизма XVIII века. Он выполнял дипломатические поручения в Петербурге, Варшаве, Париже, являлся генералом саксонской армии, а с гибелью ее в первые месяцы Семилетней войны продолжал сражаться против Пруссии в рядах французской армии. Он был женат на англичанке, и в 1787 году принял пост воспитателя будущего короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III. Предложение этого поста генералу

враждебной коалиции вызвало известное недоумение и недовольство в юнкерских кругах; оно объясняется репутацией Карла-Адольфа Брюль как самого образованного и воспитанного немца из военной среды. После его смерти в 1802 году, остались жена, сын и две дочери почти без всяких средств, но с крупными связями в Берлине. Дети успели получить выдающееся образование. Сын сражался против Наполеона в рядах прусской и австрийской армии, а впоследствии стоял во главе прусских музеев. Младшая дочь рано вышла замуж и через год, при рождении дочери, умерла. Старшая дочь, родившаяся в Варшаве в 1779 году, была Мария.

Ее мать, дочь английского консула в Петербурге, урожденная София Гом, была пропитана английским уважением к традициям, консерватизмом, ханжеством. Проведя всю жизнь на чужбине — в России, Польше, Саксонии, Пруссии — и будучи замужем за придворным космополитом, София Брюль в политическом отношении всегда оставалась верной дочерью консервативной Англии. Ее бедный вдовый салон в Берлине отличался строгими нравами и считался главным центром английской ориентации. Боровшаяся с Наполеоном Англия располагала в лице графини Софии Брюль бесплатной агентурой в Берлине. Здесь за скромной чашкой чая собирались такие непреклонные враги Наполеона, как Штейн и Гнейзенау, прусские принцессы — бывшая королева Нидерландов, от которой кружок получил кличку оранжистов (династия Оранских), бывшая герцогиня Гессенская, — выгнанные французской революцией и Наполеоном из их владений. В воспоминаниях ее племянницы Роховой этот салон описывается так: «Она и ее дочь, Мария Брюль, известная превосходным

образованием в художественном и эстетическом отношении, жили только политикой и ненавистью к французам... С представителями оранжистской породы я познакомилась у графини Брюль, у которой собирался кружок, живший исключительно ненавистью к Наполеону, надеждами на Англию и короткими сообщениями, дававшими пищу их распаленным взглядам. Как-то перед окнами графини Брюль Наполеон принимал парад. В квартире, конечно, на всех окнах занавеси были опущены. Один из присутствующих, никогда не видевший Наполеона, не утерпел и отодвинул край занавески. Немедленно же он был предан анафеме»...

Мария не являлась такой выдающейся красавицей, как ее младшая сестра, но по всем отзывам это была очень образованная девушка, серьезная и уравновешенная. Она приехала в Берлин восьмилетней девочкой. Ближайшей ее подругой была англичанка Маргарита Броун, дочь королевского врача, уехавшая в 1802 году на родину. Таким образом, по своему рождению и воспитанию, Мария на добрую половину являлась тоже англичанкой, что втягивало и Клаузевица в русло английской ориентации. Это сказывалось и во враждебном отношении к наполеоновской Франции, и в преклонении Клаузевица перед английской парламентской системой.

Мария была тесно связана с женской частью прусской королевской семьи. Но и в кругах немецкой буржуазии она пользовалась наилучшей репутацией. Гнейзенау, герой немецкой буржуазии, летом 1811 года так рекомендовал Марию, отправлявшуюся в Силезию, где она должна была навестить его жему: «у нее, кроме чрезвычайно культивированного ума, величайшая сердечная доброта и чрезвычайно прият-

ное утонченное обращение с людьми. Здесь в Берлине она является одной из наших образцовых женщин и очень мало отвечает представлению, которое в ваших краях обычно имеют о берлинках. Я надеюсь, что ты ее хорошо примешь и дружески пойдешь ей навстречу. Помни, что ее суждение о тебе явится для Берлина определяющим».

В 1803 году, на вечере у принца Фердинанда Гогенцоллерна, Мария Брюль, только что снявшая траур, который она носила по отцу, познакомилась с адъютантом принца Августа, молчаливым бедным офицером Карлом Клаузевицем. Это был молодой человек, среднего роста, худощавый, с темнокаштановыми волосами, удлинненным лицом, с выразительными, но некрасивыми чертами лица, серьезный и почти мрачный. Бросалась в глаза одна его особенность: он мог зажечься и взволноваться каждую минуту. Но также ежеминутно он был готов преодолеть свое волнение и обратиться в самого холодного и трезвого наблюдателя, разбившего своим реалистическим подходом все иллюзии. «К этому грустному вечеру относитесь исток моего высшего счастья» — писала Мария.

Страстная поклонница Гете, она очень скоро поняла, что ее новый знакомый — не заурядный офицер, а человек с выдающимся по ясности и глубине складом ума, что за его холодным, сдержанным обращением таится величайшая готовность с пожирающей страстностью идти на подвиг и отстаивать дорогую ему идею. Начались встречи и беседы о гетевском Вертере, в стиле эпохи. Первое объяснение состоялось 3 декабря 1805 года. Клаузевиц на следующий день должен был выступить в поход, так как прусский король решил, наконец, вмешаться в войну Австрии и России против Наполеона.

Было утро; Клаузевиц в меховом магазине купал вещи для зимнего похода. Неожиданно он оказался лицом к лицу с Марией. Предоставляем слово последней: «Покупатели входили и выходили; благодаря этому мы могли оставаться незамеченными в углу магазина. Я сказал ему, что надеюсь, что он не забудет своих берлинских друзей. Вероятно, мои слова значили меньше, чем то, как они были произнесены. Он взял мою руку и, целуя ее, ответил глубоко взволнованным голосом, очень значительно: кто вас видел раз, не забудет никогда. Его взгляд и тон, которым были произнесены эти слова, проникли до глубины моей души; я их буду помнить вечно. Молча и возбужденно оставались мы стоять в этом положении еще несколько мгновений. Моя рука задержалась в его руке. Если бы мы были одни, мы бросились бы друг другу в объятия, и я была бы богаче одним прекрасным воспоминанием. Но и так эта минута относится к лучшим и важнейшим нашей жизни. Мы поняли друг друга, и наш союз был молча заключен. Никогда я не забуду, что испытывала в этот день. Еще накануне на душе у меня лежала огромная тяжесть. Как только я оставалась одна, меня охватывали грусть и тоска. И вдруг, как будто каким-то колдовством, в одно мгновение все печали заменились блаженством! Я не думала ни о будущем, ни о прошлом; все это тонуло в блаженном состоянии — чувствовать себя столь любимой и выявить любимому свою любовь».

Клаузевиц скоро вернулся из бесславной прогулки прусских войск к границам Австрии: пока прусский король колебался, война Наполеона с Австрией была уже окончена. София Брюль и слышать не хотела о браке своей дочери с бедным штабс-капитаном неиз-

вестного происхождения. У Клаузевица нехватало духа обратиться с формальным предложением вступить в брак, а без такого предложения Мария не имела достаточно решимости для борьбы с матерью. Встречи, однако, продолжались. Клаузевиц рассчитывал отличиться на войне, чтобы завоевать Марию Брюль, и как только осенью 1806 года выступил в поход, начал часто писать Марии.

Лирическое настроение Клаузевица ярко выступает в этих письмах. Он так описывает Марии походную колонну: «В разомкнутых рядах еще можно различить отдельные лица с их индивидуальными особенностями. Помимо плавно развертывающегося марша замечается еще много проявлений жизни и разнообразия. Один за другим мелькают бойцы и их снаряжение сквозь зеленые ветки молодого леса. Вдали нельзя уже разобрать людей, но оружие еще блестит сквозь облака пыли... Даже утомление людей, медленно ползущих в гору в сопровождении пушек и обоза, накладывает на картину удачный мазок. В моих мыслях мелькает, что эти люди предприняли совместное длительное и трудное путешествие, чтобы в результате, во имя великой и священной цели, оканчиваясь на арене, где тысячи опасностей будут подстерегать их жизнь, и эти соображения придают развертывающейся картине глубоко волнующее значение».

В первых же дошедших до нас письмах Марии к Клаузевицу сохраняются следы стремления перевоспитать его на свой лад методами нежного и любовного воздействия. Она стояла за войну до победного конца.

Экзальтация, которую переживал Клаузевиц, заставляла его совершенно забывать о прямых интере-

сах безопасности прусского государства. Фридриху II, как высшее качество, он приписывает «гордую решимость погибнуть со славой». Высшая государственная мудрость рисовалась Клаузевицу как умение рисковать, идти на авантюру.

С ночлега у Россбаха, на поле сражения, где Фридрих II разбил французов, Клаузевиц пишет Марии: «У Фридриха имелась решимость все потерять или все выиграть, как у игрока, бросающего на карту последнее достояние. Было бы хорошо, если бы наши государственные люди пришли к тому же заключению, что это мужество представляет только инстинкт самосохранения сильных характеров и является наивысшей мудростью. Самый талантливый, осторожный и вдумчивый полководец, размышляющий в спокойных условиях, не тревожимый никакими увлечениями, не найдет ничего лучшего, как действовать с такой же энергией».

С этими мыслями о риске можно сопоставить впечатление Клаузевица при виде Монблана: «Зрелище этих суровых горных массивов напоминает о чем-то большом, широко охватывающем. И когда взор скользит гигантскими шагами по вершинам скал, отвесно поднимающихся на многие тысячи футов, то невозможно, чтобы грудь не расширилась, не поднялась бы вера в свои силы и сознанием не овладели бы крупные решения и надежды». Роль этого Монблана в жизни Клаузевица периода 1805—1812 годов играла Мария.

Особенно поразительна слепота Клаузевица в стратегических оценках и переоценка собственных сил, которые он проявлял в начале короткой кампании 1806 года. За две недели до разгрома под Иеной Клаузевиц пишет Марии: «Судьба открывает нам

теперь возможности мести, вызывающей бледный ужас на всех лицах Франции. Надменный император (Наполеон. — А. С.) будет свергнут в такую пропасть, где и костей его не соберут». А через три дня, 29 сентября, он добавляет: «Эта уверенность в победе была бы вне всякого сомнения, эта надежда обратилась бы в твердое убеждение, если бы я мог по собственному усмотрению руководить войной и управлять отдельными армиями».

За два дня до катастрофы Клаузевиц писал Марии, что он так радуется предстоящему столкновению, как радовался бы только в день свадьбы с ней, что он надеется на победу и рассчитывает скоро свидеться с ней или погибнуть на поле чести. Все суждения Клаузевица по стратегическим вопросам в момент решающих действий и еще два-три месяца спустя представляют такой же вывих мышления, как и это ожидание немедленного торжества над Наполеоном. Последний оценивал шансы Пруссии несколько иначе, предлагая прусскому королю, за два дня до развязки, капитулировать без боя, так как «Ваше величество ведь сознаете так же отчетливо, как я, что прусская армия будет разбита».

Принц Август и его адъютант, штабс-капитан Клаузевиц, находились 14 октября 1806 года на поле сражения под Ауэрштедтом. Клаузевиц со стрелками батальона, шефом которого был принц, принимал участие в штурме селения Попель, чтобы облегчить армии выход из боя. О переживаниях Клаузевица в этом бою не сохранилось никаких данных. Пруссаки располагали здесь тройным превосходством над французским корпусом Даву и все же отступили.

Любопытно, что еще два месяца спустя Клаузевиц оправдывал решение отступить, не использовав всех сил, и вдвое преувеличивал силы французов. Только впоследствии Клаузевиц уяснил, что у Ауэрштедта надо было драться до конца за победу; в конечном итоге отступление, правда, было неизбежно, но моральный капитал, нажитый на поражении Даву, позволил бы выполнить отступление не в столь катастрофических условиях, как это имело место в действительности.

Две недели в бедственных условиях продолжалось отступление прусской армии форсированными маршами, вернее бегство. Те красочные страницы, которые в капитальном труде Клаузевица посвящены отступлению после проигранного сражения и преследованию, несомненно несут тяжелый отпечаток этого отступления. Сопровождения более не собирались, принц Август вступил в командование подшефным ему батальоном, а Клаузевиц, оставив высокие сферы стратегии, обратился в батальонного адъютанта. На этих постах мы застаем их утром 28 октября, в арберггарде армии Гогенлоэ, подтягивавшейся к Пренцлау.

Пятнадцать дней стремительного отступления истощили пруссаков до крайности. В армии насчитывалось только 12 тысяч человек. В батальоне Клаузевица, почти не участвовавшем в боях, оставалось только 240 человек; две трети батальона дезертировало или, выбившись из сил, отстало и сдалось французам. Конница Мюрата окружила армию Гогенлоэ, и последний капитулировал. Но французы имели при этом неосторожность отрезать от армии батальон принца Августа и кавалерийский полк. Принц решил улизнуть в сторону. Он дал задачу кавалерийскому полку прикрыть отход. Но прусские кавалеристы,

отъехав в сторону, сразу пустились большим аллюром и скрылись из виду. 240 пехотинцев остались одни и стали уходить. Французская кавалерийская дивизия Бомона заметила их и выслала части для преследования.

Интересен следующий эпизод, показания о котором Клаузевица и французского майора Рейзе в основном совпадают. Французские драгуны поскакали в атаку. Положение прусского батальона было почти безвыходным. Батальон остановился и перестроился. Офицеры повторяли солдатам запрет — не стрелять, пока кавалерия не доскачет вплотную. Раздалась команда: «пальба батальоном». Клаузевиц пишет: «В эти минуты мне вспомнился пример из сражения под Минденом (Семилетняя война.—А. С.), где французская кавалерия атаковала два ганноверских батальона. Последние не открыли огня на обычной дистанции и молча ждали. Кавалерия постепенно начала сбавлять галоп, перешла в рысь и, наконец, в шаг. То же явление повторилось теперь на моих глазах. Французские драгуны неслись галопом. Было видно, что они с беспокойством ожидают момента нашего залпа. Они доскакали на сотню шагов, а залпа еще не было. Тогда они начали сдерживать лошадей и переходить в мелкую рысь. Залп последовал, когда они находились в тридцати шагах. Довольно много всадников упало, другие нагнулись к шеям лошадей, резко повернули и умчались полным ходом... Наши люди находились в состоянии полного морального и физического истощения; французская конница, вследствие непрерывного ряда успехов, отличалась большой дерзостью и предприимчивостью; наличные силы — 240 пехотинцев против 1500 кавалеристов — были столь неравны, что наше положение, несомнен-

но, было чрезвычайно критическим. Нас спасло хладнокровие унтер-офицеров и офицеров и приказание задержать открытие огня. Во всех случаях, когда конница врывается в пехотные карэ (построение четырехугольником. — А. С.), можно быть уверенным, что пехота потеряла строй и ослабела, пока храбрые кавалеристы еще не успели повернуть назад, или же она открыла огонь слишком рано, и к моменту шока кавалеристы не получили выстрелов в упор».

В этих строках чувствуется гордость пехотинца и при том ученика Шарнгорста. Последний имел кличку «убийца прусской конницы», так как провел реформу армии в 1808 году прежде всего за счет дорожного рода войск — конницы. Яркие антикавалерийские настроения характерны и для капитального труда Клаузевица.

Стремление отделаться от назойливых атак заставило принца повернуть батальон на проселок, шедший болотами реки Укер, несмотря на предупреждения крестьян, что проселок не проезжий. Пруссаки забралась в болото, пересеченное канавами, в котором люди проваливались по пояс. Патроны намокли. Лошадь принца завязла. Все выбились из сил. Наконец, пруссаки стали выбираться небольшими группами из болота, и, бросив ружья, начали сдаваться наблюдавшим их злоклучения французским драгунам.

Но ни личные переживания, ни общие результаты осенней кампании 1806 года, когда в течение одного месяца в сражениях под Иеной и Ауэрштедтом и шести последовавших катастрофах пруссаки из 174-тысячной армии потеряли 160 тысяч человек, еще не сломили упорства Клаузевица, отказывавшегося признать негодность прусской армии старого порядка для

борьбы с поднявшейся на высшую ступень французской армией. В течение полутора месяцев, которые он провел еще в Германии, до отсылки во Францию, Клаузевиц успел поместить в гамбургском историческом журнале «Минерва» три «Исторических письма».

Война продолжалась, и Клаузевиц как немецкий патриот считал, что не имел морального права уничтожать последние надежды немцев. Только это соображение может быть приведено для оправдания той роли защитника старой прусской армии, которую взял на себя Клаузевиц в этом отчете немецкой общественности о причинах катастрофы. Но не следует придавать этому соображению особой цены. Повязка с глаз Клаузевица еще не спала, он еще не прозрел. В чем причины катастрофы? Для гибели армии, — отвечает Клаузевиц, — ничего чрезмерного не требуется. Без какой-либо вины войск на них сыплются злейшие напасти только по причине посредственности, вследствие недостатка моральных импульсов и отсутствия гениальности отдельных лиц.

Теневые стороны отсталой феодальной армии, вымуштрованной палками капралов, не вскрываются здесь Клаузевицем. Он защищает нелепый прусский план наступательной войны и оправдывает отступление в сражении под Ауэрштэдом, которое можно было выиграть благодаря превосходству сил. Он прославляет Блюхера, который по совету Шарнгорста, прижатый к датской границе тройными силами французов, не капитулировал, а принял отчаянный бой и был захвачен на следующий день с остатками всего корпуса. «Имя Блюхера для меня останется навсегда воспоминанием о человеке, в минуту величайшей опасности поднимавшем мужество нации». Работа Клаузевица заканчивалась призывом,

явившимся пересказом Генца: «Нам нужно удвоить наше мужество, чтобы вместе с народом нести злоключения и стыд нашего времени. И все же я обращаюсь ко всем немцам: уважайте сами себя, что означает — не отчаивайтесь в вашей судьбе»*.

«Письма» Клаузевица объективно являлись защитой прусского юнкерства, проигравшего войну. Оценка Клаузевицем прусской армии 1806 года пропагандировалась впоследствии и большим прусским генеральным штабом и фон-дер-Гольцем и целиком подхвачена в фашистской Германии: прекрасна была фридриховская армия, да кое-какие генералы подкачали. Эта по сути дела реакционная оценка для нас только любопытный этап на пути Клаузевица к выработке зрелой системы взглядов.

В начале 1807 года Клаузевиц, переживая тяжелый внутренний кризис, покончил с предрассудком о высоких качествах прусских войск. Ведь ни одна армия не склонилась так бесславно под ударами Наполеона, как прусская. Он начал писать для себя мемуары о войне 1806 года. «Я буду здесь рассматривать вопросы, по которым нельзя выступать публично». К сожалению эти мемуары до сих пор не опубликованы.

Мы можем судить о них по немногим выдержкам, сделанным лицами, просматривавшими семейный архив Клаузевица: «Офицеры и солдаты не были втянуты в войну, а генералы не отдавали нужных распоряжений». «В нашем коротком походе я видел только дурное и гнусное». «Мы не только проявили полную бесталанность, но не сумели действовать и сколько-нибудь школьно-правильно».

* У Генца: «Немцы, достойные своего имени, не отчаивайтесь». Предисловие к «Фрагментам», стр. 41.

Клаузевиц научился отличать подлинную воинскую доблесть передовой французской армии от спеси, тщеславия, самомнения прусской военщины, культивировавшей традиции фридриховской армии.

В нашем распоряжении имеется первый том большого неоконченного труда Клаузевица, написанный через пятнадцать лет после событий* и изданный спустя восемьдесят лет. Этот первый том начинается с политической характеристики прусского государства, обрисовывает затем резкими чертами, без малейшей снисходительности, важнейших государственных и военных деятелей и дает общий очерк кампании 1806 года.

Колоссальная пропасть отделяет мышление политически созревшего Клаузевица от тех наивных чаяний и соображений, которые мелькали в его мозгу во время похода. Эта пропасть создана уроками жизни. Чтобы показать, что они не пропали даром для Клаузевица, мы приведем выдержку из итогов, подведенных созревшим Клаузевицем. «Окостеневшая Пруссия представляла собой безжизненное тело! Какая-то слепота препятствовала ей постигнуть свою слабость. Слышен был шум государственной машины, и никто не задавался вопросом, продолжает ли она еще давать полезную работу».

Рутина, как и повсюду, господствовала в армии. Членом кабинета, докладчиком по военным вопросам являлся королевский генерал-адъютант. На этот пост назначался придворный с мягкими манерами, искусный в составлении ничего не значащих резолюций.

В вонной коллегии все думали только о том, как

* «Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe».

сложить с себя всякую ответственность. В самой армии было много слабых сторон.

По словам Клаузевица, который не сумел вскрыть социальные корни «состояния умов» в реакционной Пруссии, широкие массы были настроены отнюдь не воинственно. Крестьяне и ремесленники не имели никакого представления об угрожающих успехах Франции при Наполеоне. Правительство ничего не сделало, чтобы подчеркнуть нависшую над Пруссией опасность. Наоборот, оно постаралось скрыть оскорбления, которым подвергалось национальное достоинство, и распространяло убеждение, что политика нейтралитета наилучше обеспечивает интересы государства.

Народ чувствовал себя в полной безопасности. Осведомленные же люди частью восхищались французскими порядками и готовы были с радостью принять опеку Наполеона, а частью, не разрывая полностью с прусским патриотизмом, находили, что лучше всего продолжать политику мира.

В дальнейшем изложении Клаузевиц безоговорочно признает ошибочность наступательных замыслов прусского плана: слабая прусская армия, соединявшая в себе худшие стороны постоянной армии и милиции, не должна была и мечтать о том, чтобы своими силами справиться с Наполеоном. Надо было оставаться за рекой Эльбой. Встретясь с Наполеоном на реке Заале, нечего было и думать о форсировании этой реки — надо было пытаться ускользнуть. Но раз втянувшись в бой под Ауэрштедтом, надо было довести его до конца, чтобы обеспечить этой победой последующее отступление.

Опирающийся на исторический опыт, более глубокий анализ событий 1806 года заставил Клаузевица изменить на 180 градусов все оценки и стратегиче-

ские наметки, которые он делал в двадцатилетнем возрасте.

Несмотря на засвидетельствованную Шарнгорстом редкую способность давать явления оценку в целом, Клаузевицу пришлось пройти длинный жизненный путь и провести много лет в размышлениях, прежде чем он нащупал твердую почву под своими взглядами на войну и военную историю.

В плену

Вместо отличия за подвиги, которое должно было облегчить ему завоевание Марии, Клаузевиц оказался захлеснутым катастрофой прусского государства и в плену у французов. Первые два месяца он оставался на свободе в Пруссии. Мария сознавала, что наступил момент для принятия решения. В конце 1806 года Клаузевиц со своим принцем подлежал отправке во Францию. В день отъезда произошло свидание Клаузевица с Марией, устроенное последней у знакомых. «Эта новая встреча была для меня неопишимо хороша. Пережитые опасности изгнали из моего сердца всякий след страха или горделивой сдержанности и дали мне полностью почувствовать, чем для меня был Карл. С задушевной любовью и полнейшим самоотречением прижала я его к своему сердцу».

За этим свиданием наступила разлука, продолжавшаяся целый год. В декабре 1806 года принц Август вызвал в Берлин своего адъютанта Клаузевица, чтобы в его сопровождении ехать в Нанси. Через некоторое время принц перебрался в Суассон, откуда можно было выезжать в Париж, чтобы там развлекаться. Уже в Берлине принц Август имел заслуженную

кличку дон-Жуана. Пребывание во Франции открыло широкую арену для его талантов. Молодой и статный принц, таская за собой своего адъютанта, ежедневно появлялся в светском обществе. А Клаузевиц переживал тяжелую внутреннюю драму. Он ведет обеспеченное, но никчемное существование адъютанта королевского принца, в то время, когда его друзья продолжают отчаянную борьбу.

Поведение принца Августа глубоко раздражало Клаузевица. Единственной заботой Клаузевица было, как бы принц «как гражданин своего государства не выкинул бы что-нибудь постыдное», «что может принести вред немцам». Для роли Лепорелло Клаузевиц совершенно не подходил. Под влиянием этих злоключений характер его стал еще более мрачным и угрюмым. Он становится беспощадным и к себе и к людям. При этом презрение к людским слабостям, уже начинающее отчуждать Клаузевица от общества, сочетается в нем с гнетущим чувством неуверенности в своих действиях. Ведь все данные им в 1806 году оценки оказались ошибочными.

Особенно тягостное впечатление произвело на Клаузевица пораженческое настроение немецких народных масс, когда французы отвозили пленных принца Августа и Клаузевица в Берлин. Не узнавшая их жена смотрителя почтовой станции упорно допытывалась у Клаузевица — удалось ли французам забрать решительно всех прусских солдат? Клаузевиц поинтересовался, зачем ей это знать. Он получил исчерпывающее объяснение: война и нашествие французских войск приносят большие убытки, которым не видно конца, пока война будет продолжаться. Исход войны все равно был уже ясен каждому после Иенской катастрофы. Теперь все свои упования бюргеры воз-

лагали на то, что французы быстро переловят оставшихся прусских солдат — и войне конец...

Пораженческие настроения разделялись и правящими верхами. Немедленно после разгрома прусской армии союзники Пруссии — Саксония и Веймар — заключили сепаратный мир с Наполеоном. Коменданты крепостей — Эрфурта, Шпандау, Штуттина, Кюстрина, Магдебурга — считали продолжение войны безнадежным и заключали сепаратный мир на свой лад, сдавая крепости при подходе передовых частей французской конницы. Прусский король, тщетно пытавшийся остановить продвижение французов просьбой о перемирии, уехал под защиту русских штыков в Кенигсберг. Но за ним последовала только половина министров, другая половина осталась в Берлине и предложила Наполеону свои услуги по управлению оккупированной территорией Пруссии.

В этих условиях Клаузевиц временно отступил от своего политического идеала — конституционной монархии с парламентом по английскому образцу — и ухватился за идею диктатуры сверху, при помощи которой, приказом свыше, в целях защиты национальной независимости, можно будет организовать народное восстание против наполеоновской Франции. Такое же, но более мимолетное увлечение в этот период идей единоличной диктатуры для спасения Германии отмечается и у философа Фихте, к которому Клаузевиц обратился даже с письмом*. Крайним представителем идеи единоличной диктатуры для спасения государства является известный флорентинец эпохи Возрождения, Маккиавелли, и немудрено, что Маккиа-

* Письмо неизвестного офицера. Том VII сочинений Фихте, изд. 1925 г. В нашем распоряжении, к сожалению, этого издания не было.

велли одновременно стал любимым писателем и Фихте и Клаузевица.

Клаузевиц утверждал: «ни одна книга в мире не является более необходимой политикой, чем труд Маккиавелли». «Это кодекс всякой дипломатии, и горе тому, кто отойдет от этого кодекса».

Эта идея единоличной диктатуры отнюдь не была революционной. Она ничем не напоминала «якобинской» диктатуры во Франции, опиравшейся на мелкобуржуазные массы. На идее единоличной диктатуры базировал Маккиавелли свои надежды на объединение Италии. Диктатура прельщала Клаузевица, как средство революции сверху. «Правительство достаточно часто применяло средства принуждения против своих народов, преследуя узкие цели, исходя из намерений невысокого полета. Таким образом, патриархальное правительство, каким является прусское, может также энергично применять все средства принуждения, находящиеся в его распоряжении, чтобы заставить народ выполнить свой священный долг. Существует принуждение — и при том ужасное принуждение, — которое все же вовсе не является тиранией». Отголоски этих мыслей использования диктатуры для организации восстания встречаются у Клаузевица до 1811 года, в частности, в проекте создания ландштурма.

Против увлечения Клаузевица мыслями Маккиавелли о спасении посредством единоличной диктатуры выступил его наставник Шарнгорст, который более глубоко понимал условия победы в освободительной войне. В очень ласковом письме от 27 ноября 1807 года он поучал Клаузевица, что решающее значение для спасения нации имеют массы и что возможность производить сдвиги сверху ограничена. Однако Шарн-

горст выступал против «революции снизу», ратуя за «постепенное развитие». Нужен органический рост, становление: «Вот все, что мы можем: разрушить старые формы, освободить от оков предрассудков, быть восприимчивыми при рождении нового строя, ухаживать за ним и не мешать его свободному росту, — дальше этого круг нашего воздействия не распространяется».

Развивавшийся в Клаузевице пессимизм, значительно ослаблявший его дееспособность, характеризуется им в письмах к невесте так: «У меня не может быть радости, против которой сейчас же не ополчилось бы внутреннее враждебное начало. И едва лишь радость замелькает в грациозном танце перед моим очарованным взором, как уже настигает ее ядовитая стрела и она безжизненно поникает. Этот беспощадный стрелок, сидящий во мне, является или сыном несчастья, вступившим в ужасный союз с цветущей порой нашей жизни, или печальным инстинктом — злым другом детства моего духа, возвращенным во мне природой; а может быть — это внимательный страж моего здравого рассудка, несущий исправно службу — этого я не могу решить».

Очень тяжело переживал Клаузевиц катастрофу прусского государства, отразившуюся и на его личной жизни: «Жизнь моя — бесследное бытие. Человек без отечества — отвратительная мысль. Жизнь его — это нить, выдернутая из ткани, ни к чему уже негодная». Унижение Пруссии Наполеоном после Тильзитского мира вызывает в нем чувства озлобленного национализма, доходящие до бреда. «Нет такого человека в мире, который испытывал бы большую потребность в национальном достоинстве и чести, чем я», «Мы должны не бояться, а скорее желать полно-

го завоевания. Гораздо страшнее для нас постыдное состояние, при котором обывательскому существованию ничто не грозит, а независимость и достоинство государства утрачиваются».

Клаузевиц приветствует то, что наполеоновская политика угнетения не усвоила мудрого политического приема римлян — не вторгаться в частную жизнь побежденных народов. Французы дают наглядные уроки никчемности обывательского индивидуализма и подчеркивают зависимость условий жизни каждого в отдельности от успехов коллектива в целом. Чем хуже обывателю, тем лучше: «У нас все хотят вернуться к своей обыденной жизни и утомленные сделанными усилиями стремятся отдохнуть, во что бы то ни стало... Дух немцев с каждым днем становится все хуже. Повсюду встречаются такая низость характера и готовность отказаться от своих убеждений, что остается только плакать... А кто виновен в этой всеобщей низости? Вожди, не сумевшие дать примера твердости. Народ вышел бы из своей апатии, если бы во главе его стали решительные люди... Если мне будет позволено высказать мою наиболее сокровенную мысль, я должен выявить себя сторонником самых крайних средств: я хлестал бы кнутом до тех пор, пока это равнодушное животное (немецкий народ. — А. С.) не взбесилось бы, и я научил бы его разорвать цепи, которыми оно из трусости позволило себя сковать».

В соответствии с этими настроениями, Клаузевиц стремится дисциплинировать свои огромные способности, не дать им расплываться и направить их по узкому руслу интересов прусского государства, воспитывая свое сознание по образцу хорошо управляемой монархии, которая устремляет полностью все силы в

соответственную сторону, по указанию верховной власти. Шоры прусского национализма Клаузевиц проносил еще свыше четырех лет.

В соответствии с этой программой перевоспитания себя, Клаузевиц в Париже интересуется институтом глухонемых Сикара. Преподавание глухонемым, по мнению Клаузевица, — это победа логической ясности и моральной энергии над материальными преградами. Нормальные люди многое воспринимают без всякой критики, глухонемые же подходят ко всему путем логических заключений, так, как мы изучаем геометрию. И в некоторых областях мышление глухонемых, несомненно, должно превосходить мышление нормальных людей, как менее изоциренных в критике и логике. Ведь и сам Клаузевиц в это время стремился стать ко многому глухонемым, чтобы сосредоточиться на идее государства.

Посещение Клаузевицем Луврской картинной галереи в Париже и осмотр находящихся там пейзажей являлись только данью уважения к специальности его невесты — знатока ландшафтной живописи.

Во Франции Клаузевиц сделал и переслал Шарнгорсту набросок «оперативного плана для Австрии, если она теперь (1807 год) захочет принять участие в войне против Франции». План этот признается всеми критиками неудачным, так как он разбрасывал австрийские армии, без особой нужды, по всем границам Австрии. Позднее Клаузевиц всегда высказывался за наступление сосредоточенными силами на важнейшем направлении. Но в 1807 году не живые силы наполеоновской армии являлись объектом проектируемых Клаузевицем операций. На первом плане выступало стремление к подрыву престижа Наполеона и его политического положения на огромном протя-

жении оккупированных немецких, итальянских и голландских областей. Клаузевиц здесь отходит от всех классических образцов и нащупывает стратегию восстания.

Осенью 1807 года наступило время освобождения из плена. Принц Август и Клаузевиц направились в Пруссию через Швейцарию. В Женеве им пришлось задержаться на несколько дней из-за паспортных формальностей. Клаузевиц осмотрел воспитательное учреждение знаменитого педагога Песталоцци, оставившее в нем сильное впечатление.

В это время на берегу Женевского озера, в своей вилле Копэ, проживала в ссылке известная писательница г-жа Сталь. Двадцатичетырехлетний принц Август отправился к ней с визитом и, встретив гостившую у Сталь известную красавицу мадам Рекамье, сразу же влюбился в нее и застрял на берегах Женевского озера на три месяца.

Новый «плен» принца Августа явился рецидивом плена и для Клаузевица, для которого разлука с родиной и невестой увеличилась еще на три месяца. Г-жа Рекамье стала для Клаузевица новым злоключением, и ей, конечно, не удалось завоевать симпатий мрачного адъютанта. Клаузевиц отзывался о ней как о простой кокетке: «*sehr gewöhnliche Kokette*». Отношения с принцем несколько обострились, доклады, которые писал из плена принц, резко снизились в качестве—Клаузевиц перестал прилагать к ним свою руку.

Г-жа Сталь, занятая собиранием материалов для своего знаменитого труда «О Германии», очень ценила беседы с Клаузевицем, скромным офицером, вся личность которого доказывала, однако, что понятие «Германия», так возмущавшее Наполеона, являлось не выдумкой, а реальной действительностью,

Г-жа Сталь много говорила о немецкой литературе, и ее восторженные отзывы о немецких писателях подкупали Клаузевица.

«Кто знаком с немецкой литературой, тот становится человеком вдвойне», — эта фраза Сталь умилила сердце пленного Клаузевица. У г-жи Сталь Клаузевиц постоянно встречался и с ее основным информатором по немецкой литературе и философии, основоположником романтизма, филологом Вильгельмом Шлегелем.

Влияние Шлегеля и Сталь выразилось во враждебных оценках Клаузевицем «характера» французской нации и французской революции. Шлегель упрекал французов в недостаточном развитии индивидуальности. Все французы похожи друг на друга, как вафли, выпеченные в одной и той же форме. Природа позволила себе роскошь сверх всякой меры — издать одного человека в тридцати миллионах экземпляров. «Надо быть благодарным французу, который при встрече с вами берет на себя труд разыграть заученную наизусть роль своей жизни и при этом не выкладывает ее вам сразу и полностью». Клаузевиц только продолжает мысли Шлегеля в своих заметках. Каждый немец строит фразу по собственному вкусу, а французы говорят и пишут готовыми фразами. Это производит такое же впечатление, как будто люди едят из одной тарелки. Француз напоминает экспедиционную контору, не располагающую собственным товаром, а рассылающую чужие, уже готовые товары (то-есть фразы). Французский поэт часто складывает стихи, отдельные строки, которых уже встречались у других поэтов.

От этих заметок Клаузевиц перешел к довольно поверхностной разработке темы о немцах и французах вообще, ограничиваясь лишь одной голой психологией

и не касаясь проблемы социально-экономического развития обеих наций.

Параллель между этими двумя нациями, из которых одна переживала свою буржуазную революцию, а другая еще не преодолела феодальной ступени развития, являлась в то время модной темой. Клаузевиц подошел к теме, как к смотру двух народов перед великой решающей битвой, и составил инвентарь их плюсов и минусов, чтобы иметь его в виду при составлении плана войны.

По его мнению, корень своеобразия французской нации лежит в легкой возбуждаемости чувств и мышления и их непостоянстве. Отсюда у французов их подвижной и богатый ассоциациями ум, их умение тонко различать поверхностные нюансы, их вежливость и благопристойность, их веселость и довольство в частной жизни, но и недостаток углубленности, общность мнений и оценок, механический уклон в эстетических и политических теориях, потребность во внешнем признании, несклонность к умозрению. Поэтому французы очень склонны к политике, у них национальное сознание получает резко выраженный характер. Тщеславие французов дает сильный рычаг в руки правительства, обуславливает воинственное настроение, легко перерождающееся в подлинное мужество. В общем французская нация представляет превосходное орудие для политики, которым равно может пользоваться как монархия, так и республика. Плодородие французской почвы позволило выдвинуть удовольствие на первый план по сравнению с трудом. Французы любят остроты и веселость; они отдают всюду предпочтение игре перед страстью. Они плохие коммерсанты и негодные философы, но хорошие хозяева и прирожденные рантье.

Немцы по сравнению с французами тяжеловесны, молчаливы, флегматичны, но упорны и глубоки. У них больше жару, чем пламени. Их специальностью является литература и область абстрактного. Серьезность, собственное достоинство, несклонность к внешнему блеску, независимость, индивидуальность характерны для немцев. Обратной стороной этих достоинств является раздробленность общественного мнения, безучастность многих к политике, критическое отношение к мероприятиям правительства. А правительство ведь никогда не может управлять государством, исходя только из указаний разума: ему приходится использовать и предрассудки, и страсти, и даже слабости. Ведь если из пушечной бронзы извлечь мягкий цинк, металл станет не крепче, а податливее.

При склонности немцев к вечному резонерству и их односторонности, порождающей систему даже у болтунов и сплетников, происходит постоянное ковыряние в недостатках и охаивание своего. Поэтому у немцев не может быть ни национальных героев, ни национального дела. Чем более люди углубляются в мышление, тем шире расходятся их умы. Оригинальность немцев стоит в противоречии с формированием национального сознания. Немец способен усыпить себя софистикой и отступить от своего долга, как поступили в 1806 году капитулировавшие коменданты крепостей.

Из скудости немецкой земли и характера немцев вытекает их трудолюбие и старательность. Жизнь рантье не представляет для немца особой привлекательности. С той же усидчивостью, с которой работает немецкий ремесленник, занимаются в области науки немецкие философы и ученые. Законы и формы политической жизни являются для немцев гораздо

более стеснительными, чем для французов. В отношениях немцев к мероприятиям правительства замечается больше эгоизма и оглядки на свои интересы.

В конечном счете, — заключает Клаузевиц, — французы со своей ограниченностью, довольством и тщеславием гораздо легче могут быть управляемы, чем немцы с безграничными запросами их ума, оригинальностью и резонерством. Такое же превосходство в истории имели, в отношении практической политики, римляне по сравнению с греками, на стороне которых, как и немцев, несомненно находилось превосходство в отношении богатства и разнообразия индивидуальности.

Эта параллель между римлянами — французами и греками — немцами в то время была в большом ходу у немецких историков и философов. Но тогда как последних решительно прельщали греки, Клаузевиц, как реальный политик, учитывавший задачи создания образцового буржуазного прусского государства, отдавал явное предпочтение могущественному Риму. В этой работе, оставшейся неопубликованной, Клаузевиц допустил несвойственную ему вообще методологическую ошибку — неисторический подход к теме, вопреки тому, чему учил его Шарнгорст. Национальный характер выступает у него как некая постоянная величина, которая зависит только от почвы и климата. Весь исторический процесс развития классового общества чужд Клаузевицу. Между тем многое из того, что Клаузевиц пытается характеризовать как особенность национального характера немцев, по существу являлось лишь отражением отсталости капиталистического развития Германии от уровня, уже достигнутого Францией.

Суждения Клаузевица о французской революции, относящиеся к моменту его пребывания в плену в обществе г-жи Сталь и Шлегеля, поражают своей реакционностью. Клаузевиц вступает в бой с распространённым мнением о невозможности противостоять тому широкому размаху и порыву, которые дала революция французскому народу. По его мнению, это величайшее заблуждение. Разве деспотизм Наполеона, — спрашивает он, — не покончил с революцией? Но он не признает и достижений революции. Свидетельствуют ли революционные войны о действительном патриотическом энтузиазме французов и высших проявлениях героизма? Эти банды грабителей, развернувшиеся на границах против менее многочисленного противника, предводимого старцами, показали ли они действительно прочную моральную спайку? Одержали ли бы они свои победы, если бы в их рядах не было кадров старых войск французской монархии и нескольких талантливых офицеров, которым помогло счастье? В 1444 году на реке Бор 1500 швейцарцев попытались остановить 30 тысяч французских наемников — «живодеров», из этих 1500 швейцарцев после боя осталось только 10 не раненых. Наблюдается ли у французов такое самопожертвование? Если они во время революции обнаружили большую активность, то лишь вследствие нависшей над ними угрозы гильотины. Но террор закончился. Никогда в истории французы не показали примера выдающихся моральных качеств. Надо быть особенно легковёрным, чтобы поверить, что революция в несколько дней могла изменить характер народа.

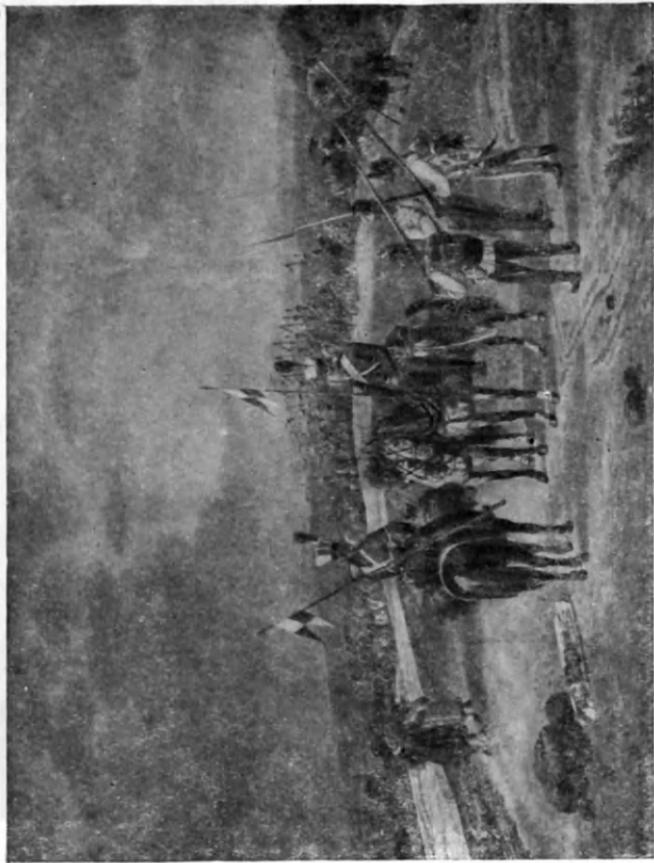
Какой это лепет по сравнению с суждениями Клаузевица о войнах революционной Франции в 8-й, последней части капитального труда (главы 3-я и 6-я),

высказанными через двадцать лет и особенно оцененными Лениным!

«Благодаря участию в войне всего народа, не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присутствующим ему весом был брошен на чашки весов. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил... Если все революционные войны протекли раньше, чем их сила была осознана и полностью почувствована, если революционные генералы еще не устремились неудержимо к конечной цели и не разрушили европейских монархий... то реально это находилось в зависимости лишь от технического несовершенства французской организации... Когда же Бонапарт устранил эти недостатки, вооруженные силы Франции, опирающиеся на всю народную мощь, прошли из края в край Европы, сметая на своем пути всякое сопротивление столь уверенно и надежно, что там, где им противостояли одни лишь вооруженные силы старого порядка, не возникало даже проблеска сомнения в исходе борьбы. Огромное влияние французской революции на зарубежные страны заключается, очевидно, не столько в новых средствах войны и взглядах на ее ведение, сколько в коренных изменениях в политике и администрации, в характере правительства, состоянии народа и т. д.»

Разница в этих двух отрывках знаменует собой огромный диапазон развития Клаузевица за два последующих десятилетия.

Шлегель давал Клаузевицу много книг для чтения. Весьма возможно, что в числе их были и первые труды философа Шеллинга, с которым Шлегель был одно время очень близок. Шлегель также был очень близок к Гегелю и познакомил, повидимому, Клау-

Сцена из эпохи наполеоновских войн
С цветной гравюры Баргша (Гос. музей изобразительных искусств)

*Прусские пленные после Иенской катастрофы 1806 года
Лубок начала XIX столетия*

зевица с началами его философии. В дальнейшем мы встретимся с отчетливыми следами влияния Шеллинга и Гегеля на Клаузевица. Что же касается чар собственно романтизма, проповедуемого Шлегелем, то на реалистическом складе ума Клаузевица они не оставили никакого следа. Униженная, опозоренная Германия заслонялась в мечтах романтиков далеким средневековьем. Они утешали себя воспоминаниями о германских императорах, совершавших славные походы за Альпы, колесивших по Италии и Палестине. В занятом французами Берлине историк Иоганн Мюллер читал лекции о славе Фридриха II. Это претяло реалисту Клаузевицу. «Нация, начинающая жить воспоминаниями в духе Мюллера, находится при смерти. Нация должна ежедневным делом и всегдашней готовностью защищать свою независимость, утверждать свое право на существование», — писал Клаузевиц*.

Романтическая проповедь Шлегеля нашла у Клаузевица отрицательную оценку. Рационализм XVIII века естественно должен был вызвать реакцию, выдвигающую на первый план чувство и фантазию. «Детищем этой реакции против рационализма и явилась секта романтиков. Они плывут по течению и вследствие своего специфически легкого удельного веса плывут скорее других. Но почему я должен отсюда делать вывод, что они могут искуснее других руководить этим течением? Я не холодный резонер; об этом знают мои друзья по моей сердечной привязанности к ним, мое отечество — по непоколебимой

* «Тот жизни и свободы лишь достоин,
Кто с бою добывал их каждый день, как воин».
Гете, Фауст.

верности и преданности, враги его — по моей страстной ненависти и вражде, клятву в которых я дал и держу. Я поэтому не постыжусь и открыто выступить против этого вздорного мистицизма, повсюду направляющего человека к темным берегам, куда лучше было бы вовсе не приставать и где он останавливается в бессилии, как ребенок». Этой точке зрения на романтизм Клаузевиц остался верен всю жизнь.

Конфирматором Марии был пастор Шлейермахер, выдающийся представитель романтики, философ, страстный пропагандист и заговорщик, в 1812 году за счет царизма взявший на себя руководство антифранцузской пропагандой в немецком тылу Наполеона. Фашистская литература тщетно стремится протянуть связь между Клаузевицем и Шлейермахером. На самом же деле Клаузевиц не принимал участия в подпольной работе придворного пастора-философа и никогда не упоминал его имени.

Возвращение в Германию, начатое отъездом из Парижа 1 августа 1807 года и задержанное романом принца Августа с Рекамье, состоялось только в начале ноября. Катастрофа Пруссии унесла с собой молодость Клаузевица. На немецкую почву он вернулся с наполовину созревшим мировоззрением, истомившийся в плену, но еще не огчаявшийся в будущем Германии.

Кружок реформы

Четыре с половиной года провел Клаузевиц на родине, от возвращения из плена в ноябре 1807 года до добровольной эмиграции в апреле 1812 года. Основным тоном настроения Клаузевица за это время было глубокое недоверие и презрительное отношение к своим соотечественникам. Будни немецкой жизни раздражали Клаузевица. Население занималось своим делом и, как казалось Клаузевицу, уделяло недостаточно внимания делу освобождения Германии от наполеоновского гнета.

Он едко отзывался даже о популярной среди патриотов прусской королеве Луизе, которая позволила себе так забыть, что протанцовала однажды до двух часов утра. Допустимо ли такое легкомыслие, когда будущее Пруссии, которую уже почти раздавил Наполеон, столь чреват угрозами? «Жизнь среди поколения, которое само себя не уважает и неспособно пожертвовать собой и своим достоинством во имя самой священной цели, отравляет и хоронит все радости существования». «В отношении нашей судьбы я — самый крайний пессимист; по правде говоря, мы и не заслуживаем лучшей участи. Бедное германское отечество! Его гордое чело должно поникнуть. Так

хочет судьба, с которой нельзя вступить в спор, так как яд гнусности, непрерывно отравляющий здоровые части нашей страны и препятствующий всякому выздоровлению, победить еще в десять раз труднее, чем внешнюю тиранию».

Величайшей угрозой для будущего Германии Клаузевицу рисовались ханжество, безмятежность, удовлетворенность существующим положением. Особенно подозрительной Клаузевицу казалась в этот момент философия. Мечтания и абстракция философов могут ослабить порыв к действию. Систематическая смена эпох, о которой говорит Фихте, может умалить значение переживаемого момента и самоценность выдвигаемых им задач. Возможно, Клаузевиц имел в виду и Гегеля, о котором должен был знать от Шлегеля и который после Тильзитского мира занял дружественную Наполеону позицию.

Зиму 1807—1808 годов, в течение которой Фихте держал «речи к германскому народу», Клаузевиц провел в Берлине, слушал знаменитого философа и читал его только что вышедший труд «Основные черты современной эпохи». Но, по мнению Клаузевица, взгляды Фихте были не слишком практичны и не имели достаточной опоры в истории и опыте.

Клаузевиц вовсе умалчивает о представителе аристократической эпохи «поэтов и мыслителей», Гете, который благодумствовал в Веймаре и на призывы к восстанию против французов давал олимпийский ответ: «рабы, не звените вашими цепями».

Это раздвоение философских верхов Германии на таких принципиальных противников Наполеона, как Фихте и Шлейермахер, и на восхищавшихся им поклонников, как Гете и Гегель, отражало двойственную позицию всего немецкого общества.

Основным противником французской революции и Наполеона являлась Англия. Английская политика жадно ловила на континенте всякого возможного союзника и не скупилась на помощь. В сфере ее воздействия оказывались прежде всего аграрные страны, как Пруссия и Россия, во внешней торговле коих Англия занимала командующие позиции, скупая сельскохозяйственное сырье и поставляя промышленные изделия и колониальные товары. Установленная Наполеоном континентальная система больно ударила по этим государствам и господствующему в них классу помещиков. Но в западной и южной Германии преобладали потребляющие, а не производящие области, имелись уже начатки промышленности, и последняя под защитой континентальной системы начала энергично развиваться.

Особенно резко при Наполеоне стало возрастать благосостояние Саксонии и рейнских областей. Часть Германии, вошедшей в состав Рейнского союза в орбиту непосредственного руководства Наполеона, получила французский кодекс, сметавший все остатки феодализма и приобщавший немецкие массы к основным завоеваниям французской революции. Таким образом, для многих немцев западной Германии господство Наполеона представлялось как воплощение положительных сторон французской революции в монархическую форму.

Но если на западе Германии сторонниками Франции во многих случаях являлись либералы, то в Пруссии таковыми были по преимуществу матерые реакционеры. Дело в том, что борьбу Пруссии с Наполеоном трудно было мыслить без апелляции к широкому массам немецкого народа. Но, чтобы двинуть прусского крестьянина на борьбу с Наполеоном,

раскрепостившим западную Германию, нужно было предварительно снять с него феодальные оковы и в Пруссии. Борьба с Францией являлась возможной лишь при предпосылке проведения широких либеральных реформ в Пруссии. Перед прусским помещиком стояла альтернатива: или смириться перед Наполеоном, или отказаться от ряда очень доходных феодальных прав и привилегий. Поэтому борьба с Наполеоном в Пруссии втягивала по преимуществу прогрессивные круги.

Борьба с Наполеоном являлась прогрессивным делом и в общегерманском масштабе, поскольку господство Франции знаменовало сохранение Германии в раздробленном виде. Эта политическая раздробленность немецких земель являлась острым ножом для германской буржуазии, ограничивая все ее предприятия карликовыми масштабами, выдвигая перед ней на каждом десятке километров гаможенные рогатки. Задачи экономического развития Германии представляли настойчивые требования устранить это препятствие. Политика объединения Германии требовала борьбы с Францией.

Этому выводу, однако, в известной мере противоречила внутренняя слабость того класса, который являлся выразителем политики объединения Германии — германской буржуазии. Дряблая немецкая буржуазия не сумела повести решительной борьбы с феодальными кругами. В решительный момент победы над Наполеоном немецкая буржуазия оказалась на поводу у феодальных верхов и осталась, как мы увидим, у разбитого корыта реакционной и расчлененной попрежнему Германии.

Первые пять месяцев после возвращения из плена Клаузевиц провел в Берлине, разлученный с Шарнгор-

стом и кружком его друзей, находившихся при правительстве, оставшемся в Кенигсберге. Находясь в одиночестве, Клаузевиц составил записку «о будущих военных операциях Пруссии против Франции». Этот первый план войны за освобождение Германии представляет интерес по своей смелости и новизне стратегических взглядов. «Превосходство в смелости, иобщество, быстрота», — так характеризовал он его Марии. «Если наступит крайность (т. е. решение Наполеона уничтожить Пруссию.— А. С.), остается еще путь для нашего спасения, но на этом пути нет ничего обыденного. Все лежит в области нового и исключительного, в которой мы только и можем поднять оружие против нашего врага и получить лучший и, во всяком случае, почетный жребий».

Это план борьбы Пруссии, располагающей сорокатысячной армией, с десятикратным превосходством сил Наполеона. Клаузевиц намечает ведение войны без какого-либо твердого базиса для ведения операций. Надо жертвовать территорией, чтобы не погубить армию. Задача прикрытия прусских областей автоматически вела бы к проигрышу войны и связала бы живую силу армии, являющуюся единственной ставкой, на которую можно выиграть. Оборона безнадежна, и полевые войска, возглавленные решительным вождем, должны быть брошены в тыл врага. Внезапное наступление заставит противника разделиться на много отрядов, и ударит в чувствительнейший пункт всей политической системы Наполеона. Оно вызовет взрывы во Франции, где и так имеются близкие к бунту настроения, оно приведет к распадению в рядах вассалов Наполеона и будет развиваться в союзе с общественным мнением Германии и Европы. Крайне трудно уничтожить такую армию. совершенно сво-

бодную от какой-либо связи с территорией. Она сможет быстро оправиться от всякого поражения, а значение каждого ее успеха будет несоразмерно велико; если армии удастся несколько продержаться, то она явится вернейшим залогом восстановления Пруссии. Основным соображением в пользу этого плана являлось тщательно продуманное доказательство обреченности любой борьбы «другими средствами».

Война без территориального базиса и сообщений, исключительная ставка на моральный элемент вместо господствовавшего ранее в военной теории геометрического элемента, противоположный, по сравнению с Бюловым, полюс воззрений на стратегию, бесконечные решимость и радикализм автора — вот характеристика этого плана. Главные силы по замыслу должны действовать методами партизанской войны. В обстановке восстания, гражданской войны, такой план, пожалуй, является возможным; вообще же осуществление его превосходит меру риска и ответственности, которые могут быть взяты на себя руководством войны. Это — крайний «левый загиб» в стратегии. Любопытно, что Клаузевиц, разрабатывая этот план из широкой политической предпосылки — борьбы за освобождение Германии, останавливается только на его военной части. Таким же военным специалистом, разрешающим военные задачи по указанию политики, остается он и на протяжении своего капитального труда.

Клаузевиц искусственно ограничивает себя одной военной стороной войны и не предьявляет политике никаких запросов. Его друзья — Шарнгорст, Гнейзенау — которые находились в отдалении от него, в Кенигсберге, мысль которых также концентрирова-

лась на подготовке борьбы с Наполеоном в тылу последнего, целесообразно и разумно переносили центр плана в область политики, которая должна подготовить восстание в тылу Наполеона и мобилизовать все интересы и силы немецкого народа на борьбу с французами.

У Клаузевица здесь характерный провал. Все его внимание поглощалось внешней политикой, а внутренняя политика, расстановка классовых сил, от которой зависит успех восстания, оказывались вне интересующей его сферы. Армия, которой он оперирует в своем плане, это армия старого порядка, частично пополняемая вербовкой иностранцев. О всеобщей воинской повинности, как единственной основе освободительной борьбы маленькой Пруссии с мощным противником, у Клаузевица нет ни одного слова. Всеобщую воинскую повинность Клаузевиц продолжал недооценивать до конца жизни. Клаузевиц в этом плане подчеркивает, что военное искусство заключается в разумном сочетании целей и средств, и далее не распространяется на эту тему. Этому суженному представлению о военном искусстве Клаузевиц остался верен и в капитальном труде. Разумная подготовка «средств» никогда не привлекала его внимания.

План Клаузевица исходит из общего для кружка друзей Шарнгорста положения: самый смелый путь является для Пруссии единственно возможным и потому самым надежным. Но было бы ошибочно видеть в радикализме стратегической мысли Клаузевица страсть, увлечение, иллюзионизм. Клаузевиц стремится, хотя и unsuccessfully, быть возможно объективным и трезвым реалистом. Еще незадолго до составления этого плана Клаузевиц бешено обрушивался на Рос-

сию за позор заключения Тильзитского мира. В своем же плане он пишет: «русских всегда обвиняют в том, что они опаздывают» (притти на помощь своим союзникам. — А. С.). Это то же самое, что печалиться: «как плохо устроена природа, посылающая зимой снег, когда и без того холодно».

Клаузевиц провел в оккупированном французами Берлине зиму 1807—1808 года. Магь Марии по-прежнему отказывала в своем согласии на брак. Еще летом 1808 года Мария писала жениху: «мама добрая, но молчит». Тактика Марии заключалась в том, что она «по секрету» писала прусским принцессам и знакомым о своем романе с Клаузевицем и этой оглаской заставила мать в конце концов примириться с необходимостью брака.

Клаузевицу предстояло вновь разлучиться со своей невестой. Прусское правительство ютилось в Кенигсберге. Там находился и Шарнгорст, к которому и стремился устроиться на работу Клаузевиц. Оставшаяся одна в Берлине, Мария занялась самообразованием в области истории, чтобы стать на уровень умственных запросов своего жениха. Научные интересы Клаузевица вращались в области истории и военного искусства. Поэтому Мария перенесла свои интересы из эстетики в историю. В ноябре 1808 года она писала жениху: «не помню, рассказывала ли я тебе, что читаю Геродота; он интересует меня неописуемо. Когда читаешь плавное изложение самих античных авторов, получаешь совершенно другое впечатление по сравнению с изучением их через посредство современных компиляций, в которых, в большинстве случаев, полностью утрачивается их дух. Я намереваюсь посвятить такому чтению все время, которое еще проведу здесь». Через 5 недель Мария писала: «вечерами те-

перь читаю историю Тридцатилетней войны и кроме того продолжаю изучать историю Греции по древним авторам и современным трудам. В эти дни мне бросилось в глаза удивительное сходство между Филиппом Македонским и особой, которую мы знаем (Наполеоном.— А. С.), а также некоторое сходство всего этого времени с нашей эпохой». За Тридцатилетнюю войну Мария взялась потому, что Клаузевиц решил серьезно изучить действия Густава-Адольфа в Тридцатилетней войне и этим положить начало своим систематическим занятиям по военному искусству. Мария готовилась дискутировать с Клаузевицем об основных началах его первого крупного труда, вошедшего в IX том посмертного издания.

В начале апреля 1808 года Клаузевиц, сопровождая принца Августа, прибыл в Кенигсберг, куда переехало прусское правительство из оккупированного французами Берлина. Здесь работали Штейн, Шарнгорст и его друзья над подготовкой военного возрождения Пруссии. Только через 10 месяцев с Клаузевица было снято бремя адъютанских обязанностей при принце Августе, что вызвало его радостный вздох. В феврале 1809 года Клаузевиц был переведен в генеральный штаб и сделан начальником канцелярии Шарнгорста. Но уже с самого прибытия в Кенигсберг Клаузевиц вошел в тесный круг друзей Шарнгорста, работавших над реформой.

Оккупированная французскими войсками Германия покрылась бесчисленным количеством различных союзов — «ферейнов», в большей или меньшей степени нелегальных и различным образом маскировавших свою основную цель — освобождение из-под власти Наполеона. Наибольшую известность среди них получил начавший организовываться в Кенигсберге в

момент приезда Клаузевица тайный «морально-научный союз», получивший кличку «Тугендбунд», т. е. союз добродетели *. Для Клаузевица цели Тугендбунда являлись слишком мелкими и умеренными, и он отказался войти в него. После того как по требованию Наполеона Штейн был удален из правительства, а прусский король, наткнувшись на сопротивление сторонников борьбы с Наполеоном, начал подозрительно относиться ко всем конспираторам, Тугендбунд развалился. Он просуществовал всего два года. Воздержался от вступления в это общество и Шарнгорст, что не помешало молве сделать из него самого страшного подпольщика Тугендбунда. Правда, чтобы контролировать действия офицерской молодежи, Шарнгорст провел на руководящий пост директора подпольного «военного института» своего друга и помощника Бойена **.

В это время возник также радикальный кружок реформы, собравшийся около Шарнгорста, в который входил и кумир немецкой патриотической буржуазии — Гнейзенау.

Стоявший во главе реформы армии Шарнгорст исходил из убеждения, что ни одна политическая форма, в том числе и предложенная им реорганизация, не имеет абсолютной ценности. То, что является духом, т. е. содержанием, выше формы. Дороже всего Шарнгорст ценил признание, что реформа открывает широкую дорогу для выявления национальных досто-

* Это была довольно невинная конспирация крупных чиновников, с участием принцев, под негласной опекой прусской королевы.

** Тугендбунд имел и особую военную секцию — «военный институт» — нечто вроде тайного военно-научного общества, в котором числилось вначале 38 молодых офицеров.

инств. «В новых порядках нельзя рассматривать отдельные вопросы вне связи с целым. Поднять дух армии, теснее связать армию и народ и указать им направление к их величайшим целям — вот система, лежащая в основе новых порядков». Эти умеренные идеи не отвечали мировоззрению крепостников. Поэтому Шарнгорст рассматривался феодалами как классовый враг, более опасный, чем французы, оккупировавшие Германию. Когда реформаторская деятельность Шарнгорста оказалась в 1808 году заторможенной увольнением стоявшего во главе кабинета министров Штейна, очень авторитетный, но реакционный прусский генерал Йорк от души одобрил французское вмешательство во внутренние дела Пруссии: «слава богу, одна безумная башка (Штейн) раздавлена, теперь другая ехидная гадина (Шарнгорст) захлебнется собственным ядом».

В кружке реформы Клаузевиц, перед которым стояла цель — освобождение Германии, получил прозвище «Безусловный». Среди этих талантливых людей — Гнейзенау, Грольмана, Бойена — Клаузевиц быстро занял видное положение, благодаря своему уму и своим определенным взглядам, а также потому, что он являлся наиболее близким другом и доверенным признанного вождя кружка — Шарнгорста.

Г-жа Бегелен, кокетничавшая с Гнейзенау, умная мешанка, лицемерная реакционерка, которая боится себя предоставлением своего адреса для тайных сношений реформаторов, неспособная понимать самопожертвования, так описывает часть этого кружка в его героические дни начала освободительной войны (1813 год): «Гнейзенау выглядит индюком. Клаузевиц имеет на него решительное влияние и представляется мне как вождь партии. Он честолю-

любив и благоразумен. Мне представляется, что он домогается личного благополучия и скрывает это под маской защиты общих интересов. Самый темпераментный — Грольман». В этой злой характеристике, приписывающей Клаузевицу совершенно несвойственные ему карьеризм и лицемерие, интересно лишь признание чрезвычайно авторитетного положения Клаузевица в кружке передовых людей Пруссии.

При способностях Клаузевица и крупном положении среди людей, взявшихся за переделку прусской армии, следовало бы ожидать значительного его участия в деле реформы. Ведь он был ближайшим сподвижником Шарнгорста, проводившего в эти годы перестройку вербованных войск старого порядка в современную армию, основанную на коротких сроках службы и всеобщей воинской повинности. Какое богатство вопросов, связанных с наилучшей подготовкой к войне этого «вооруженного народа», должно было представляться Клаузевицу! Однако, надо признать, что участие Клаузевица в реформе было чисто формальное. Он явно тяготился им. Эта работа казалась ему слишком мелочной и слишком далекой от поглощавшей его цели — разгрома французов.

Клаузевиц являлся сторонником немедленного выступления для использования того напряжения, которое охватило всю Европу во второй половине 1808 года при известиях о поражениях французских войск в Испании и Португалии. Обширная же работа по военной реформе, которая должна была сказаться только через несколько лет, отвлекала внимание от использования благоприятного момента, когда и Австрия зашевелилась и начала вооружаться на борьбу с Наполеоном. Притом Клаузевиц никогда не проявлял интереса к подготовке вооруженных сил, а толь-

ко к их расходованию. Эта подготовительная работа была тесно связана с внутренней политикой, с борьбой против феодальных пережитков, с новой расстановкой в военных вопросах классовых сил дворянства и буржуазии; все эти вопросы живо волновали Шарнгорста, но оставляли равнодушным Клаузевица, который в политике проявлял крайнюю умеренность взглядов и совершенно чужд был какому-либо радикализму. Если в области стратегических планов Клаузевиц представлял наиболее решительные и новые взгляды, то в работе над реформой армии он оказывался наиболее умеренным и консервативным из всего кружка, что и дало повод г-же Бегелен признать его благоразумие.

Когда Клаузевиц перешел с адъютантской службы на службу к Шарнгорсту, он писал Марии: «Работа мне кажется теперь такой легкой! Я как будто вышел из холодной могилы и в хороший весенний день вернулся к жизни!» Сердечные отношения с Шарнгорстом не нарушались. Последний признавал, что доклады Клаузевица являлись для него отдыхом. Клаузевиц по движению лица Шарнгорста уже догадывался о его резолюции и умел тотчас же совершенно точно облечь его взгляды в соответственные выражения. Общение с Шарнгорстом вливало в Клаузевица новые силы и вызывало в его мрачном настроении светлые проблески.

Вот как он описывает один из них в письме к Марии от 25 апреля 1808 года: «Вчера я стоял на мосту, переброшенном через величественный Прегель, там, где кончается кенигсбергский порт. Углубленный в свои мысли, я смотрел на течение воды. Внезапно я почувствовал себя очнувшимся под влиянием разнообразия впечатлений, теснившихся во мне со всех сто-

рон, и мой несколько возбужденный мозг был поражен множеством различных явлений, которые без моего ведома скользили мимо меня. Я находился в наиболее богатой и оживленной части Кенигсберга. Было воскресенье, и вечерний воздух впервые наполнился благоуханием весны. Все было в движении. По мосту катились коляски с нарядными женщинами, следовавшими на какое-то торжество. Проходили купцы, оживленно беседуя о своих капиталах, доверенных сомнительным волнам моря. Озабоченный государственный деятель проезжает в коляске через толпу, не замечая ни окружающую его толчею, ни ордена, блестящие на его груди и привлекающие взоры всех. На мосту сидит нищенка и изливает, напевая вполголоса, свои горести невнимательному слуху прохожих. Удовлетворенная мелодия одинокой флейты снисходит на воду с высоты балкона. Значительно больший авторитет чувствуется в гулком сигнале горна, который с высоты замковой башни слышен всему Кенигсбергу. Я не знаю, возможно ли этими штрихами восстановить картину, но человек, который одновременно воспринимает эти столь различные впечатления, чувствует, как они складываются в удивительное настроение».

Но, по существу, организационная работа не удовлетворяла Клаузевица. Важнейшие социальные сдвиги того времени были ему чужды. Когда Шарнгорст провел отмену телесных наказаний в армии, Клаузевицу было поручено поддержать это очень важное мероприятие в печати. «Ты можешь себе представить, — писал он Марии, — что на третьей статье я был уже сыт этим законом по горло». Этот недостаток энтузиазма Клаузевица к реформам выступает особенно ярко по сравнению с Гнейзенау, разразившимся гро-

Майор Шиль
С портрета Вольфа

*«Из эпохи континентальной системы» — французские солдаты
в поисках английских товаров у ворот Лейпцига
С гравюры начала XIX века*

мовой статьей «Свобода спины». Гнейзенау вспоминает о слове «свобода», которое раздается уже двадцать лет по Европе. Теперь дело идет о свободе в узком понимании — о свободе солдата от палочных ударов. Эта свобода является предвестницей классовых изменений в составе армии, установление ее является необходимой подготовкой для проведения всеобщей воинской повинности.

Расхождение в вопросах внутренней политики в кружке реформы смягчалось тем, что многие члены кружка, например Гнейзенау, считали все правительства государств, сохранявших еще старый порядок, обреченными. Но они стремились избежать больших потрясений и увещевали королей в необходимости «революции свыше». В конце 1809 года Клаузевиц, с беспокойством думая о революции, писал: «я полагаю, что материал для смуты залегает повсюду очень глубоко и в большом количестве и вызовет еще явления совершенно другого порядка, чем виденные нами. Европе не уйти от крупной и всеобщей революции... Только те короли, которые поймут истинный смысл предстоящего преобразования и сами постараются его предупредить, смогут удержаться... Правда, в небольшом количестве имеются малодушные, которые стремятся удержать этот поток, первые капли которого уже оросили их одежду. Явления, вызываемые с безудержной мощью натиском эпохи, они склонны приписывать козням партии, тайного общества или даже отдельных лиц».

Кружок либеральных, весьма умеренных реформ и являлся в глазах реакционных помещичье-юнкерских кругов той партией, от которой шла вся революционная зараза. Самым злокозненным был, конечно, Шарнгорст, которого они считали английским шпио-

ном. «Благонамеренные» установили за ним наблюдение и действительно открыли тайные сношения Шарнгорста с английским правительством через капитана торгового судна. Но здесь «благонамеренные» просчитались: они забыли, что основным двурушником был прусский король, явный союзник Наполеона, защитник континентальной системы, поддерживавший, однако, через Шарнгорста связи и с враждебной Англией. «Благонамеренным» пришлось извиниться и потушить скандал.

Несмотря на свою немногочисленность и отсутствие оформленной организации, кружок реформы являлся подлинной политической партией, объединенной на платформе внешней политики, устремленной на освобождение Германии из-под власти Наполеона. И поскольку эта партия ставила выше всего задачу объединения Германии, в ней нарастало критическое отношение к Пруссии и прусскому королю, стремившемуся обеспечить свои маленькие эгоистические интересы. Эта партия резко перешла в оппозицию в 1809 году, когда прусский король отказался поддержать Австрию, вступившую в войну с Наполеоном под общегерманскими лозунгами. «В моих глазах, — писал Штейн, — все династии одинаковы, они представляют только орудие». Клаузевиц сделал заметку: «постоянные причитания Фридриха II о стремлении австрийской династии к универсальному господству представляют не что иное, как проявление эгоизма». В письме 23 апреля 1809 года он жестоко осуждает прусских офицеров, которые, опасаясь потерять насиженное местечко и предпочитая учебный плац полю сражения, не думают о том, чтобы бросить службу прусскому королю, и кричат о своей лояльности: «у них на языке все время звучит «пруссаки», чтобы

слово «немцы» не напоминало им о более трудном и священном долге». Прусский шовинизм у Клаузевица уступил место германскому национализму.

В 1809 году ближайшей задачей военной партии являлась помощь Австрии, которая объявила войну Наполеону. Ближайший сподвижник Гнейзенау по защите Кольберга, майор Шиль, командовавший в Берлине гусарским полком, начал на свой страх со своим полком войну с Наполеоном. Прусский король квалифицировал поступок Шилия как коллективное дезертирство целого полка. По требованию Наполеона, прусский военный суд судил и приговорил к расстрелу Шилия и его ближайших помощников, взятых в плен. Клаузевиц и его друзья восторгались Шилем, хотя и осуждали его за неорганизованность выступления. «Смерть Шилия огорчает меня, как потеря самого дорогого брата», — писал Клаузевиц.

Самый даровитый в военном отношении и темпераментный член кружка, будущий начальник прусского генерального штаба Грольман, перешел на австрийскую службу. Просьба к прусскому королю об увольнении была выражена Грольманом в следующей форме: «какая польза будет вашему величеству, если вы задержите меня силой? Вы уничтожите свободного человека, который сражается за ваше дело, и сохраните раздавленного раба, который с внутренней злобой будет относиться к государству, воспрепятствовавшему выполнению его священного долга». Когда Австрия заключила мир с Наполеоном, Грольман переехал сражаться против Франции в Испанию, там был взят в плен, но бежал из Франции в Пруссию.

Клаузевиц полностью поддерживал Грольмана и собирался следовать по тому же пути. Его задержала неудавшаяся попытка, сделанная им совместно с

Гнейзенау, организовать коллективный уход из прусской армии в виде создания особого немецкого легиона, который должна была взять на свое содержание Англия и который сражался бы вместе с австрийской армией на самых ответственных участках. Просьба Клаузевица к австрийскому военному уполномоченному в Кенигсберге о переводе в австрийские войска уже запоздала.

Любопытно отношение Марии к предложению Клаузевица перейти на австрийскую службу, что должно было отдалить или даже поставить под вопрос брак с ней. Мария мужественно писала Клаузевицу: «в своих планах на будущее не позволяй мыслям обо мне влиять на твое решение. Все, что я имею, это твоя любовь, но я никогда не прошу себе, если ты для меня, из-за моих мнений или желаний принесешь какую-либо жертву, о которой впоследствии пожалеешь. Думай о себе и своей судьбе, а не о моей... Действуй, я выдержу».

Готовившийся перевод Клаузевица в австрийскую армию в 1809 году не состоялся из-за сражения под Ваграмом, после которого было заключено перемирие; оно привело к новому торжеству Наполеона. Вот как реагировала на эти события Мария, готовая на всякие личные жертвы: «ты понимаешь, дорогой друг, что, получив это сообщение, я не была в состоянии даже взяться за перо, и сейчас еще оно дрожит в моих руках. Я была готова к новым проигранным сражениям, к повторению ошибок и злоупотреблений, но не к такому жалкому концу, когда светлое пламя, долженствовавшее осветить и согреть всю Германию, оказалось потушенным, как загоревшийся пук соломы. Правда, так быстро изменились настроения вождей, но не нации, но на что способна нация, предводимая

такими вождями! Мое сознание теряется в этом хаосе несчастий и унижений, и мое сердце разрывается от представления о твоем горе, отчетливо рисующемся мне. Если бы я могла, дорогой и милый друг, создать тебе достойное бытие ценой счастливейших дней моей жизни, как охотно я бы это сделала для тебя!

Любовь Марии являлась для Клаузевица «превентивной наградой за богатую подвигами жизнь». Под влиянием ее очарования у Клаузевица «ветви жизненного дерева вновь зазеленели». Без совершения подвига любовь Марии рисовалась Клаузевицу как «грабёж небес». Она являлась «весталкой, поддерживавшей в нем огонь жизни».

Клаузевиц тяжело переживал катастрофическое положение Пруссии, и когда он склонен был считать себя лишним человеком, Мария повела борьбу с его пессимизмом: «усилия не пропадают даром: ты все же выигрываешь во внутренней силе и совершенстве». «Вообще я твердо убеждена, что жизнь порядочного человека никогда не проходит даром, даже если ему не представляется случая принести обществу определенную пользу. Само его бытие уже является благодеянием для общества, и никогда еще не было большей нужды в этом благодеянии, как в наше время, когда подлинная добродетель встречается так редко. Под влиянием трудностей времени и всемогущего влияния эгоизма, легкомыслия и властолюбия, добродетель могла бы совершенно исчезнуть, если бы не продолжало существовать несколько честных, неподкупных и неизменных характеров, хранящих для будущего искры, из которых когда-нибудь разгорится светлое пламя». Пожалуй, для полного понимания переживаний Клаузевица и этого текста, относящегося к концу 1808 года, следует напомнить о том, что

это был первый период подъема национально-освободительного движения.

Особенно сильны позиции партии реформы были в 1809 году, когда главной массой прусских войск, сосредоточенных в Померании, командовал Блюхер, вокруг которого создавались легенды, на которого друзья Шарнгорста могли смело положиться. Весь аппарат военного министерства был в руках Шарнгорста. «Король еще не смеет называть нас иначе, как доброй партией», — писал Клаузевиц. Человеком «действия» в партии являлся Гнейзенау, с которым Клаузевиц очень близко сошелся летом 1808 года. Дружба между ними играла выдающуюся роль до конца жизни Клаузевица. Поэтому мы сделаем здесь небольшое отступление, чтобы познакомиться ближе с красочным образом этого героя освободительной войны.

Гнейзенау

Отцом Гнейзенау был веселый, беспутный и безродный техник, кочевавший в мирное время в поисках архитектурной работы из города в город, не имевший никогда ни копейки и устроившийся во время Семилетней войны на должность артиллерийского офицера в набранные без разбора имперские войска. Настоящая фамилия его была Нейтгарт. Осведомившись, что в Австрии проживают какие-то богатые Нейтгарты, имеющие очень красивое поместье Гнейзенау, он решил, что для артиллерийского офицера будет выглядеть солиднее, если он к своей фамилии присоединит «фон-Гнейзенау».

При проезде через Бюрцбург, Нейтгарт воспламенил сердце молодой девушки. Состоятельные родители, к тому же ярые католики, не хотели слышать о браке их дочери с каким-то проходимцем, бедняком и к тому же лютеранином. Девушка бежала от родителей и, не имея другого пристанища, следовала в повозке за артиллерийской частью, в которой служил муж. В этой повозке, за два дня до сражения под Торгау, в 1760 году родился наш герой. Охватывающий маневр Фридриха II вынудил обозы к быстрому ночному отступлению. Повозка молодой матери сло-

малась. Страдая от лихорадки, с ребенком на руках, она пересела на облучок военного фургона, бросив свой жалкий скарб. Ночью она уронила ребенка на дорогу, а к утру скончалась. Новорожденного подобрал обозный солдат. Отец, не найдя в обозе жены, отдал грудного младенца на воспитание в первую попавшуюся крестьянскую семью и забыл его на долгие годы.

Гнейзенау, вспоминая свое детство, говорил, что голода он не знал — у него всегда был кусок черного хлеба, но ноги его не имели никогда обуви. Главное его занятие было пасти гусей. Прошло около десяти лет, когда его разыскали и взяли к себе на воспитание дедушка и бабушка с материнской стороны. Внезапно он был перенесен в состоятельную буржуазную обстановку. Его воспитывали в иезуитской школе в Вюрцбурге, постоянно упрекая в том, что он крещен по лютеранскому обряду. До конца своей жизни Гнейзенау затруднялся определить, католик он или протестант, что нисколько не смущало его равнодушия.

От бабушки ему досталось небольшое наследство, которое он пропустил в один веселый год, поступив в Эрфуртский университет. Веселый, находчивый, красивый, очень красноречивый, Гнейзенау всегда и у всех пользовался успехом. Девушки отравлялись из-за Гнейзенау, мужчины дрались с ним на поединках: у Гнейзенау насчитывается в жизни до семи дуэлей, не считая полусерьезных студенческих. Деньги быстро таяли. Уже после одного года студенчества Гнейзенау был вынужден искать себе профессию.

19 лет он поступил в австрийский гусарский полк «кадетом», как называли в Австрии юнкеров, рассчитывая быстро сделать карьеру, так как Австрия находилась тогда в войне с Пруссией за баварское наслед-

ство. Но война закончилась почти тотчас же после поступления Гнейзенау на службу. Находясь в отпуску, Гнейзенау участвует в дуэли с печальным исходом, за которую ему могло достаться от военного начальства. Тогда, не соблюдая всех положенных формальностей, Гнейзенау раскланивается с австрийской армией и предлагает свои услуги, уже в качестве знакомого с военным делом молодого офицера, маркграфу анспах-байрейтскому, одному из тех мелких немецких князьков, которым война Соединенных Штатов за независимость открыла новые источники дохода — поставку пушечного мяса Англии.

Гнейзенау принят на службу в егерский батальон и работает над своим военным образованием. Мы можем заключить о том, что он не был обыкновенным беспутным малым и что у него были более широкие интересы, по его сохранившемуся неплохому стихотворению 1781 года: «На смерть Лессинга». Очередь отправления в Америку доходит до него только в 1782 году, к самому шапочному разбору; сражаться ему уже не пришлось, так как понесенные английской армией неудачи заставили Англию признать независимость Соединенных Штатов.

По возвращении в 1783 году, Гнейзенау несколько лет служит в Байрейте, в пехотном полку, и завоевывает себе в небольшом городке всеобщие симпатии. По свидетельству Александра Гумбольдта, посетившего Байрейт в 1796 году, местные жители еще через десять лет после отъезда Гнейзенау с интересом вспоминали о нем.

Но служба в маленьком гарнизоне не удовлетворяет Гнейзенау, несравненно более образованного, чем его товарищи; он изучает науки, требующиеся для военного инженера и офицера генерального шта-

ба, и обращается к Фридриху II, приступившему к формированию королевской свиты по генерал-квартирмейстерской части, с предложением своих услуг. Фридрих II соглашается и предлагает ему явиться в Берлин. Но Гнейзенау, уволившийся из ансбахских войск, не понравился Фридриху II при личном представлении; Фридрих II обладал удивительной способностью браковать каждого сколько-нибудь талантливого человека. Прусский король обманул Гнейзенау и принял его в прусскую армию, но не в генеральный штаб, а младшим офицером в пехотный полк, расположенный в глухом силезском гарнизоне.

С 1786 года Гнейзенау на 20 лет погряз в скромном существовании маленького гарнизона. В Силезии Гнейзенау женился — так же молниеносно, как делал все в жизни. Его приятель, жених «хорошенькой Котвиц», бойкой помещичьей дочки, был убит на дуэли, и на Гнейзенау, бывшего секундантом, выпал тяжелый долг сообщить невесте это горестное известие. «Хорошенькая Котвиц» пришла в такое отчаяние, что Гнейзенау почувствовал необходимость утешить ее и, не зная ни в чем предела, тут же предложил ей свою руку и сердце.

К моменту катастрофы прусского государства 46-летний Гнейзенау дослужился уже до чина капитана, командовал батальоном, имел пятерых детей и ожидал рождения шестого, читал агрономические труды и деятельно управлял небольшим имением жены.

С этого времени начинается резкий сдвиг в развитии Гнейзенау. Суждения его в начале кампании 1806 года, в противоположность высказываниям Клаузевица, отличались большой зрелостью. Летом 1806 года он записал: «У нас господствует большое недовольство миром. Справедливо ли? Это большой

вопрос. Кто бы мог сказать, какой ход приняли бы события при противоположной политике?» Мобилизация вызвала у него замечание: «поздно, быть может не слишком поздно». Перед самой катастрофой он писал: «Со стороны я вздыхаю. Много времени упущено, занимались мелочами, давали представления публике, а весьма серьезное дело — подготовку к войне — забыли. Дух офицеров превосходен, на этом можно строить большие надежды, но... Что будут делать французы дальше, я знаю. Но что я буду сам делать, мне неизвестно. Я отчетливо представляю наступление французов вдоль реки Заалы. Но я сижу в низших чинах, и мое слово не имеет цены. У меня щемит сердце, когда я представляю себе последствия. Отечество, избранное мною отечество! Я забыт в своем маленьком гарнизоне и лично могу только драться, но не советовать».

Гнейзенау участвовал в первом же бою этой кампании, под Заальфельдом. При отступлении, прикрывая батарею, батальон Гнейзенау сражался не по уставу — не в сомкнутом развернутом строю, а по-новому — весь рассыпанный в цепь против французских стрелков. Это свидетельствует, что поездка Гнейзенау в Америку не пропала даром, и он не только усвоил американские передовые взгляды на тактику пехотного боя, но и соответственно подготовил свой батальон, забежав совершенно самостоятельно далеко вперед устава.

В бою под Заальфельдом Гнейзенау был ранен и должен был сдать командование батальоном. Уехать для лечения в тыл ему не удалось — катастрофа застигла его раньше. Раненый Гнейзенау в день сражения под Иеной и при отступлении выполняет обязанности офицера генерального штаба при штабе армии.

В конечном счете посланный для связи из одной колонны в другую, он прибывает в то время, когда эта колонна уже сдалась французам. Возвращается обратно — там армия тоже сдается. Гнейзенау остается одиноким и без средств на территории, занятой французами. А вдали, в Восточной Пруссии, сопротивление при помощи союзников — русских войск — продолжается. Гнейзенау пытается пробраться в Кенигсберг через шведскую Померанию, но шведская пограничная охрана имеет приказание никого не пропускать. Узнав, что шведские пограничники арестовывают французских шпионов, Гнейзенау прибегает к последнему средству: он подходит к шведским пограничникам и так искусно выполняет роль французского шпиона, что шведы немедленно арестовывают его и доставляют своему высшему командованию. На допросе у шведского генерала Гнейзенау сознается, что сознательно обманул пограничников, и шведы дают ему возможность морем пробраться в Кенигсберг.

В Кенигсберге подвиги и приключения Гнейзенау были награждены чином майора, но он не понравился прусскому королю. В небольшом корпусе, уцелевшем из всей прусской армии, все вакансии оказались занятыми, и Гнейзенау был назначен командовать запасным батальоном. Его просьба — дать возможность сформировать партизанский отряд — была отклонена. Но судьба, систематически мешавшая Клаузевицу выделиться, избрала Гнейзенау своим баловнем.

Наиболее патриотичной в Пруссии была буржуазия небольшого города — крепости Кольберга, многократно выдержавшего в XVIII веке осаду шведов и русских. Сдача шести больших прусских крепостей их комендантами заставила вождей кольбергской буржуазии проявлять особую бдительность по отноше-

нию к своему коменданту, старому полковнику фон-Лукаду, не пользовавшемуся доверием. Когда же у коменданта крепости произошло столкновение с капитаном Шилем, организовавшим из Кольберга партизанские действия на тылах французов, и комендант приказал арестовать Шиля, по городу разнеслась весть о том, что комендант готовится к измене: начался бунт. Депутация горожан требовала у прусского короля дать им другого, надежного коменданта. Необходимость удовлетворить строптивых буржуа заставила короля обсудить этот вопрос со своими министрами. Бейме, один из влиятельных гражданских статс-секретарей, заявил, что встретил только что на лестнице незнакомого майора, который ему кажется очень подходящим для горячего поста коменданта Кольберга. Так состоялось назначение Гнейзенау.

Пробравшись 26 апреля 1807 года с моря в осажденную крепость, Гнейзенау вскоре сделался кумиром местных патриотов. Наполеон выделил для осады крепости корпус Мортье из итальянских и южно-германских контингентов, представлявших войска второго разбора. Гнейзенау, располагая довольно многочисленным гарнизоном, вел упорную оборону на далеко вынесенных передовых укреплениях Волчьей горы. В первом же приказе Гнейзенау, отданном для контратаки на занятую французами Волчью гору, чувствуется прирожденный командир и вождь. Последние слова гласили: «Я сам позабочусь о доставке гренадерам завтрака на укрепления Волчьей горы».

Несмотря на то, что силы Мортье и его осадная артиллерия все увеличивались, Гнейзенау бодро защищал крепость. 23 июня Мортье наметил новый штурм и приступил к нему, хотя до него уже дошло известие о заключении Тильзитского мира. Когда

выяснился неуспех и этого последнего штурма, на французских батареях взвились белые флаги, и военные действия были прекращены.

На фоне печальных катастроф 1806—1807 годов блестящая защита Кольберга представляла единственное светлое пятно, и Гнейзенау сразу стал национальным героем. Он был включен в комиссию по реорганизации армии под председательством Шарнгорста, и как только Клаузевиц прибыл в Кенигсберг, быстро сблизился с ним. Гнейзенау был на двадцать лет старше Клаузевица, но сразу оценил его превосходство в смысле глубины и ясности мысли. Их связывало глубокое взаимное уважение, а противоположность характеров только сильнее скрепляла их дружбу.

Гнейзенау являлся тем членом кружка, на которого возлагалась задача — убедить короля взять враждебную Франции линию поведения. В конце 1803 года Гнейзенау подал королю записку, в которой излагал, что перед королем стоит альтернатива — или полное подчинение Наполеону, или вооруженная борьба с ним. Клаузевиц доказывал Гнейзенау, что такое объективное изложение, передающее решение на усмотрение короля, является политической и психологической ошибкой; следовало, напротив, сосредоточить все усилия на доказательстве того, что никакого выбора у короля нет, а существует один путь — сопротивление до последней крайности. «Я хочу, — писал Клаузевиц, — чтобы вы выступали как неумолимый пророк, как непроницаемый сын рока, с которым не улавливаются и не торгуются». Предложения Гнейзенау в конечном счете провалились не из-за «подхода», а из-за страха короля перед народно-войной, развертывания которой добивался Гнейзенау.

Уступчивость короля по отношению к французам вынудила Гнейзенау выйти в 1809 году в отставку; вместо выслуженной пенсии ему было дано две тысячи дукатов — полный расчет. С этими деньгами Гнейзенау отправился не к своей семье, которую не видел уже почти три года, а предпринял путешествие через Швецию в Англию и вернулся домой, захватив предварительно в Петербург. В Лондоне Гнейзенау был принят с почетом и вошел в тесную связь с премьером Канингом, принцем Уэльским, графом Мюнстером и другими влиятельными лицами. Однако, основная задача, которую ставил себе Гнейзенау, организация за счет Англии германского легиона, который был бы высажен в Германии для поднятия восстания против Наполеона в Ганновере, не удалась; англичане откладывали выполнение этого плана до более удобного момента*.

Петербург поразил Гнейзенау своими барскими замашками. По своему рангу полковника Гнейзенау должен был разъезжать в экипаже, запряженном четверкой, чтобы не умалять своего достоинства. Масса дворовых, ничтожное распространение книг, роскошь и убожество и все прочие противоречия

* Не все в переговорах Гнейзенау в Англии нам представляется достаточно освещенным. Когда в 1815 году Гнейзенау, при занятии Парижа, вошел в резкое столкновение с Веллингтоном, английским главнокомандующим, отстаивая общенемецкие требования, и Англии оказалось выгодным скомпрометировать Гнейзенау, с английской стороны был пущен слух, что Гнейзенау является собственно генерал-майором английской службы и получает от Англии пенсию, на что Гнейзенау отвечал, что чин генерал-майора он получил в Англии чисто формально, денег никогда не брал и имел единственный подарок от принца Уэльского при возвращении зимой из второй поездки в Англию, а именно шубу.

крепостнической России периода Александра I произвели на Гнейзенау крайне отрицательное впечатление и привели его к низкой оценке боевой мощи царизма. Известное выражение: «Россия — это колосс на глиняных ногах» — впервые встречается в письме Гнейзенау 1810 года. Письма Гнейзенау семье, рисующие это путешествие, очень красочны и характеризуют автора, как очень наблюдательного человека, врага феодальных пережитков, стремящегося и своих детей воспитать в буржуазно-демократических принципах.

Невесело было возвращение Гнейзенау на родину. Король и правительство в декабре 1809 года переехали из Кенигсберга в Берлин, в черту досягаемости Наполеона, что означало новый этап подчинения прусского короля требованиям Франции. Жена Гнейзенау, не поднимавшаяся над кругозором полковой дамы, была поглощена хозяйственными дрязгами и причитала, что ее муж был полковником, а теперь из-за своих бредней находится в отставке без пенсии. Образование детей было запущено. Имение давало убытки, грозила нищета.

Прусский король, ссылаясь на требования Наполеона, снял Шарнгорста с непосредственного руководства военным ведомством; правда, его преемник получил указание — в важнейших вопросах совещаться с Шарнгорстом, который был законсервирован на посту инспектора крепостей. Клаузевиц был оторван от Шарнгорста и назначен преподавателем. Наполеоновская тайная полиция работала, и Гнейзенау угрожал арест в случае приезда в Берлин. А побывать в столице Гнейзенау было необходимо. Клаузевиц нанял для него у надежных людей конспиративную комнату в ближайшей к Берлину деревушке Панов.

Канцлер Гарденберг, при конспиративном свидании, обещал Гнейзенау своевременно предупредить его семью в случае требования Наполеона об аресте, чтобы она могла скрыться через австрийскую границу. Кружок реформы сносился под вымышленными именами; партийная кличка Гнейзенау была Кнот, Блюхера — Поппе. Канцлер Гарденберг, занимавший двойственную позицию, просил именовать его Гаук.

Таков был ближайший друг Клаузевица, у которого последний и в 1815—1816 и в 1830—1831 годах был начальником штаба. Приятельница Гнейзенау г-жа Бегелен занесла в свой дневник, что Гнейзенау борется с Бонапартом, но при известных условиях из него самого мог бы выйти немецкий Бонапарт.

Первые работы

В декабре 1809 года Клаузевиц переехал вместе с правительством из Кенигсберга в Берлин. Летом 1810 года, отстраняясь от дел, Шарнгорст устроил своего начальника канцелярии Клаузевица преподавателем всеобщей военной школы в Берлине, представлявшей продолжение той самой офицерской школы, которую Клаузевиц кончил в 1803 году, а также преподавателем военных наук к кронпринцу, будущему королю Фридриху-Вильгельму IV.

Это новое положение и некоторая перспектива военной карьеры должны были, наконец, удовлетворить требовательную мать Марии, тщетно отговаривавшую пять лет свою дочь от брака с Клаузевицем. 17 декабря 1810 года брак был заключен. Мария писала впоследствии Элизе Бернсторф, своей лучшей подруге: «Любовь, которая скорее привела бы нас к цели и встретила бы меньше внешних и внутренних препятствий, избавила бы нас от некоторого количества горестей, но не была бы и столь богата счастьем и удовлетворением... Мне кажется невозможным пожелать, чтобы этот долгий период испытаний, которые мы были вынуждены пройти, был вычеркнут из моей жизни. Без него у меня не хватило бы значительной части счастливых ощущений,

наполняющих теперь мое сердце. При моем внешнем спокойствии, которое часто представляло сильный контраст с пылкостью Карла, было бы, конечно, гораздо тяжелее убедить его во всей силе и искренности моей любви, если бы мне не пришлось так много за него бороться и переносить».

Материальное положение Марии, после выхода замуж, было самое скромное. Племянница жены Клаузевица, Рохова, пишет: «Когда после продолжительного романа Мария Брюль, почти без средств, вступила в брак с Клаузевицем, восхищение вызывала обстановка частично поднесенная в складчину: все хозяйство состояло из дивана и шести стульев, обитых ситцем, и еще двух-трех предметов мебелировки; Мария была очень счастлива, если ей удавалось угостить куском баранины нескольких собравшихся к ней родственников или добрых друзей».

Взгляды Марии на брак представляют интерес, как передовые для буржуазной семьи того времени. Брак не должен являться деловым предприятием: «Чтобы достигнуть в браке наивысших результатов, по моему мнению, женщина не должна быть менее зрелой и образованной, чем ее муж. Она должна предварительно пройти весь тот путь, который может совершить одна». Мария была вполне подготовлена к роли семейного «начальника штаба», которую рисовала жене так: «Мы будем совместно обсуждать и размышлять над всем, что касается нас обоих, а решать ты будешь один и я подчинюсь всему, что ты признаешь за наилучшее». Так как Мария чувствовала себя при Клаузевице «в гармонии сама с собой и с внешним миром», то надо полагать, что ее доклады, как правило, утверждались.

Рохова так по-обывательски характеризует супру-

жество в эту пору: «У Клаузевица была определенно невыгодная наружность; с внешней стороны обращал на себя внимание его холодный и почти презрительный разговор. Если он говорил мало, то обычно это имело такой вид, что собеседники и обстановка недостаточно хороши для него. Но при этом внутри него жила поэтическая страстность, сентиментальность, идеальная любовь к прекрасной, любезной, образованной, настойчивой жене... эта любовь находила выражение в стихах (в тетради Марии сохранились 14 посредственных стихотворений Клаузевица в духе Шиллера.—А. С.) и отдельных выражениях. При этом он был исполнен пылкого честолюбия и стремления скорее к античному самопожертвованию, чем к развлечениям и удовольствиям на современный лад. У них было немного друзей, но это были надежные и искренно преданные друзья, которые надеялись и ожидали от Клаузевица больше того, что ему удалось сделать по велению судьбы или же вследствие его внутренней замкнутости».

Мария подготовилась быть верной спутницей Клаузевица и на пути его научной работы. В приданое за Марией Клаузевиц получил гетевский стиль и гетевскую широту взглядов.

Клаузевиц преподавал в военной школе полностью один учебный год и большую часть второго. Хотя учебная нагрузка Клаузевица была значительная — 4 часа в день в школе, 3 часа у кронпринца, все же в его распоряжении оказалось полтора года, чтобы впервые планомерно проработать свои мысли по тактике и стратегии. Кроме того, Клаузевиц принимал очень плодотворное участие в составлении прусского пехотного устава 1811 года, чрезвычайно упростившего обучение пехотинца.

Основное внимание Клаузевица в это время было привлечено к вопросам стратегии, внешней и военной политики, и преподавание не слишком вдохновляло его. Перед началом второго учебного года, летом 1811 года, он писал Гнейзенау: «Близится время, когда берлинская военная школа откроется вновь и мне снова придется вызывать заклинаниями, как привидение из клубов дыма, мою абстрактную мудрость и демонстрировать ее слушателю в блеклом мерцании и в неясных, неопределенных контурах».

Когда Фридрих II послал генералу Винтерфельду свой военный труд «Мысли и общие правила», то этот генерал написал ему следующие строки, в которых, помимо придворной лести, очень ясно звучит и ограниченность, отбрасывающая всякие сомнения и лежащая в основу не только фельдфебельской, но иногда и профессорской самоуверенности и авторитетности: «с этой драгоценной полевой аптекой я всегда буду чувствовать себя так твердо, что никакой неприятельский яд не сможет мне повредить».

У Клаузевица, конечно, такой аптеки не было, и он вкладывал все свои силы, доказывая, что набор таких готовых средств представляет чистое шарлатанство, что военное искусство не знает панацей — лекарств, помогающих во всех случаях. Требования, которые ставил перед собой Клаузевиц, были очень высоки. Его мышление не довольствовалось отрывочными замечаниями и взглядами на военное искусство, как на нечто аморфное, распыленное, не имеющее структуры. У него была умственная потребность рассматривать военное искусство диалектически, в его внутренней связи, как органическое целое.

В этом отношении мышление Клаузевица резко отличалось от механистических взглядов XVIII века.

Это ясно видно на примере определения тактики и стратегии. Механистическое определение Бюлова — «стратегия это наука о военных передвижениях вне поля зрения неприятеля, а тактика — в пределах его» — воскресло в буржуазных армиях через сотню лет в различных столь же механистических определениях: стратегия — вождение армий, тактика — вождение войск; или: стратегия — вождение войск на театре войны, тактика — на поле сражения; или: тактика — военное искусство в объеме действий командиров дивизий и более низших начальников, стратегия и оперативное искусство — военное искусство командиров корпусов и более высших начальников. Клаузевиц же в 1811 году противопоставил этим механистическим взглядам свое очень глубокое, философское определение: «Тактика — это использование вооруженных сил в бою, а стратегия — это использование боев для достижения конечной цели войны».

Определение Клаузевица не только разграничивает тактику и стратегию, но и объединяет их, подчеркивая, что это различные этажи мышления, относящиеся к одной и той же постройке, что стратегия является надстройкой над тактикой. По этому определению уже можно догадываться, что над стратегией окажется еще один этаж — политики, что если тактика является только орудием стратегии, то последняя окажется также лишь орудием политики.

Запрашивая мнение Гнейзенау о своем определении в 1811 году, Клаузевиц так комментирует его в письме: «Бой — это деньги и товар, а стратегия — это учет векселей; только посредством первого второе получает свою значимость. И кто промотает материальные ценности (кто не умеет хорошо сражаться), тому следует вовсе отказаться и от вексельных опера-

ций, — они очень скоро приведут его к банкротству». Эта мысль в отстоявшемся виде вошла и в капитальный труд и вызвала весьма одобрительное замечание Энгельса в письме к Марксу 7 января 1858 года: «Читал теперь, между прочим, Клаузевица «О войне». Манера философствования странная, но по существу очень хорошо. Сражение на войне — то же, что платеж наличными в торговле; в действительности он происходит очень редко, но все устремлено к нему, и в конце концов он должен произойти и решить дело» *.

К этому определению тактики и стратегии Клаузевиц пришел только через шесть лет после признания неудовлетворительным механистического определения Бюлова и спустя еще пятнадцать лет дополнил его определением, что «война есть просто продолжение политики другими средствами», которое Ленин считал «теоретической основой» взглядов на значение каждой данной войны (Ленин, т. XVIII, стр. 197).

Специальный анализ первой части творчества Клаузевица нам представляется необходимым, так как 1812 год является рубежом жизни великого теоретика. До эмиграции в Россию Клаузевиц в основном являлся человеком действия, проникнутым страстным национализмом, ослепленным враждой к наполеоновской Франции и повернувшимся спиной к философии. От всех этих недостатков Клаузевиц освободился в сравнительно спокойный период пребывания на русской службе, и во вторую половину жизни он является уже совершенно другим человеком — фило-

* Мы даем перевод по изданию: Маркс и Энгельс. Сочинения т. XXII. Переписка 1854—1860 годов (М., 1929). Здесь под торговлей подразумевается торговля на основе кредита.

софом, затворившимся в своем кабинете, ставшим органически чуждым реакционной Пруссии, хотя и затронутым европейской реакцией этого периода.

Эти превращения и теоретический рост Клаузевица требуют освещения существенного вопроса о влиянии Гегеля на творчество Клаузевица. Ленин (т. XVIII, стр. 249) именует Клаузевица «одним из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем»*.

Клаузевиц с Гегелем никогда не встречался и, насколько известно, нигде в переписке ни разу не упоминает его имени. Однако, уже в самом начале своего творчества Клаузевиц находился под сильным влиянием идей Гегеля.

Гегель начал свою философскую работу как доцент по кафедре Шеллинга, его друга и школьного товарища. В эти первые годы между Гегелем и Шеллингом существовала большая идейная близость. Составленное Клаузевицем в 1810—1811 годах «Пособие по обучению тактике»**, характеризуется широчайшим применением понятия поляризации, специально облюбованного Шеллингом. Глубокие и тонкие боевые построения исследуются Клаузевицем с точки зрения полярности между последовательным и одновременным использованием сил. Терминология Клаузевица включает точки индифферентности (синтеза) и диффе-

* Такого же мнения держится французский писатель по вопросам стратегии, Камон, имеющий, впрочем, о Гегеле самое фантастическое представление, а также немецкий военный писатель Крейдингер. Однако против этого тезиса резко возражает не только вся фашистская печать, но и некоторые буржуазные исследователи Клаузевица — немец Ротфельс и француз Рок.

** Имеется в русском переводе, как приложение к капитальному труду, изданному ГВИЗ-ом (М., 1933—1934).

рентности (раздвоения), позаимствованные из натур-философии Шеллинга того периода, когда он работал вместе с Гегелем.

Но имеется свидетельство и о прямом влиянии Гегеля на Клаузевица в этот ранний период. Это отрывок из письма Клаузевица Марии от 5 октября 1807 года.

«В каждое человеческое установление уже при его зарождении оказывается включенным отрицающее его начало. Все является преходящим, обреченным на разрушение. Самые лучшие законы и религии не могут существовать вечно. Благодетельное влияние добра на человеческое общество всегда остается одинаковым, но этот общий мировой дух в своей широте не позволяет заковать себя в тесные рамки гражданского кодекса и через меньшее или большее количество лет разрывает его оболочку, как только поток времени размоет, снесет или перегруппирует окружение, на котором он был построен... Жрецы искусства могут работать с высоким умиротворяющим сознанием, что их цели далеко переходят за условности времени и теряются в вечности и бесконечности... Государственный же человек, напротив, должен остаться в тесных рамках, в которых он только и может заложить фундамент (политической) постройки. Он должен осмотрительно протянуть изгородь во времени и пространстве и придать своему творению скромную, ограниченную им самим, меру длительности и совершенства. Повсюду он должен различать, делить, подразделять, выбирать и исключать и, таким образом, дерзко вторгаться в святое единство, являющееся единственной опознанной частью высот нашего разума и цели мироздания, не зная при том, хорошо или плохо служит он этой цели... И кто в политическом мире (ко-

торый я всегда мыслю, как противоположность поэтическому) пренебрежет этими гранями и захочет подняться на поэтические высоты, тот обнаружит полное непонимание истории и совершенно не достигнет своей цели. Мир назовет его фантастом...»

Что это за наносный, легко размываемый грунт, в котором каждый политический деятель должен закладывать фундамент своей постройки, начало отрицания, заложенное во всех человеческих установлениях, все размывающий поток времени, не позволяющий сковать себя твердыми рамками и все взрывающий всемирный дух? Ведь это самые подлинные основы идеалистической диалектики Гегеля. Это письмо несомненно продиктовано знаменитым введением к «Феноменологии духа», печатание которого было закончено к 1 мая 1807 года, когда Гегель один его экземпляр послал своему другу Шеллингу из Иены в Мюнхен*.

Отдельные словечки Гегеля из «Феноменологии духа», например, «отделение чистого металла от шлака»**, переносимое в область умственной работы, встречаются и в введении к капитальной работе Клаузевица. Такие хорошо известные современникам термины восполняют у Клаузевица отсутствие ссылок на источники.

Но мы не можем категорически полностью отбросить и теорию случайного совпадения мыслей Клаузевица и Гегеля, как двух попутчиков. Исторические выводы-заметки, сделанные Клаузевицем в 1803—1805 годах, после чтения трудов Малэ-дю-Пана, Робертсона, Ансильона, Иоганна фон-Мюллера — луч-

* К у н о Ф и ш е р. Гегель. Первый полутом. (М., 1933, стр. 55).

** Гегель заимствовал это выражение у Гердера.

ших историков того времени — о Ришелье, о Маккиавелли, о раздроблении Италии и Германии, об образовании европейских государств, о Густаве-Адольфе — как две капли воды напоминают труд Гегеля 1802 года «Германская конституция», написанный, очевидно, под влиянием тех же исторических трудов. Эти работы Клаузевица и Гегеля, отражавшие в основном тягу к объединению Германии, были напечатаны лишь через много лет после смерти обоих авторов. Ум Клаузевица несомненно являлся родственным уму Гегеля.

Таким образом, молодой Клаузевиц уже был знаком с философией Шеллинга и Гегеля и обладал большой философской культурой.

В бытность Клаузевица начальником общей военной школы, капитан Грихсхейм являлся одним из ревностнейших слушателей философских курсов Гегеля в Берлинском университете на протяжении 1824—1826 годов. Записи, которые вел Грихсхейм, оказались настолько полными, ясными и исчерпывающими, что явились одним из важных источников для последующих изданий трудов Гегеля. Грихсхейм и Клаузевиц не могли не встречаться и едва ли воздержались от обсуждения главнейших проблем философии Гегеля. Таким образом, в середине двадцатых годов Гегель, философия которого царил в Берлине, как бы стучался в двери Клаузевица, и невозможно себе представить, чтобы Клаузевиц не ознакомился с его важнейшими трудами.

Если относительно слабо насыщены диалектикой его первые труды, то это объясняется прежде всего подозрением, под которое Клаузевиц взял в это время всю немецкую философию, дабы не ослаблять внимания, уделяемого текущему моменту.

Меньшая углубленность первого законченного теоретического труда Клаузевица «Важнейшие принципы войны» как раз и явилась тем качеством, которое обеспечило этому труду широкое распространение как в Германии, так и за границей. Уже в течение столетия знакомство с Клаузевицем как гениальным военным теоретиком является во всех армиях признаком хорошего тона. Но из сотни поклонников Клаузевица едва ли один читал его капитальный труд, а девяносто девять довольствовались, благодаря краткости и легкости изложения, более ранним трудом — «Важнейшими принципами войны»*, представляющими дополнение к курсу лекций, читанных кронпринцу.

Из основных идей «Важнейших принципов» следует подчеркнуть роль чувства (но не кантовского долга) в принятии крупного решения: «необходимо, чтобы какое-нибудь чувство одушевляло великие силы полководца — будь то честолюбие Цезаря, ненависть к врагу Ганнибала, гордая решимость Фридриха II погибнуть со славой».

Различие между обороной и наступлением Клаузевиц проводит через тактику, стратегию и политику. Ленин отметил («Оборонительная война в политике и стратегии... «Верно») определение Клаузевица политически-оборонительной войны как такой, которую ведут для защиты своей независимости, и стратегиче-

* Тогда как плохие переводы мешали за границей распространению капитального труда, более доступные «Важнейшие принципы» были переведены Драгомировым на русский язык. Драгомировский перевод с его комментариями был переведен с русского на французский язык и получил широкое распространение во французской армии. Эта работа Клаузевица вошла в русский перевод его труда «О войне» (М., 1934).

ски-оборонительной войны как похода, который ведется в пределах заранее подготовленного театра войны, какой бы характер — оборонительный или наступательный — сражения ни имели. Здесь же мы встречаем и мысль, что стратегическая оборона сильнее наступления. Эта мысль, выросшая в особых условиях периода разгрома Пруссии, под влиянием изучения шансов на успех в предстоящем столкновении Наполеона с Россией, отрицалась всей плеядой германских последователей Клаузевица — Бернгарди, Шерфом, Блуме, Фалькенгаузенем, а во Франции — Фошем, которые не понимали диалектики Клаузевица в анализе соотношения между наступлением и обороной в стратегии, в условиях определенной политической и стратегической обстановки.

В первый же период своего творчества Клаузевиц выработал понятие трения — термин, который впоследствии очень любил употреблять Бисмарк. Под трением Клаузевиц разумел всю сумму непредвиденных затруднений, которые отличают действительную войну от маневров, разыгрываемых на планах, жизненную практику — от кабинетных представлений. Трение снижает на войне все достижения, и человек оказывается далеко позади поставленной цели.

На войне все просто, но эта простота в связи с трением, с действиями в противодействующей среде, представляет большие трудности. Учет трения свидетельствует о реализме Клаузевица, о его понимании конкретных условий подлинной борьбы, о его стремлении не порывать с жизнью и не создавать «кабинетной» теории.

«Важнейшие принципы» были закончены Клаузевицем на пути в Вильну, в русскую армию. Мысли о борьбе русской армии со вторжением Наполеона на-

чинают уже в этот момент вытеснять в мозгу Клаузевица навязчивую идею плана отчаянной борьбы маленькой Пруссии с десятикратными силами французов. Поэтому, по содержанию своему, они представляют соединение обоих планов: русского — глубокого отступления с действиями на сообщения и прусского — отчаянного риска: «часто приходится предпринимать что-нибудь, не считаясь с вероятностью успеха, а именно тогда, когда нельзя сделать ничего лучшего».

Клаузевиц в этот период работал и над военной историей. В посмертное издание его сочинений (т. IX) включены «Замечания о походах Густава-Адольфа в 1630—1632 годах». Сверх того, в фамильном архиве хранится рукопись «Взгляды на историю Тридцатилетней войны», а в бумагах и письмах Клаузевица разбросано много исторических замечаний.

Величайший реализм Клаузевица сказался в его критике существовавших теорий военного искусства. Полное игнорирование моральных факторов и неполный охват вопросов военного искусства, отрицание или непонимание связи между войной и политикой приводили до Клаузевица к созданию односторонних систем, которые разошлись с действительной войной в революционную эпоху, когда она в руках крупного полководца, каким был Наполеон, получила крайнее напряжение. Расхождение логически построенной системы с исторической действительностью систематики иногда объясняли тем, что гений стоит вне правил. «Все оказывавшееся недостижимым для скудной мудрости одностороннего исследования лежало за оградой науки и представляло область гения, который якобы возвышается над общими правилами». У Клаузевица уже в 1811 году вырвалось восклицание: «Ге-

ний, милостивые государи, никогда не действует против правил». Теория ничего лучшего сделать не может, как вскрыть, каким образом, в силу каких условий выработывались правила гения. Но для этого она должна получить такую ширину и глубину, о которой и не мечтали систематики.

Обычно военные писатели, как например Бюлов, не стеснялись утверждать, что и полководцы, жившие столетиями раньше, как например Густав-Адольф, действовали по его системе, держались указанных им, Бюловым, вечных истин. Клаузевиц, наоборот, выдвигал положение, что различные большие войны представляют каждая отдельную эпоху военного искусства, к которой требуется индивидуальный подход. При различии в странах и людях, нравах и приемах, политическом положении и «духе народов», было бы ошибочно подходить к различным эпохам с общей меркой суждения. Ведение войн при старом режиме, столь стличное от приемов Наполеона, было не плохим и не ошибочным, как стремятся представить многие, а носило отпечаток своего времени и базировалось на реальных основаниях.

Клаузевиц еще не понимал, что военное искусство зависит от экономических условий эпохи. Он рисовал себе эволюцию военного искусства таким образом: неизменная природа человека и своеобразие средств, применяемых на войне, составляют постоянную часть военного искусства, а особенности эпохи — переменную: «Как крайне летучий газ, который нельзя себе представить в чистом виде, так как он легко соединяется с другими веществами, так и законы военного искусства мгновенно сочетаются с обстоятельствами, с которыми вступают в малейшее соприкосновение». Неясное представление Клаузевица о движущих

силах развития военного искусства несколько не умаляет его заслуг, как ученика Шарнгорста, в раскрытии исторической закономерности этого развития и учете ее при критическом изложении военной истории.

Наибольшую опасность для Клаузевица как теоретика, находившегося под ярким впечатлением наполеоновских походов, представляло обращение в догму методов, примененных Наполеоном. Если не вполне, то частью Клаузевиц уклонился от этой опасности, путем тщательного изучения военной истории предшествующего времени. Конечно, это содействовало и более глубокому пониманию наполеоновских войн, так как человек познает, различая. Сам Клаузевиц так мотивировал необходимость изучения предшествующих эпох: «Кто погряз исключительно во взглядах своей эпохи, тот получает склонность считать самое новое всегда самым лучшим, и исключительные достижения для него являются недоступными». Без изучения истории мы теряем способность сказать новое слово в военном искусстве, — такова мысль Клаузевица.

Роль личности никогда не упускается Клаузевицем.

Но он не понимает, что крупная личность является продуктом определенной исторической эпохи, а не чем-то случайным. Так, смерть Густава-Адольфа приводит Клаузевица к замечанию, что еще важнее его личности было представление современников о его гении: «Он вел дело, далеко выходящее за пределы его сил, как купец, ведущий в кредит крупные операции. Со смертью Густава-Адольфа наступил конец этому кредиту, и несмотря на то, что все в действительности оставалось по-старому, ход всей машины внезапно застопорился».

Клаузевиц углублялся в прошлое не с тем, чтобы

уйти от современности, а чтобы глубже охватить современные проблемы. «Мы очень далеки от предположения, что Тридцатилетняя война продолжалась так долго потому, что генералы не понимали, как ее закончить. Напротив того, мы убеждены, что современные войны заканчиваются так скоро потому, что не хватает мужества обороняться до последней крайности».

Характерным признаком новейших войн, то-есть эпохи национально-освободительных войн, Клаузевиц считал возрастающую роль масс, уменьшающую значение отдельных личностей. В будущем возможны только национальные войны. «Не король воюет с королем, и не одна армия сражается с другой армией, а один народ с другим народом». «Господство будет принадлежать одной общей причине, а талант, силы, величие отдельной личности разобьются, как легкая ладья в волнах разбушевавшегося моря». Умаление значения личности потребовалось здесь Клаузевицу как противнику Наполеона: последнему невозможно было противопоставить в Германии равноценного полководца. Конечно, это метафизическое противопоставление личности и масс ошибочно. При возрастающей роли масс не умаляется значение полководца. По определению Энгельса, «делающая эпоху в военном деле заслуга Наполеона состоит в том, что для созданных уже колоссальных армий он нашел единственно правильное стратегическое и тактическое приращение».

Большое внимание уделял Клаузевиц в своих исторических заметках вопросу о союзниках в коалиционной войне. Клаузевиц смотрел вполне реально: для борьбы с могуществом Наполеона, превосходившего каждого противника в отдельности, никаких других

возможностей, кроме заключения союзов, нет. Не-успех коалиций в войнах с Фридрихом II, французской революцией и Наполеоном создал в общественном мнении Европы очень пессимистический взгляд на всякие союзы вообще. Шарнгорст полагал, что в природе всякого союза лежит возможное ущемление общих интересов и выдвижение эгоистических. Но закон самосохранения заставляет прибегать и к сомнительному оружию. Нужно лишь твердо учитывать и не упускать из виду положительные и отрицательные свойства союзов и соответственно пользоваться ими. Правда, существуют союзы, в которых один из участников столько же думает об ослаблении врага, как и своего союзника. Но все же Голландия, итальянские и немецкие государства, как свидетельствует история, смогли отстоять свою независимость против покушений Франции только при помощи союзов.

Обычно ссылки на Фридриха II в Пруссии имели целью тешить национальную гордость указанием на его победы и геройскую борьбу. Клаузевиц же приводит его, как пример завоевателя, призванного к порядку коалицией: «Следствием его борьбы с коалицией было то, что после одержанных побед ему пришлось бессильно протянуть ноги. Он на всю жизнь потерял охоту... пускать в ход оружие для завоеваний. Трудно допустить, что без Семилетней войны Фридрих II позволил бы своей победоносной армии тридцать лет покоится без дела. Силезия осталась за ним, но в этой борьбе он потерял дерзкое мужество округлять дальше свои владения за счет Австрии». Этим историческим экскурсам Клаузевиц, в которых нет глубокой исторической характеристики эпохи, нельзя отказать в трезвом учете соотношения сил и условий борьбы.

Историческим трудам и заметкам Клаузевица следует отдать предпочтение перед его первыми работами, которым не хватало еще уравновешенности и философского углубления и на которых лежит отпечаток прусского шовинизма. При этом надо считаться и с более эффективной зарядкой по военной истории, полученной Клаузевицем от Шарнгорста, с некоторым сотрудничеством в исторических вопросах Марии Брюль и с большими требованиями к зрелости мысли, предъявляемыми коренной перестройкой теории военного искусства, которой он занялся.

Эмиграция

Несмотря на то, что Наполеон находился в зените своей славы, и прусский король все более покорно подчинялся его политике, кружок реформы не терял надежды. Успехи народного восстания Испании толкали Гнейзенау и Клаузевица разрабатывать план войны с Наполеоном, в котором центр тяжести переносился на народное восстание.

Прусская армия, сокращенная по требованию Наполеона до 42 тысяч, путем различных ухищрений—накопления обученных, пробывших в армии всего 5-6 месяцев, и новых призывов, могла быть доведена до 150 тысяч человек; правда, часть пехоты можно было вооружить только пиками и косами. Эта армия могла упорно оборонять 8 прусских крепостей и 4 укрепленных лагеря, в ожидании помощи со стороны Англии и России. При приближении русской армии прусская армия имела возможность присоединиться к ней в составе 80 тысяч хороших полевых войск.

Главным козырем плана являлось 500 тысяч ландштурма, положение о котором разработал Клаузевиц. Во всех местностях, занятых французами, все гражданские чиновники, под страхом смертной казни, дол-

жны были прекратить выполнение своих функций и район французской оккупации должен был сделаться ареной восстания. Все способные носить оружие люди вооружались охотничьими ружьями, пиками или косами. Две или три общины соединялись вместе, чтобы составить роту, которая выбирала своих командиров. Дисциплина должна была поддерживаться драконовскими мерами. Ландштурмисты собирались по колокольному набату и препятствовали сбору местных средств, нападали на неприятельские транспорты, истребляли всех отделившихся от неприятельской армии солдат, оказывали содействие снабжению своих войск, терроризировали всех, кто под угрозами французов оказал бы им малейшее содействие. По мнению Клаузевица, противник, несомненно, обратится к жестоким экзекуциям. На жестокость ландштурм должен был отвечать столь же неумолимой жестокостью.

В 1813 году, после начала освободительной войны, положение о ландштурме, под натиском Шарнгорста, Гнейзенау и Клаузевица, было объявлено королевским приказом. Оно встретило жесточайшее сопротивление всех состоятельных классов населения. Перспектива анархии и французских репрессий, которые в первую очередь должны были обрушиться на состоятельных людей, решительно не понравилась последним. Одним ландштурм рисовался как возвращение к варварству Атиллы, другим — как революционное якобинство. Гнейзенау обменялся по этому поводу последним вызовом на дуэль с помощником канцлера, Шарнвебером.

Клаузевиц так оспаривал возражения лиц из привилегированных классов, требовавших для себя изъятий: «Если исключения и допустимы, то полезнее освободить от службы в ландштурме одного сапож-

ника, чем десять чиновников... Что значит несправедливости и ущерб, которые будут причинены в занятой противником полосе, по сравнению со спасением государства?»

Так как дела Пруссии в 1813 году пошли не плохо, прибегать к этому крайнему средству не пришлось, и ландштурм Клаузевица, сконструированный по примеру Вандей и не имеющий ничего общего с действительным регулярным ландштурмом более поздней эпохи, в жизнь проведен почти не был.

В 1811 году, когда окончательно обозначилась неизбежность предстоящего столкновения между Францией и Россией, для прусского короля стала ясна невозможность сохранить нейтралитет в предстоящей войне. Предстояло сделать выбор между союзом с одним или другим противником. Сначала король качнулся в сторону России. Гнейзенау был вновь зачислен в прусскую армию. Начались вооружения. Гнейзенау представил разработанный им совместно с Клаузевицем план войны, включавший в себя народное восстание в тылу французов. Клаузевиц энергично подбадривал самого Гнейзенау: «Я не переоцениваю ваших талантов... Я редко ошибался в людях... Верьте мне. В армии, кроме вас, никто не пользуется общим доверием». Однако, Клаузевиц старался умерить его размах: «Немцы слишком склонны все смелое в замыслах считать за болтовню и недостаток дисциплины в суждении». Гнейзенау добавил тем не менее от себя много ярких черт к организации народного восстания. Духовенство в церквах должно было начать проповедь против подчинения Франции, взяв тему — война Маккавеев против Рима. Король, психологию которого Клаузевиц разгадал, наложил язвительную резолюцию: «Как поэзия — хорошо»;

Гнейзенау в своем ответе резко указал, что и преданность королю не больше, чем поэзия.

Слабый Фридрих-Вильгельм III ждал решения тяжелой альтернативы, стоявшей перед ним, извне, и послал Шарнгорста, под чужим именем, прозондировать Петербург и Вену. Александр I ответил, что он усматривает возможность поддержать Пруссию только на правом берегу Одера. Провинцией Бранденбург и столицей — Берлином — придется временно пожертвовать. Шарнгорст доносил, что подготовка к войне в России идет медленно. Войска еще находятся в большом некомплекте. При этом надо считаться с недостатками русской техники — предпочтением густых построений, недостатком искусства в выборе позиций, плохим использованием местности, склонностью частей войск к изолированным действиям в сражении и бездельностью после одержанной победы.

Еще менее утешительные известия доставил Шарнгорст из Вены. Австрийский посол в Берлине, венгерский магнат Стефан Зичи, предупредил Меттерниха, что к нему в качестве прусского уполномоченного едет глава опасной секты Тугендбунда — Шарнгорст. А Меттерних, как известно, боялся подпольных организаций и народных движений значительно больше, чем господства Наполеона. Меттерних в ужасе отвечал, чтобы Зичи задержал поездку Шарнгорста, свидание с которым может его компрометировать в глазах Наполеона. «Выбор Шарнгорста свидетельствует, что и прусский канцлер Гарденберг находится в сетях этой секты». Шарнгорст хотя и добился личных переговоров с Меттернихом, но ему пришлось только убедить в том, что на Австрию рассчитывать вовсе не приходится.

Но королю кроме того пришлось колебаться меж-

ду энтузиазмом народных масс и холодным эгоизмом господствующих классов. По поводу проведенного по настоянию Штейна и Шарнгорста лишения помещиков их феодальных привилегий, реакционер, восточно-прусский юнкер, генерал Иорк очень внушительно заметил королю: «Наши исторические права вы уничтожили одним росчерком пера. Но в таком случае на чем собственно базируются ваши королевские права?»

В конечном счете Фридрих-Вильгельм III сделал резкий поворот в сторону Наполеона. Блюхер был снят с командования, и во-время. Омптеда, негласный уполномоченный Англии, с которой Пруссия, как член континентального блока, не поддерживала никаких официальных сношений, обратился к Гнейзенау и Шарнгорсту с вопросом — нельзя ли усилием снизу заставить Пруссию вступить в войну? Может ли прусская армия самостоятельно начать военные действия, чтобы вырвать решение из рук короля, как об этом говорил Гнейзенау во время своих бесед в Англии? Размыслив, Шарнгорст и Гнейзенау дали отрицательный ответ. Переворот, который имел в виду Омптеда, был возможен в 1809 году. Он был осуществим даже летом 1811 года. Но теперь их партия потеряла непосредственное руководство военным ведомством, и был устранен Блюхер, на которого в этом деле выпадала крупная роль. Командование армией на ответственных должностях находится в руках генералов с французской ориентацией, врагов реформы — Граверта, Иорка, Борштеля. Имеется много равнодушных офицеров, а имеются и такие, которые не прочь отомстить русским за недостаточную поддержку в 1807 году.

Если восстание прусской армии оказывалось невоз-

можным, Омштеда и партия реформы все же не сидели сложа руки. Помимо устройства широко разветвленной подпольной организации, которая должна была обеспечить на прусской территории помощь дезертирству из армии Наполеона, их задачей было тормозить движение на восток снабжения армии, поддерживать связь с Россией и вести в германском тылу антифранцузскую пропаганду. Встал вопрос о возможности продолжения службы в прусской армии для членов партии реформы, принципиальных противников работы на два фронта. «Мир делится на две части — на тех, кто по доброй воле или из-под палки служит честолюбивым замыслам Бонапарта, и на тех, кто сражается против них. Нас разделяют не земли и не границы, а принципы», — заявил Гнейзенау, и подал первый в отставку.

Прусский король был очень рад избавиться от не-симпатичного ему и компрометирующего армию патриота. Увольнение последовало немедленно. Однако, двуличный прусский король, сохранявший в течение всего 1812 года в Петербурге своего агента при Александре I, фиктивно вышедшего в отставку полковника фон-Шеллера, вспомнил о популярности Гнейзенау и «признал за благо» приказать канцлеру — продолжать в особо секретном порядке выплату жалования Гнейзенау и оказать ему льготы по имению, которому грозила продажа с аукциона.

Шарнгорст, получив бессрочный отпуск, скрылся из Берлина в Силезию, чтобы его не зацепили французские войска, совершавшие поход в Россию. Двадцать наиболее принципиальных, выдающихся прусских офицеров, в числе которых был и Клаузевиц, подали в отставку, перешли на русскую службу и временно связали свою судьбу с царской Россией.

Омптеда и русский посол князь Ливен предложили свои услуги прусским офицерам, желающим перейти в русскую армию для дальнейшей борьбы с Наполеоном: паспорта, деньги для переезда, патент на соответственный чин в русской армии. Майор Клаузевиц, получивший в Пруссии 1300 талеров еще до подачи прошения об отставке, получил повышение. Он имел уже в своем кармане патент на подполковника русской службы, с окладом в 1900 талеров.

Против отставки наиболее горячих офицеров прусский король ничего не имел. Но появление этих офицеров в русской армии, участие их в борьбе против прусского корпуса, входившего в армию Наполеона, их действия, направленные на разложение этого корпуса, конечно, должны были вызвать недовольство прусского короля. Следовало ожидать, что для них путь возвращения в Пруссию будет навсегда закрыт, и все официальные органы будут громить их, как предателей родины. И, действительно, прусский король не только старался подслужиться Наполеону, но и мстил за личную обиду, которую он усматривал в нарушении феодальной верности, издавая 2 июня 1812 года эдикт против прусских эмигрантов, поступивших на русскую службу: намечался грандиозный процесс, все имущество эмигрантов конфисковывалось, они лишались чинов и орденов, а при усиливающих вину обстоятельствах подлежали смертной казни.

Предвидя это, Клаузевиц предложил перед отъездом составить и распространить программу партии реформ и написал три декларации, утвержденные Гнейзенау. Первая декларация излагает принципиальную политическую точку зрения, вторая — приводит политико-экономические соображения, указывавшие, что Пруссии следовало стать на сторону России, третья —

излагает план войны 1811 года Клаузевица и Гнейзенау, доказывавший возможность сопротивления Наполеону. Партия реформ стала военной партией.

Первая декларация содержала «патриотическое обещание» военной партии.

«Я возлагаю эти легкие листы на священный алтарь истории в твердом убеждении, что когда минует буря времени, найдется достойный жрец этого храма, который тщательно приобщит их к летописи испытаний жизни народов. Когда наступит суд потомства, да будут изъяты из обвинительного приговора те, которые мужественно противостояли потоку испорченности и верно, как святыню, сохраняли в своей груди чувство долга».

«Я отрекаюсь: от легкомысленной надежды на спасение рукою случая:

от неопределенных ожиданий в будущем, которого не хочет разгадать тупоумие;

от детских расчетов смягчить гнев тирана добровольным сложением оружия и заслужить его доверие низкопоклонством и лестью;

от фальшивого смирения и духовной подавленности;

от неразумного недоверия к дарованным нам богом силам;

от греховного забвения всех обязанностей по отношению к общему благу;

от постыдного принесения в жертву всей чести государства и народа, всего личного и человеческого достоинства.

Я верю и признаю, что народ ничего не может почитать выше достоинства и свободы своего существования;

что он должен защищать их до последней капли крови;

что нет для него более священного долга и высшего закона;

что постыдное пятно трусливого подчинения никогда не может быть стерто;

что эта капля яда в крови народа переходит в потомство и подтачивает силы позднейших поколений;

что честь может быть потеряна только однажды;

что честь короля и правительства неотделима от чести народа и является единственным обличем нации;

что народ в большинстве случаев неодолим в великой борьбе за свою свободу;

что даже гибель этой свободы в кровавой и почетной борьбе обеспечивает возрождение народа и явится зародышем жизни, который даст могучие корни нового дерева.

Я объявляю и свидетельствую перед современниками и потомством, что я считаю наиболее гибельным из того, к чему только может привести ужас и страх, ложную мудрость, стремящуюся избежать опасности, и что я буду считать более разумным самое дикое отчаяние, если нам не суждено встретить опасность мужественно, т. е. со спокойной и твердой решимостью и ясным сознанием;

что я в угаре страха наших дней не забываю предостерегающих примеров старого и нового времени, мудрых уроков целых столетий и благородных примеров прославившихся народов и не меняю мировую историю на лист лживой газеты;

что я чувствую себя чистым от эгоистических помыслов и готов исповедывать с открытым челом перед моими согражданами каждую мою мысль и чувство, и что я буду счастлив найти славную смерть в величественной борьбе за свободу и достоинство моего отечества!

¹³Заслуживает ли эта вера — моя и моих единомышленников — презрения и насмешек моих сограждан?

Решение будет вынесено потомством!»

Экономические соображения партии во второй декларации были изложены довольно трезво и убедительно. Клаузевиц описывал кризис экономики Пруссии и доказывал невозможность выйти из него при господстве Наполеона. Подчинение Наполеону не спасет ни в коем случае Пруссию от разорения, так как Пруссии во всяком случае придется взять на свое содержание 400 тысяч солдат, которые собираются Наполеоном на Висле. За первой уступкой Наполеону последуют и дальнейшие, так как жаль будет потерять награду за уже содеянное. Нельзя говорить о том, что у Пруссии не было денег для борьбы с Францией. Разве французская революция не дает нам пример успешной борьбы государства, финансы которого находятся в полном расстройстве? Притом можно уверенно рассчитывать на английские субсидии. Резко подчеркивалась основная мысль: решение должно вытекать из необходимости спасения родины, а отнюдь не из легкости выполнения.

Общественное мнение объявляло сторонников войны безумцами, опасными революционерами или, по меньшей мере, болтунами и интриганами.

Но немецкие патриоты не были безумными энтузиастами. В общей панике они давали трезвую, в сущности, программу действий. Клаузевиц заканчивал свое воззвание словами Фридриха II: «Конечно, я люблю мир, удовольствия общества и радости жизни; как каждый человек в этом мире, я хочу быть счастливым, но я не согласен покупать эти блага низостью и бесчестием».

Впервые эти декларации были напечатаны спустя

57 лет, но они получили известное распространение в Германии, и судя по дальнейшему отношению прусского короля к Клаузевицу, попались ему в руки.

Для Марии эмиграция мужа являлась тяжелой драмой. Возвращение Клаузевица в Пруссию было мыслимо только в случае полного разгрома Наполеона, на что надежд в начале 1812 года пока еще не было. Будущее рисовалось Марии в виде переезда через один-два года в далекую, чуждую Россию, когда муж там устроится. Клаузевиц явно разбивал свою наладившуюся карьеру и должен был пытаться заново построить свою жизнь. Тем не менее, Мария не сделала ни малейшей попытки, чтобы удержать любимого мужа, и без слез одобрила его решение.

Величайшим заблуждением было бы полагать, что Клаузевиц, написав свои декларации, уезжал в эмиграцию в подавленном состоянии. До 1812 года, под влиянием морального удара, полученного в 1806 году при катастрофе Пруссии, Клаузевиц закабалял свою мысль на службу прусскому государству, культивируя в себе националистическую идеологию, отстранял от себя теоретические и философские вопросы, искусственно суживал свои интересы.

Шоры начали спадать, и наступило успокоение с того момента, когда Клаузевиц убедился, что прусский король обратился в лакея Наполеона. Пруссия опустилась на дно. Хуже того, что случилось, ничего быть не могло. Любое изменение могло произойти только к лучшему. Все счета Клаузевица с Пруссией, не желавшей сопротивляться Наполеону и отворившей ему свои крепости, были покончены. Клаузевиц эмигрировал всерьез и надолго, если не навсегда. Снимая прусский мундир, Клаузевиц почувствовал себя свободным человеком. У него проснулись интеле-

ресы, лежащие совершенно вне его военной специальности; пред ним вставали вопросы эстетики, его природные могучие философские задатки получили сильный импульс. Монах, сбрасывающий свою рясу, вероятно испытывает ощущение, близкое к переживаниям Клаузевица весной 1812 года.

По пути в Россию Клаузевиц захал попрощаться и погостить к Шарнгорсту в Силезию. Последний во многом разделял настроения Клаузевица. Свои взгляды Шарнгорст резюмировал так: «перед лицом сложившихся обстоятельств можно попытаться прочесть молитву «отче наш», а если это не поможет, остается только скрестить на груди руки и ожидать». Друзья с увлечением рассуждали об архитектуре. Они не говорили о будущем. «Генерал, являющийся самым любезным человеком в мире, который когда-либо существовал, горячо и с удовольствием говорил о своих архитектурных впечатлениях и постройках, оставшихся от старины», — писал Клаузевиц Марии 2 апреля 1812 года.

На русской службе

Клаузевиц отправился в Россию 2 мая 1812 года. Он выбрал прямой путь через Восточную Пруссию на Грауденц, Гумбинен, Тильзит. В Таурогене он вступил на русскую почву. Его принял и угощал охранявший границу казачий полковник. Здоровая, миловидная жена полковника, родом из Новочеркасска, по оценке Клаузевица, была способна только готовить, мыть, чистить и рожать детей. Хотя Клаузевиц ни слова не понимал по-русски, хозяева стремились занимать его все время разговором. Чтобы не оставаться вовсе пассивным к этому радушию, Клаузевиц показал хозяевам небольшой портрет своей жены. Они очень хвалили наружность Марии, а когда Клаузевиц собрался ехать дальше, жена полковника встала и при муже, к удивлению Клаузевица, «просто» поцеловала его в обе щеки. Только в дальнейшем Клаузевицу пришлось убедиться, что в России далеко не все такие непосредственные люди, как первые встретившие его казаки, и что он вступает на арену политической борьбы, где для него не окажется надлежащего места.

Немецкие и французские биографы Клаузевица совершают крупную ошибку, обходя полным молчанием два года, которые провел Клаузевиц на русской

Блюхер
С портрета Грегера

Гнейзнау

С портрета Ридзеля 1817 года

службе. Это был почти единственный период в его жизни, когда он мог непосредственно наблюдать большую войну. Его стратегическая теория окончательно сложилась в походе 1812 года. Его капитальный труд в основных вопросах представляет философскую обработку главных проблем, выдвинутых этой войной. При этом мы значительно лучше осведомлены об участии Клаузевица в войне 1812 года, чем в каких-либо других военных действиях. Мы располагаем прежде всего воспоминаниями Клаузевица об этой войне, напечатанными в т. VII посмертного издания; двести страниц этих воспоминаний, набросанных года 3-4 спустя после событий, представляют огромный интерес. Перевод их никогда в царской России не печатался, так как в них содержались слишком краточные характеристики главных действующих лиц.

Кроме этих мемуаров имеется полтора десятка писем Клаузевица к Марии с театра военных действий и три письма к Гнейзенау. Как это ни странно, но по каналам русской разведки письма Клаузевица прекрасно доходили в Берлин — столицу воевавшей с Россией Пруссии, и он получал, недошедшие до нас, ответные письма Марии; за всю войну в переписке Клаузевица с женой пропало только три письма. Письма Клаузевица выдержаны в безукоризненном для офицера русской службы тоне, исключающем возможность разглашения военной тайны.

20 мая Клаузевиц прибыл в Вильну и остановился в комнате, в которой уже жил Гнейзенау. Последний, избегая районов, где он мог бы быть задержан французскими войсками, выехал раньше, кружным путем через Австрию. В Вильне Гнейзенау горячо рекомендовал Александру I Клаузевица, который «написал указания для генералов, чтобы изгнать ложные прин-

цыпы, вкравшиеся в военное искусство благодаря ученым систематикам или вследствие безграмотности или неистовства унтер-офицерского порядка».

В долгих беседах с Александром I Гнейзенау, зная о недостаточной подготовке России к войне, так излагал свои взгляды на способ ведения предстоявшей войны: все походы Наполеона рассчитаны на короткий срок. Затянуть войну — это значит победить Наполеона. Надо лишить его возможности жить местными средствами и для этого безжалостно разрушать при отступлении мельницы, конюшни, угонять скот. Было бы очень опасно завязнуть в каком-либо наступательном предприятии. Надо затруднить Наполеону подвоз снабжения и протянуть дело до зимней кампании. Стход должен быть организован в тесной связи с врагом. Французов при всяком случае надо истреблять, как диких зверей. Надо организовать народную войну и напрячь все физические и моральные силы.

Вступление Пруссии в союз с Наполеоном вызвало в России недоверие к немцам. Гнейзенау, имевший опыт в конспирации, сразу заметил установленную за ним слежку, несмотря на хорошее отношение к нему русского царя. Общее впечатление от России у Гнейзенау было нерадостное. На организацию народной войны Александр I не соглашался из страха перед восстанием крепостных. В России побаиваются и глубокого отступления. Пессимистическая оценка внутреннего положения объясняет существование партии наступательных военных действий, сила и средства для которых совершенно недостаточны. С 1807 года в России не слишком много перемен. Господствует слабость, безграмотность, безумие, отсутствие темперамента. Храбрость войск, счастье и бедность страны может быть и приведут к счастливому результату.

Так ориентировал Гнейзенау о перспективах будущей войны прусского канцлера Гарденберга зашифрованным письмом; это свидетельствует, что слежка за Гнейзенау не была неуместной.

Незнавшему русского языка Гнейзенау нечего было делать в русской армии. Александр I предлагал Гнейзенау перейти на русскую службу, но ответственной должности Гнейзенау занять не мог, а состоять при главной квартире ему не хотелось. «И без меня тут много празднующихся».

Гнейзенау через Ригу и Швецию уехал в Англию, чтобы просить помощи для организации восстания в западной Германии. Оставшийся в русской армии Клаузевиц должен был своими корреспонденциями держать его в курсе хода войны.

Обычно, немецкие офицеры, поступавшие на русскую службу, располагали годом времени, чтобы научиться говорить по-русски, и лишь затем получали назначения. Клаузевиц деятельно принялся за изучение русского языка, но в его распоряжении оказался только один месяц: он усвоил только самые элементарные фразы к моменту начала войны. При своей склонности к пессимизму, Клаузевиц полагал, что сможет стать полезным русским только в том случае, если война затянется еще на один год. Пока же ему представляется лишь великолепный случай наблюдать и изучать большую войну.

Клаузевиц очень остро ощущал свое фальшивое положение, когда оказывался в должности начальника штаба арьергарда или дивизии и не имел возможности сам прочесть или прослушать донесение; поэтому он всячески устранился от занятия ответственных должностей. «Я глухонемой. Мне невозможно отличиться. Если бы попасть на немецкую землю».

Он с завистью смотрел на Тидемана, своего выдающегося товарища по первому выпуску из школы Шарнгорста, получившего назначение в Ригу начальником штаба корпуса Эссена, где весь штаб работал на немецком языке, или на Люцова, удалую голову, который бросил прусскую армию в 1809 году, сражался в рядах австрийцев, затем перекочевал в Испанию, был захвачен там в плен, бежал из Франции в Россию через всю Германию, рубился в рядах русской конницы и затем, благодаря четырехлетней разнообразной практике, прекрасно справлялся с должностью начальника штаба корпуса Дохтурова, несмотря на то, что также почти не знал русского языка, как и Клаузевиц.

Известность Клаузевица, как выдающегося теоретика стратегии, на первых порах привела к очень неприятному для него назначению — состоять начальником канцелярии (в единственном числе) у генерала Пфуля. Пфуль еще в 1806 году перешел на русскую службу и являлся военным советником Александра I.

Царь мыслил себе руководство войной таким образом: каждая из двух армий будет иметь нормальный штаб, главнокомандующим будет он сам, роль технического штаба будет играть его свита, а Пфуль явится при нем кладезем абстрактной стратегической мудрости. Пфулю и его помощнику Вольцгену принадлежал и утвержденный царем план войны России в 1812 году.

Вольцген по заданию царя в 1811 году произвел рекогносцировку всего западного пограничного пространства и выбрал у городка Дриссы на Западной Двине место для устройства укрепленного лагеря. 1-я армия должна была отходить от Вильны к укреплениям Дриссы, увлекая за собой главную массу

наполеоновской армии, а 2-я армия со стороны Полесья должна была нанести удар по сообщениям Наполеона.

Замысел был бы не плох, если бы силы русских войск только немного уступали силам Наполеона, как это предполагал Александр I, когда он в 1811 году давал задание Пфулю. В этом случае отступление на дюжину переходов от границы к Западной Двине вероятно бы уже сравняло силы сторон. Но подготовка к войне царской России запоздала вследствие причин, так метко указанных Гнейзенау, а также вследствие задержавшегося заключения мира с Турцией, и в 1-й русской армии насчитывалось всего 90 тысяч человек, а во 2-й — 50 тысяч; сверх того имелось 10 тысяч казаков. Наполеон же развернул на границе тройное превосходство — 450 тысяч, значительно больше того, что ожидал Александр. Только через два месяца силы русских могли возрасти до 330 тысяч. В этих условиях можно было рассчитывать уравнять силы только очень глубоким, на тысячу километров, отступлением, и задержаться у Дриссы значило погубить армию.

Первое поручение Клаузевицу было — объехать Дрисский лагерь и доложить царю о ходе работ по укреплению. Из 7 мостов, которые должны были быть переброшены через Двину, Клаузевиц не нашел ни одного. На правом берегу Двины не было возведено никаких укреплений. Местность представлялась очень невыгодной. Земляные укрепления тет-де-пона были насыпаны, но каких-либо искусственных препятствий перед ними не было создано. Основная подготовка заключалась в навесах, под которыми хранилось множество кулей ржаной муки.

Клаузевиц сразу отдал себе отчет в гибельности

плана Пфуля. Выхав из Вильны 23 июня, он возвращаясь встретил отступающую главную квартиру 28 июня в Свешьянах. Клаузевиц очень мучился перед докладом Александру I. Против Пфуля развивалась широкая интрига со стороны сильной партии, справедливо недоверявшей ему. Но Пфуль, человек с очень добрым сердцем, далекий от эгоизма, так приветливо встретил назначение Клаузевица в его распоряжение, что последний не решился прямо нанести ему смертельный удар своим докладом Александру I. Но на нем, как на офицере русской службы, лежала тяжелая ответственность по отношению к русской армии.

Клаузевиц решил дипломатически выйти из положения: его доклад Александру I в присутствии Пфуля был посвящен только состоянию укреплений, в тесных пределах порученной ему задачи. Царь заметил, что Клаузевиц чего-то не договаривает и сообщил герцогу Ольденбургскому, что он намерен поговорить с Клаузевицем с глазу на глаз. Этого не потребовалось, так как свою критику пфулевского плана, для передачи царю, Клаузевиц изложил прибывшему в главную квартиру из Берлина русскому послу князю Ливену, содействовавшему переходу Клаузевица в русскую армию. Ливен был подготовлен к этой роли, так как Шарнгорст в Берлине уже указал ему, что широкий отступательный маневр является главным козырем России в предстоящей войне и «первый выстрел из пистолета должен последовать только у Смоленска».

Пфуль компрометировал себя на каждом шагу. Авторитет его пал. Идея защиты Дрисского лагеря была оставлена, царь уехал из армии. Командование перешло к Барклаю-де-Толли, но оно имело времен-

ный характер, так как Александр I сомневался в том, что Барклай-де-Толли справится со своей ролью, и оставил открытым вопрос о назначении главнокомандующего. Как известно, оппозиция русской партии против немцев привела затем к назначению Кутузова.

Поразительна объективность, с которой Клаузевиц дает характеристику основных фигур в схватке русских и немцев, составлявшей главное содержание жизни высших штабов в этой войне. Симпатии Клаузевица, в конечном счете, оказываются на стороне «русской партии». Главой ее был Ермолов, сорокалетний генерал, честолюбивый, с сильным характером, поддерживавший порядок в армии и обеспечивавший энергию исполнения. Он был поставлен на пост начальника штаба армии. Его недостатком было отсутствие военно-исторического образования и знаний по стратегии. Но кто вообще в ту эпоху задумывался над стратегией? Поэтому Ермолов стремился сохранить за собой общее руководство, а разработку тактических и оперативных вопросов переложил на своего генерал-квартирмейстера Толя. Нельзя и сравнивать порядок в армии при Ермолове с тем, что был при его предшественнике, бестолковом маркизе Паулуччи.

Портрет Пфуля, очерченный Клаузевицем, незабываем. Это человек широко образованный, но неимеющий знаний по специальности, живущий затворником, не имея понятия о событиях дня, о генералитете, с которым ему приходилось сноситься. За шесть лет пребывания на русской службе он не приступил к изучению русского языка и особенностей организации русской армии. Он очень подробно изучил походы Юлия Цезаря и Фридриха Великого, но эта ученость

не была оплодотворена пониманием развития и сменны исторических эпох. Будучи сам поверхностным человеком, он составил себе хорошую репутацию, выступая по всякому поводу с громовыми обличениями против филистерства, поверхностности, фальшивости, слабости и провозглашением необходимости широты взглядов и сильного решения. В мирное время, «как и большинство генерального штаба, он занимался иллюзорной деятельностью». Поражение под Ауэрштедтом в 1806 году вызвало у него припадок иронии. Он покинул поле сражения с восклицанием: «Прощай, прусская монархия», и нервно хохотал в течение всего отступления.

· Посланный прусским королем с поручением в Петербург, Пфуль перешел на русскую службу. Переход из одной армии в другую в момент командировки являлся некорректным. Разрешая вопросы стратегии в русской главной квартире, Пфуль не имел никакого штаба, даже ни одного писаря или офицера; первым и единственным сотрудником его явился Клаузевиц. Он не получал никакой информации ни о действиях своих войск, ни о противнике, за исключением того, что сообщал ему царь. При всяком непредвиденном затруднении Пфуль терял голову. Он горюпил медленный марш Барклая к Дриссе.

Когда главная квартира была в местечке Видзы, возник слух об охвате французами левого фланга русской армии. Пфуля и Клаузевица потребовали к царю. В приемной находились, когда они вошли, Волконский со своим адъютантом Орловым, Аракчеев и Толь, наиболее толковый представитель русского генерального штаба. Пфулю и Клаузевицу сообщили обстановку и просили подготовить решение для доклада царю, который каждую минуту мог выйти из

соседней комнаты. Пфуль начал с причитания: во всем виновато непослушание Барклая. Волконский возразил ему, что сейчас стоит вопрос не об ответственности тех или других лиц, а о том, что следует делать при создавшихся условиях. Пфуль ответил: «Если меня не слушали раньше, то пусть и теперь распутываются без меня».

Клаузевиц краснел, полагая, что все присутствующие принимают его за ученика и единомышленника Пфуля. Клаузевиц, Толь и Орлов подошли к карте. Орлов, оперативно совершенно неподготовленный, предложил что-то несуразное, сразу опровергнутое Толем. Толь предложил несколько изменить пути отступления колонн русской армии. Клаузевиц предложил оставить, во избежание путаницы, все попрежнему, так как угроза охвата была явно ничтожна. Толь согласился с ним. Двери в соседний кабинет открылись, и царь пригласил для доклада Толя и Пфуля. На другой день вздорность слуха об охвате была установлена. Клаузевиц тщетно уговаривал Пфуля, чтобы он отказался от компрометирующей его роли, пока дело еще не дошло до полного банкротства.

Другим представителем немецкой партии являлся Барклай. Он был русский уроженец — сын бедного люфляндского пастора, поступивший охотником в русскую армию и 11 лет тянувший лямку унтер-офицера. Тем не менее Барклай плохо говорил по-русски. Его сильнейшим образом компрометировал бывший помощник Пфуля, флигель-адъютант Александра I, Вольцоген, вызывавший общую ненависть русских и устроившийся после падения Пфуля при Барклае. Русский офицер, вернувшийся из штаба Барклая, рассказывал дрожащим голосом при Клаузевице, что он

видел Вольцогена, который сидел в углу комнаты, как ядовитый паук-крестовик. Одни подозревали Вольцогена в измене и даже составили заговор, чтобы прикончить его, другие суеверно полагали, что Вольцоген — злой дух, который приносит несчастье. Особенной силы возбуждение против Вольцогена достигло тогда, когда он своими сомнениями о возможных маневрах Наполеона, остановил успешно начатое русскими наступление от Смоленска на Рудню.

Клаузевиц дает замечательную характеристику Вольцогена: «Вольцоген превосходит всех своими знаниями и был бы лучшим кандидатом на пост генерал-квартирмейстера, если бы известная ученость генерального штаба не препятствовала полностью использовать прирожденную ему сильную мысль. Кто хочет действовать в стихии войны, тот может книжным путем воспитать свой разум, но не должен выступать в поход с каким-либо положительным учением. Если притти на войну с готовыми мыслями, не вытекающими из импульса данного момента и не вошедшими в нашу плоть и кровь, то поток событий опрокинет начатую постройку, прежде чем она будет готова. При этом всегда останешься непонятым другими, естественно мыслящими людьми и меньше всего заслужишь доверие лучших из них, знающих к чему они стремятся... В характере Вольцогена была большая склонность к политике. Он был слишком умен, чтобы полагать, что иностранец с чуждыми идеями может завоевать доверие и авторитет, достаточные для открытых выступлений. Но он рассчитывал на слабость и непоследовательность большинства людей и полагал, что умный и целеустремленный человек может вертеть ими, как ему понравится. С русской стороны эти стремления разоблачались, как таинст-

Венность и дух интриги, что порождало подозрениѐ. Чтобы незаметно руководить людьми, нужна внушающая доверие, импонирующая индивидуальность, а Вольцоген всегда был сух и серьезен».

Характеристика Клаузевица в общем подтверждается. При чтении мемуаров Вольцогена, перед нами встает образ очень умного, образованного человека, отчетливо отдающего себе представление о связи политики и стратегии.

На поле сражения под Бородиным Вольцоген с Барклаем провели весь день под сильным огнем. Потери были ужасные; армии нечем было больше драться; Вольцоген видел полки, от которых оставалось два десятка солдат с одним офицером. Отход был неизбежен. Когда бой затих, Вольцоген, по приказу Барклая, отправился к Кутузову с докладом о точном положении на фронте, чтобы испросить указания для отступления. Кутузов провел весь день вдали от боя, в тылу. Когда Вольцоген, царский адъютант, кончил свой доклад, Кутузов, выступив из группы окружавших его офицеров, грубо и явно демонстративно прокричал: «У какой г...ной маркитантки вы так допьяна нарезались, что явились ко мне со столь гнусным докладом? Как обстоит дело в сражении, я сам прекрасно знаю. Атаки французов всюду победоносно отражены, и завтра я сам атакую во главе армии, чтобы немедленно изгнать врага со священной почвы России». Оскорбленный Вольцоген уехал к Барклаю, а ночью пришел приказ Кутузова об отступлении... Александр I был чрезвычайно недоволен этой выходкой Кутузова.

Развернутую оценку противоречий между Вольцогеном, Барклаем и Кутузовым мы находим у Клаузевица. Кутузов — ученик Суворова, в молодости

лихой рубака, изворотливый, умный и хитрый. По своим способностям он значительно выше Барклая, но старше его на 15 лет. Физически и духовно Кутузов уже одряхлел. Слава и известность Кутузова в армии были невелики. Никто не считал его выдающимся полководцем. Поражение под Аустерлицем произвело на него неизгладимое впечатление.

Руководство войной в целом взял на себя непосредственно Александр I, находившийся в Петербурге и уже не прибегавший к советам Пфуля. На Кутузове, однако, лежала ответственная задача самостоятельного руководства в центре 120 тысячами русских (из них 25% ополченцев) против 130 тысяч отборных французов Наполеона. В общем, деятельность Кутузова оказалась ниже ожиданий. В Бородинском сражении Клаузевиц имел возможность наблюдать Кутузова лишь короткое время утром, но тем не менее убежденно утверждает, что никакое воздействие Кутузова на ход сражения не имело места. Кутузов не проявил внутренней бодрости и самостоятельного творчества, не давал ясной оценки обстановки, предоставлял каждому делать свое дело, не вмешиваясь в него сколько-нибудь энергично, и держался как абстрактный авторитет. По своему преклонному возрасту Кутузов не мог проявлять той доли деятельности и энергии, которые были свойственны Барклаю.

Однако, положение Наполеона в целом хитрый Кутузов охватывал значительно шире, чем ограниченный Барклай. Если вначале успех кампании могли предусматривать только люди с исключительно широким кругозором, ясным мышлением и пониманием военной истории, то к концу августа этот успех уже настолько приблизился, что хитрый разум Кутузова нащупал его: Наполеон запутался, дело само начало

складываться в пользу русских, счастливый конец давался в руки без больших усилий. «Кутузов, конечно, не дал бы Бородинского сражения, в котором он не ждал победы», — писал Клаузевиц. — «Он рассматривал его как неизбежное зло, как необходимую уступку требованиям царя, армии и всей России».

«Кутузов знал, как следует обращаться с русскими. С неслыханной дерзостью он провозгласил себя победителем, всем кричал о скорой гибели неприятельской армии, до последней минуты сохранял вид, что даст второе сражение под Москвой. Недостатка в хвастовстве отнюдь не было. Он тешил тщеславие в армии и народе, воздействовал на настроение прокламациями и подъемом религиозного воодушевления и создал род нового доверия, несколько искусственного, но примыкавшего к истине, так как положение французов действительно было плохое».

«Хитрая голова Кутузова оказалась полезнее честности Барклая. Последний совершенно отчаялся в успехе войны; даже в октябре, когда у многих появились надежды, Барклай продолжал отчаиваться. Бедный на выдумку Барклай, неспособный воспринимать и чужие советы, был даже против перехода русской армии на калужскую дорогу. На его траурном и глубоко озабоченном лице каждый солдат мог прочитать, что положение армии и государства — отчаянное».

«Простой, честный, дельный, но умственно убогий Барклай был неспособен просмотреть до дна обстановку в целом и был подавлен моральной потенцией французских побед, а легкомысленный Кутузов противопоставил им наглость и кучу хвастовства и счастливо проследовал к гигантской пропасти, в которую уже свергалась французская армада».

В приведенных характеристиках Пфуля, Вольцогена, Кутузова, данных Клаузевицем, читатель легко может усмотреть противоречие, но и некоторые общие штрихи с мастерскими характеристиками, которые дает Лев Толстой в «Войне и мире»: то же скептическое отношение к книжной мудрости, выдвижение на первый план морального элемента, воплощенного в Кутузове, бесплодность ученых чудаков-немцев. Это совпадение отнюдь не является случайным. Толстой, прорабатывая для своего романа горы материала, особое внимание уделил сочинениям Клаузевица, и Андрей Болконский во многих своих военных оценках несомненно развивает взгляды Клаузевица.

Клаузевиц в своей характеристике Барклая резко расходится с Пушкиным, давшим очень далекий от жизни, идеализированный образ Барклая в стихотворении «Полководец». Извинением Пушкину служит знакомство его с Барклаем исключительно по портрету Доу, на котором умственное убожество Барклая оказалось искусно скрытым за «высоким челом». Мы не можем сомневаться в том, что правда на стороне реалиста Клаузевица. В годы реакции даже Паскевич, будущий сподвижник Николая I, приходил в ужас от Барклая, муштровавшего солдат: «Что сказать нам, генералам дивизий, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадер. И какую потом глупость нельзя ожидать от армейского майора?» Широкие замыслы в убогой голове Барклая, конечно, не могли гнездиться.

Прохождение службы Клаузевицем в 1812 году в русской армии складывалось после банкротства Пфуля следующим образом. Клаузевиц был назначен начальником штаба кавалерийского генерала Палена,

командовавшего аръергардом 1-й армии, и участвовал в боях на подступах к Витебску. Когда Пален заболел, Клаузевиц некоторое время находился в распоряжении и сопровождал русского генерал-квартирмейстера Толя. Последний был назначен вместо Мухина, который оказался выдвинутым на пост генерал-квартирмейстера исключительно как талантливый чертежник, могущий иллюстрировать любую репликацию красиво исполненной схемой боевого столкновения. В отсталой и малограмотной стране, — записал Клаузевиц, — знакомство с топографией, повидимому, легко смешивается с пониманием военного искусства...

Преемника Мухина, Толя, Клаузевиц ставит очень высоко. Хотя Толь и не был способен охватить своим замыслом всю войну, но в каждый данный момент, на ближайшее время у него имелось вполне разумное решение, и он делился с Клаузевицем затруднениями, с которыми ему приходилось считаться при проведении своих решений в жизнь. Впереди Дорогобужа Толь и Клаузевиц выбрали прекрасную позицию, значительно лучше бородинской. Но Багратион противопоставил ей свой, очень неудачный выбор; когда Толь стал спорить, Багратион пригрозил ему разжалованием в солдаты, а непосредственное начальство Толя, Барклай, не оказало ему никакой поддержки. Крупнейшим недостатком Толя являлось отсутствие такта и постоянные грубости как по отношению старших генералов, так и подчиненных.

Затем Клаузевиц назначается начальником штаба кавалерийского корпуса Уварова и участвует с ним в Бородинском сражении. Все мышление Клаузевица было приспособлено к решению важнейших, центральных проблем, а незадачливая судьба бросала его всю жизнь на второстепенные участки. Он при-

сутствует при докладе Кутузову о том, что корпус (гвардейская легкая кавалерия) вместе с казаками Платова хорошо бы бросить в охват левого фланга Наполеона. Кутузов выслушивает все предложения не слишком внимательно, «как человек, не вполне уверенный, где у него голова», и отдает распоряжение об этом корпусе: «Ну, хорошо, возьмите его».

Корпус Уварова почти ничего не сделал и мало помог казакам Платова, поднявшим у французов большую тревогу. Клаузевиц не сочувствовал этой диверсии и благодарил судьбу, что все вопросы в сражении решались помимо него.

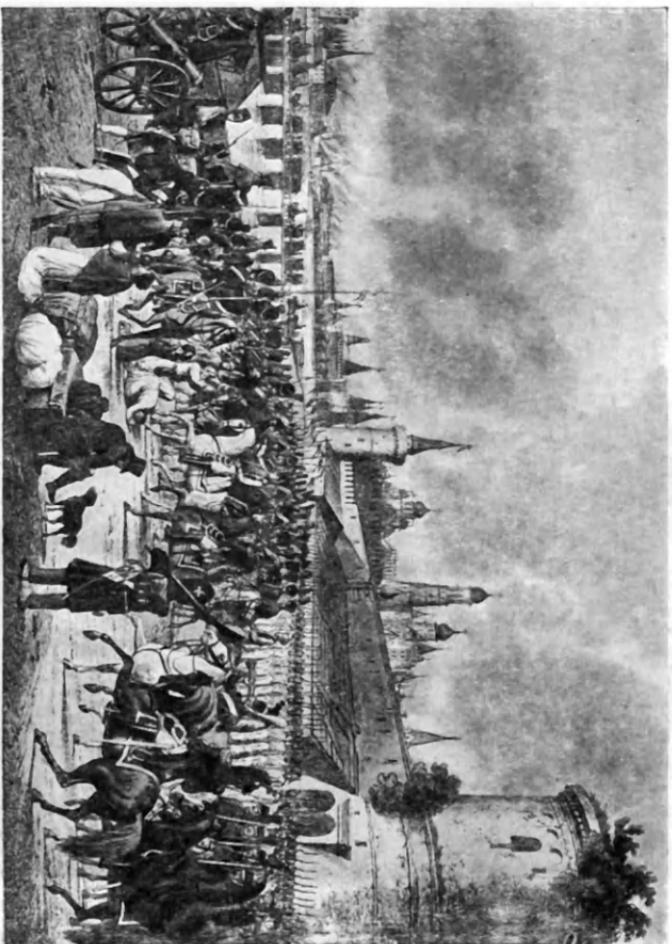
Утром построение русских у Бородина было чрезвычайно густое и стесненное. Без какой-либо надобности кавалерия была поставлена в 300 шагах за пехотой, а общий резерв — в 1000 шагах, что вызывало большие и совершенно излишние потери. С 6 часов утра с обеих сторон гремело до 2000 пушек. К 3 часам дня Клаузевиц обратил внимание на тот характер утомления и истощения, который приняли боевые действия с обеих сторон. Пехотные массы растаяли — было много убитых и раненых, часть солдат выносила раненых и затем задерживалась в тылу.

В боевом порядке русских и французов всюду обнаруживались незанятые просветы. Почти на всем фронте у обеих сторон пехоту сменила кавалерия. Утомленной рысью кавалерийские части производили атаки, продвигались вперед и изгонялись в исходное положение. Темп сражения замедлялся. Даже артиллерийский огонь начал ослабевать: с утра стоял сплошной гром, а теперь уже различались отдельные выстрелы. Слух настолько привык к пушечной стрельбе, что казалось и пушки начали звучать глухо и тускло. Сражение замирало. К 4 часам боевые дей-

Фельдмаршал Кутузов

С гравюры Кардели по рисунку А. Орловского (Гос. исторический музей)

Пожар Москвы 1812 года
С цветного офорта (Гос. исторический музей)

ствия прекратились. Исход сражения зависел от того, у кого из противников сохранились последние козыри — более сильные свежие резервы.

Не взирая на слова, брошенные Вольцогену, о достигнутой победе, Кутузов в исходе не сомневался: превосходство сил французов с ходом сражения нарастало; продолжение сражения на другой день не обещало ничего хорошего. Кутузов решил уходить, а Наполеон вечером не возобновлял атак. Интересы полководцев обеих сторон представляли полную противоположность только по отношению к цели, которую они преследовали, но не в отношении выбора средств, — и обеим сторонам прекращение боевых действий представлялось выгодным.

Эта характеристика большого сражения, тлеющего, как сырые дрова, и приводящего к успеху или к отступлению в зависимости от того, кто экономнее вел бой и сохранил больше свежих сил, сохранилась у Клаузевица и в его капитальном труде. Это обобщение опыта Бородина едва ли выдерживает критику. Наполеон был под Бородиным уже на исходе своего победоносного шествия; почва под ногами французской армии уже колебалась. Наполеон не мог прибегнуть ни к дерзкому маневру, ни к расходованию последнего резерва — гвардии, так как иначе возможность добиться мира с занятием Москвы окончательно ускользнула бы от него.

Отсюда, однако, едва ли правильно сводить на-нет значение маневрирования в сражении, которое в других условиях могло дать решающие результаты. Опыт сражений XIX века показывает, что в маневренных условиях сражение очень часто уподоблялось не тлению сырых дров, а вспыхивало ярким, быстро пожирающим пламенем и получало живое и драматическое

развитие, радикально изменяя в течение немногих часов всю обстановку (Кенигрец, Седан). Не всегда на действиях захватившего инициативу полководца лежит та печать стратегического бессилия и утомления, которая характеризовала действия Наполеона при приближении к Москве.

После Бородина корпус Уварова, и Клаузевиц с ним, вошел в состав арьергарда генерала Милорадовича. Клаузевиц прошел через Москву одним из последних.

Непосредственно за ним на противоположную окраину Москвы вышли два прусских кавалерийских полка, составлявшие передовой отряд «великой армии». Милорадович вызвал для переговоров начальника французского авангарда. Клаузевиц использовал этот момент, чтобы подъехать к прусским кавалеристам, где у него нашлись знакомые. Он просил передать Марии в Берлин, что он жив и здоров. Для энергичной агитации момент был не слишком удобным...

Казачьи арьергарда находились еще в предместьях, когда начали подыматься облака дыма: начинался пожар Москвы. Зарево пожаров было видно в течение всего марша русской армии с рязанской на калужскую дорогу; ветер на расстоянии в 50 километров доносил пепел и запах дыма. Первое впечатление Клаузевица было, что пожар возник вследствие грабежей казаков, привыкших по пути поджигать все оставляемые, уже брошенные жителями, деревни; к казакам по всей вероятности присоединилась и деклассированная беднота, поразившая Клаузевица своим присутствием на улицах Москвы при прохождении русского арьергарда. Впоследствии Клаузевиц пришел к убеждению, что в пожаре сказались и инициатива градоначальника Раstopчина.

Пожар, по мнению Клаузевица, не вызывался воен-

ной необходимостью. Для Наполеона он являлся ударом лишь постольку, поскольку подрывал надежды на заключение мира. А при дальнейшем сопротивлении России катастрофа французской армии являлась неизбежной и при сохранении порядка в Москве. На улицах Москвы русскими были брошены десятки тысяч раненых, большинство которых во время пожара должно было сгореть. Эту тяжелую картину наблюдал Клаузевиц при отступлении через Москву.

Клаузевиц подчеркивает, как до самого начала французского отступления командный состав русской армии не осознал, что кампания русскими уже выиграна. Строгая «логическая система», в которую вылились последние отступательные акты, сложилась вполне бессознательно. Кутузов и Толь после Бородина составляли исключение, неясно нащупывая запутанность положения Наполеона. Толь еще на пути в Москву говорил Клаузевицу о желательности продолжать отход из Москвы не на восток, а на юг, чтобы занять фланговую позицию и начать давление на сообщения Наполеона; но сразу провести эту идею Толь не удалось. Клаузевиц поддерживал Толя, указывая на возможность играть с французами в кошки-мышки, благодаря необъятным размерам русской территории: если русская армия устремится теперь к западной границе, Наполеону ничего не останется делать, как потянуться за ней на запад, как до сих пор он тянулся на восток.

Но масса командного состава готова была плакать, глядя на пожар Москвы, и считала кампанию проигранной. Настроение в армии было траурным. В Петербурге — напротив: там не видели разоренных деревень и городов, не имели перед глазами тысяч несчастных беженцев, не испытывали непосредственно

на себе тяжелых ударов французских войск, и судили правильнее, ясно оценивая катастрофическое положение Наполеона и проектируя окружение остатков его армии на берегах Березины.

Таковы замечания Клаузевица в его воспоминаниях. Письма к Марии и Гнейзенау, точно отражающие ощущения Клаузевица в отдельные моменты событий, позволяют утверждать, что и у самого Клаузевица в течение отступления полной ясности в понимании изменения стратегической обстановки в пользу русских еще не было. Из Дорогобужа он писал, что положение пока не плохо, но предстоит сражение и, в случае отрицательного его исхода, положение может измениться значительно к худшему. Однако, сомнения могут быть только в результате одного сражения, но не всей войны, если только решение бороться у русских не ослабеет. Сразу же после оставления Москвы Клаузевиц определял положение русской армии, как вполне удовлетворительное. Принудить Россию к миру невозможно.

Однако, самому Клаузевицу приходилось тяжело: девять недель маршей, из них в течение пяти недель недоедание и сон исключительно под открытым небом. Один день он мучился прострелом. Зубы болели непрерывно, волосы начали лезть, пропали последние перчатки, руки огрубели. Не зная языка, устаеть в три раза больше, становишься печальным, так как, будучи не в курсе дела, утрачиваешь интерес к нему. «Одна надежда на то, что Гнейзенау вытащит меня из дыры, в которую я попал... Но о Гнейзенау нет никаких вестей». В начале ноября Клаузевиц в письме к Гнейзенау признает, что русским удалось «распятъ» французскую армию. Но и здесь у Клаузевица еще звучат скептические ноты, основанные на

недооценке русских и переоценке Наполеона: «не следует ожидать слишком многого от нас и слишком малого от нашего противника. Конечно, можно без всяких преувеличений думать о полном истреблении французской армии, но я не рассчитываю на него... Император Наполеон, как великий полководец, повидимому, может всей силой принуждения, свойственной его энергии и силе воли, кое-как сберечь аппарат». Возможно, что Наполеону удастся собрать для занятия рубежа Вислы армию в 155 тысяч человек. Таким образом, пессимистические нотки сохраняются у Клаузевица почти вплоть до березинской катастрофы.

Русские офицеры всегда были очень любезны с Клаузевицем — он не может пожаловаться ни на один случай грубости. Это объясняется сдержанностью Клаузевица. После отступления из Москвы Клаузевиц и его товарищи-немцы должны были скрывать даже свои не слишком яркие надежды на скорый успех, чтобы не оскорбить траурного чувства русских: «нам со стороны было виднее, ведь у нас не было, как у русских, непосредственной боли, мы были чужими по отношению к этому страдающему и угрожаемому в самых основах отечеству. А это влияет на силу суждения. Мы дрожали только перед мыслью о мире. Мы смотрели на трудности момента, как на решительное средство к спасению. Но если бы мы стали громко об этом говорить, мы возбудили бы голько подозрения». Из «дыры» вытащил Клаузевица не Гнейзенау, а Александр I, вспомнивший о нем и назначивший его начальником штаба корпуса Эссена в Ригу, вместо убитого в августе Тидемана. После оставления Москвы Клаузевиц узнал, что бумага с его назначением в течение месяца залежалась в главной квартире, внимание которой было поглощено крупными событиями.

24 сентября Клаузевиц выехал из армии; но на переезде через Оку у Серпухова ополченцы его арестовали, как шпиона, несмотря на то, что все документы Клаузевица были в порядке, и доставили его обратно в штаб армии. Через несколько дней Клаузевиц снова выехал, уже в обществе двух других немецких офицеров и под охраной фельдъегеря. Путь направлялся на Тулу, Рязань, Ярославль, Новгород — в Петербург, в объезд занятой французами Москвы. По дороге приходилось останавливаться из-за болезни спутников — отделяться было опасно. Только к концу октября Клаузевиц прибыл в Петербург.

Клаузевиц до этого времени рассчитывал пустить корни в русской армии и устроиться с семьей в Петербурге. Но ознакомление с петербургской жизнью и обществом заставило его отказаться от этого намерения. Было бы неправильно усматривать причины этого отказа исключительно в барском складе и дороговизне петербургской жизни, которые исключали возможность сохранить семье Клаузевица то сравнительно видное положение, которое она занимала при своих крайне ограниченных средствах в Берлине. Из тех двух десятков прусских офицеров, единомышленников Клаузевица, которые приехали с ним в 1812 году, в России никто не осел, несмотря на их выдающуюся боевую репутацию и широкую поддержку, оказываемую им Александром. Между тем, немецкие офицеры вообще умели прекрасно устраиваться в царской армии.

К моменту прибытия в Петербург Клаузевиц, повидимому, уже нащупал корни расхождения между немецкой и русской партией в армии. Русская партия отражала либеральные чаяния передовых слоев дво-

рянства и буржуазии. С точки зрения царя она являлась неблагонадежной. Действительно, это была первая ячейка будущих декабристов. В программах школы генерального штаба (колонновожатых), устроенной неофициально Н. Н. Муравьевым * в Москве, значились такие вопросы по истории: каких наиболее кровавых государей вы знаете? Какие папы римские были наиболее мерзкими? Какой негодяй учредил святую инквизицию? Такая постановка вопросов, если и не свидетельствует об академизме в преподавании истории, то тем не менее выявляет радикальную политическую тенденцию. Франкофильская деятельность Сперанского, походы в западной Европе, пребывание в плену в революционной Франции — не прошли даром для русских офицеров. Они копировали Тугендбунд, но вкладывали в свои кружки более радикальное содержание.

Не только зарождающийся национализм руководил Ермоловым и его друзьями в выходках против немцев. Немецкие генералы и офицеры в русской армии были реакционерами и являлись царскими опричниками, не имевшими ничего общего со стремлениями передовых кругов русского общества. Александр I не жалел похвал своим верным немцам и даже в 1814 году высказал мысль, что русская армия совершила такие выдающиеся подвиги только потому, что в ее рядах было много немецких офицеров.

В этих условиях борьба с немецкой партией, отразившаяся в ироническом требовании Ермолова, чтобы

* Школа Муравьева просуществовала с 1815 по 1823 год. За прикосновенность к декабрьскому движению 1825 года Н. Н. Муравьев, один из героев 1812 года и наиболее образованный русский офицер, был сослан на Кавказ. В 1855 году овладел крепостью Карс.

его произвели в немцы, открывала широкую возможность оторвать от царизма широкие офицерские круги. Симпатии Клаузевица были явно на стороне русской партии. Но он не мог быть в ее рядах. В России он и его единомышленники могли бы устроиться только в рядах царской опричины, работать для той самой феодальной реакции, с которой они боролись в Пруссии и торжество которой заставило их эмигрировать в Россию. Между тем, нависшая над Наполеоном катастрофа открывала возможность победного возвращения в Германию.

Убедившись в этом, Клаузевиц пришел к решению — рассматривать свою эмиграцию в Россию как временную, и начал хлопотать о своем переводе из русской армии в русско-германский легион, масса коего комплектовалась преимущественно немцами-дезертирами и пленными из состава наполеоновской армии. Так как корпуса Эссена уже более не существовало и угроза Риге отпала, Клаузевиц просил, впредь до окончательного формирования русско-германского легиона, назначить его в армию Витгенштейна, отделившуюся от 1-й армии для прикрытия Петербурга, штаб которой был почти исключительно немецким: начальник штаба — саксонец, генерал д'Оврей, генерал-квартирмейстер Дибич — бывший прусский офицер и воспитанник берлинского кадетского корпуса. 15 ноября 1812 года Клаузевиц выехал из Петербурга через Псков и Полоцк в Чашники.

В армии Витгенштейна Клаузевиц почувствовал себя среди своих. Витгенштейн был в цвете сил — он только недавно перевалил за 40 лет; это был бодрый, предприимчивый генерал; правда, с недостаточной ясностью мысли и силой характера. Д'Оврей был образованным генералом, за 50 лет, но по существу

не солдат. Основной пружиной, приводившей корпус в движение, был Дибич, на пять лет моложе Клаузевица, к 27 годам сделавший уже в России карьеру и произведенный в генералы, прилежный и пылкий, но честолюбивый, надменный, часто перехватывавший через край. Впрочем на Березине у Дибича нехватило дерзости преградить дорогу Наполеону — он не хотел рисковать лаврами, полученными в успешных боях с наполеоновскими маршалами, и посторонился.

Клаузевица в решительные дни березинской операции не было в штабе, чтобы подбодрить Дибича, — он был выделен с небольшим отрядом, прикрывавшим левый фланг армии Витгенштейна.

В письме Марии от 29 ноября Клаузевиц сообщает, что он вернулся в штаб только к моменту развязки. Своим начальством он доволен почти так же, как Шарнгорстом, что в устах Клаузевица означало высшую похвалу Дибичу. Конечно, следовало бы действовать еще решительнее, но и так получилась одна из самых тяжелых, кровавых страниц истории. Какне приходилось наблюдать сцены! Клаузевиц остолбенел бы от страха и ужаса, если бы его нервы не были уже закалены кампанией. «Я пишу между трупами и умирающими, в дымящихся развалинах; тысячи людей, похожих на призраки, проходят мимо меня с плачем и причитаниями и просят хлеба. Скорее бы изменилась эта картина». И что значит, в сравнении с этой катастрофой Наполеона, жалкая выходка прусского короля о заочном предании суду Клаузевица за поступление во враждебную Наполеону и его союзнику — Пруссии — русскую армию! «Кто видел здесь сцены горя и нужды, в причинении которых принимало участие и прусское правительство, тот не будет поколеблен в своей гордости его осуждением».

Тысячи французов утонули в ледяной воде Березины. Но в ней же утонула и большая часть той ненависти, которую питал Клаузевиц к французскому народу, в ней охладилась его страстная экзальтация и зародилось то восхищение военным искусством Наполеона, которое чувствуется на каждой странице его капитального труда.

Победа

Клаузевиц с армией Витгенштейна сделал за Березиной три перехода — через Зембин, Камень, Долгинов — вдоль большой дороги, на которой окончательно развалилась французская армия. Дорога представляла собой сплошное нагромождение ужасов, которых Клаузевиц в жизни никогда не видел и рассчитывал больше не видеть. Но Клаузевиц не забывает, что русскому солдату приходилось преодолевать те же трудности, что и французам: марш на 840 километров зимой, с отдыхом только на bivouаках, под открытым небом, перенося тяжелый голод, так как подвоз продовольствия запаздывал. Дорога была завалена трупами и русских солдат. За месяц армия Витгенштейна, сравнительно благополучная, потеряла треть своего состава.

Витгенштейн получил задачу — отрезать корпус Макдональда, действовавший на рижском направлении. Две трети этого корпуса составлял союзный прусский контингент под начальством Йорка. Этот реакционный генерал, отъявленный враг Шарнгорста и реформы, желчный, скрытный, маскирующий дерзости лицемерной прямоотой, не плохой тактик, являлся прежде всего очень трудным подчиненным, готовым

всегда вести подкоп под свое начальство. Последнее обстоятельство и привело к тому, что Шарнгорст, перед уходом со службы, настойчиво рекомендовал прусскому королю назначить Йорка заместителем престарелого генерала Граверта, поклонника французов, назначенного командовать прусским двадцатитысячным контингентом армии Наполеона. Можно было предвидеть, что Йорк не даст растаять прусским войскам среди французской армии и переругается со всем французским командованием, когда старик Граверт сдаст ему бразды правления. Расчет Шарнгорста оправдался полностью, и в декабре 1812 года отношения Йорка с Макдональдом обострились до крайности. Гонимы с жалобами носились к прусскому королю и прусскому представителю в Вильну.

При отступлении французской армии в штабах воцарился такой хаос, что главная квартира забыла уведомить Макдональда о катастрофе и необходимости отступления. Только 10 декабря начальник штаба Наполеона, Бертье, отправил из Вильны в Митаву приказ и ориентировку Макдональду. Но для передачи этих важных оперативных документов во французском штабе не нашлось ни одного ординарца. Документы были вручены прусскому офицеру, майору Шенку, возвращавшемуся из командировки, ленивому и трусливому офицеру. Так как на прямом пути Шенк мог встретить казаков, он отправился через Тильзит, погостил два дня у своей невесты и только 18 декабря передал приказ Макдональду.

Макдональд начал отступление 19 декабря с французскими войсками; сутки спустя за ним двинулся и «союзник» Йорк с десятью тысячами прусских войск.

Витгенштейн бросил вперед свою конницу, 3 казачьих полка — 1200 всадников и егерский полк в

составе 120 человек, под командой Дибича. В этой летучей колонне находился и Клаузевиц.

У местечка Колтыняны Дибич преградил 25 декабря отступление Иорку, оторвавшемуся на два перехода от Макдональда. Иорк, несомненно, имел возможность пробиться, бросив свои обозы. Но обстановка для него была неясна. Казаки встречались на всех дорогах. Приближались другие русские отряды. В войсках Иорка находились оба брата Клаузевица, и последний испытывал очень неприятное чувство, что придется драться против своих.

Но до боя дело не дошло: Дибич начал переговоры о заключении конвенции, согласно которой прусский контингент объявлял нейтралитет и обязывался не сражаться с русскими.

Дибич и Иорк стремились друг друга обмануть: Иорк хотел без боя проскочить в Тильзит, а Дибич угощал его фальшивыми приказами по русской армии, из которых следовало, что крупные русские силы уже далеко вторглись в Восточную Пруссию и отрезали ему всякий путь отступления.

Клаузевиц сначала воздержался от участия в переговорах, но Иорк потребовал, чтобы Дибич выслал Клаузевица к нему, так как у него будет больше доверия к офицеру, недавно оставившему прусскую службу. В конце концов Дибич перехитрил: через пять дней переговоров Иорк был уже настолько скомпрометирован сношениями с русскими, что ему ничего другого не оставалось, как перекинуться из французской армии в русскую. Вечером 29 декабря Клаузевиц блестяще закончил свою миссию. Иорк пожал руку Клаузевицу и заявил: «Я ваш. Скажите Дибичу, что завтра в 8 часов утра мы встретимся на мельнице, и что я твердо решил отделиться от французов».

Так была заключена при участии Клаузевица знаменитая Таурогенская конвенция, в результате которой прусский король, продолжавший хранить верность Наполеону, потерял половину своей армии.

Клаузевиц мог торжествовать: злейший враг Шарнгорста и реформы, Йорк, приказывавший расстреливать прусских офицеров-эмигрантов, оказался вынужденным пойти по их стопам.

Любопытно проследить, как изменялось в 1812 году настроение офицерства в прусских войсках, действовавших против России. Письма батальонного командира Рудольфи *, типичного прусского офицера, в августе титулуют русских «бестиями». Последний раз этот эпитет, примененный уже по отношению к казакам, встречается у Рудольфи в начале октября. В конце июля Рудольфи убежден, что бессистемное отступление русской армии ведет Россию к гибели и упрочивает господство Наполеона. В августе русские именуется «ослами», так как они сами виноваты, что прусские войска должны сражаться за Наполеона. Тидеман обзывается неприличными словами, так как он и другие эмигрировавшие прусские офицеры на русской службе не ограничиваются тем, что засыпают прусские войска прокламациями, но при каждом случае выезжают якобы для переговоров и перед строем прусских войск призывают их переходить на сторону русских. Приказ Йорка — стрелять по таким парламентарам, как только они откроют рот — вызывает полное одобрение.

Однако, прусским солдатам создавшееся положение перестало нравиться. В октябре еще со вкусом расписываются успехи в передовых стычках с русскими.

* См. библиографию, стр. 285.

Пожар Москвы оскандалил русских перед всей Европой, а русским и горя мало, лишь бы спасти свою жалкую жизнь. Надежда на скорый мир! По понедельникам пруссаки устраивали попойки, так как понедельник у русских считается тяжелым днем и они активных действий не предпринимают. Отступление Наполеона из Москвы вызывает большие толки. «Часть нашей армии настолько глупа, что радуется этому». Радоваться теперь несчастьям французов так же глупо, как глупо было радоваться несчастьям Австрии в 1800 году, на основании воспоминаний о Семилетней войне. В декабре маршал Макдональд, которому подчинены пруссаки, еще восхваляется, хотя он в резкой ссоре с Иорком. 1 декабря Рудольфи уже уделяет внимание хорошему обращению его солдат с русскими пленными, что прежде не наблюдалось. Только баварцы продолжают по прежнему грабить пленных. Омштеда, представитель англо-русских интересов в Берлине, — дурак. Пример эмигрировавших в Россию офицеров не представляется похвальным— они могли бы вызвать в Пруссии лишь плохенькую революцию.

В момент заключения Таурогенской конвенции Рудольфи находится, в составе шести отделившихся от Иорка прусских батальонов, в Тильзите, вместе с Макдональдом. Настроение Тильзита — на стороне русских. Рудольфи состоит для связи при Макдональде и меняет шкуру. Маленький заговор—и шесть прусских батальонов бегут от Макдональда к Иорку. Встречаются русские, которых радостно приветствуют. Рудольфи не совершил бы—как он говорит—на месте Иорка перелета, но если перелет совершен, то отчего Иорк не нападает сразу на Макдональда? И почему старые женщины, оставшиеся в Берлине, не

рвут на куски проезжающих из России во Францию маршалов? Рудольфи никогда не обнажит больше своей сабли против русских. Милые казаки! Они так спокойно разъезжают по дорогам и так безжалостно прокалывают своими пиками всякого отставшего француза с отмороженными конечностями, как будто уничтожают скверное насекомое. Наивные, простые люди! «У меня особая любовь к этим людям, которые так непосредственно выражают свою дружбу или вражду». Рудольфи распоряжается, чтобы его жена возможно скорее сшила его младшим сыновьям казачьи костюмчики — в точности по ходкой гравюре. И так далее... Одетые маленькими «бестиями», сыновья Рудольфи со временем, несомненно, подросли и оставили большое потомство.

Как жалка эта смена ориентации, эти аплодисменты прусской армии после катастрофы, постигшей Наполеона в России! Клаузевиц, взявший эту линию на год раньше, когда Наполеон стоял на вершине своего величия, имел право, ступив на прусскую почву, смотреть несколько сверху вниз на своих соотечественников.

Клаузевиц вместе со Штейном принимает энергичное участие в мобилизации сил Восточной Пруссии, в провинции, последовавшей примеру Иорка, проводившей небольшую революцию, самостоятельно заключившей союз с Россией и начавшей вооружаться вопреки своему королю. Клаузевиц, знакомый с идеями Шарнгорста, набрасывает для провинций Восточной и Западной Пруссии положение о ландвере — ополчении, организуемом провинцией за счет имеющихся у нее средств.

Таким образом, понятия ландвера и ландштурма проведены в жизнь впервые Клаузевицем. Каждые

Барклай-де-Толли
С портрета Д.у

Прусский офицер генерального штаба и ординарцы различных частей союзной армии в 1815 году
Современная карикатура

Остатки французской армии, отступавшей в 1812 году из России
Зарисовка с натуры Гейслера

100 жителей должны выставить 2 ландверистов. Вооружение ландвера составляли ружья, а при недостатке их — пики; снаряжение — патронташ и топор; обмундирование — отличительный знак своего батальона на головном уборе. Ландвер сводится в батальоны по 1000 человек и входит в действующую армию. Все остальные годные мужчины входят в ландштурм, назначаемый для партизанских действий или караульной службы в своем районе. Проект Клаузевица был принят и утвержден в февралье земским собранием этой провинции, которое внесло в него, однако, поправку о праве выставлять вместо себя заместителя Клаузевиц полагал, что ландвер должен представлять собой исключительно пехоту. Шарнгорст впоследствии ввел в положение о ландвере дополнение: ландвер должен состоять также из конницы, хотя бы иррегулярного, казачьего типа и может быть призван не только для защиты своей провинции, но и для действий на любом театре войны.

Мария в 1812 году вела жизнь отверженной обещанием жены политического эмигранта. Но когда 20 февраля 1813 года первые казаки русского авангарда въехали в Берлин, Мария со своей племянницей, как безумная, носилась по улицам, обращаясь к казакам на непонятном им языке с вопросами о своем муже. Коменданту города пришлось предложить ей отправиться домой. Пруссия официально находилась еще в войне с Россией.

Уехавший в Англию Гнейзенау был любезно принят там. Аудиенция его у принца-регента продолжалась девять часов.

Но из России приходили известия о победном продвижении Наполеона, и интерес англичан к предложениям Гнейзенау упал. К тому же в Англии про-

исходили выборы в парламент, а на это время всякий интерес к мировым событиям аннулировался.

Пожар Москвы пробудил новые надежды у Гнейзенау, отчаявшегося уже в успехе и уехавшего на курорт. Люди, которые жгли свою столицу, как утверждал французский бюллетень, были способны на всякую крайность, и легко могли оказаться победителями над Наполеоном. Гнейзенау, не зная, что русское правительство тут непричем, восклицал: «Маленький Александр и такое великое решение!». Гнейзенау продолжал обивать пороги, чтобы добиться английской интервенции в Германии для поднятия восстания. Англия уже взяла на свой счет содержание русско-германского легиона (из немецких дезертиров наполеоновской армии), но пока дальше не шла. Узнав в январе о переходе прусского контингента Йорка на сторону русских, Гнейзенау не мог ждать больше в Англии и просил перебросить его на военном судне в Кольберг, чтобы взбунтовать в этой крепости прусские войска, которыми он командовал при осаде в 1807 году и на которые твердо мог положиться. Немедленно в распоряжение Гнейзенау был назначен фрегат. 25 февраля 1813 года население Кольберга устроило Гнейзенау торжественную встречу.

Очень скоро до прусского короля дошла весть, что кольбергский гарнизон, несмотря на возглавлявшего его реакционного генерала Борштеля, двинулся на Берлин. Фридрих-Вильгельм III сразу угадал: «Это наверно Гнейзенау объявился в Кольберге!» Через несколько дней прусский король подписал союзный договор с Россией и начал войну с Наполеоном.

Война против Франции началась. Сторонники Франции, на которых прусский король опирался в 1812 году, были полностью скомпрометированы ката-

строфическим концом похода Наполеона в Россию. Король, порвав с Наполеоном, должен был прежде всего призвать к власти кружок реформы. Во главе прусской армии был поставлен кандидат Шарнгорста и Гнейзенау — Блюхер, которому они создали славу народного героя, а Шарнгорст был назначен его начальником штаба. Король попытался устранить Гнейзенау, назначив его командующим «второй прусской армией», которая никогда не была образована. Но Гнейзенау немедленно взялся за дело, как помощник Шарнгорста, со скромным титулом «второго генерал-квартирмейстера» армии Блюхера. Так как на Шарнгорсте лежало и руководство всей огромной работой по мобилизации всех сил Пруссии, то Гнейзенау фактически взял на себя оперативное руководство прусской армией.

Шарнгорст сразу же постарался обеспечить себя сотрудничеством Клаузевица, и по его просьбе Клаузевиц был послан из прусской армии в Дрезден «для связи» в штаб Блюхера. Трижды Шарнгорст и Гнейзенау возбуждали перед прусским королем ходатайство о возвращении Клаузевица в состав прусской армии, но не получили ответа. Клаузевиц энергично помогал Шарнгорсту, фактически докладывая ему все бумаги и составляя важнейшие записки. Он чувствовал себя счастливейшим человеком.

Война против Наполеона продолжалась. Начинаясь весенняя кампания 1813 года. Холмы и поля Саксонии развернулись во всем великолепии, настроение солдат было превосходно. В ближайшее время Клаузевиц ожидал выступления Австрии. «Нас следовало бы выпороть, если бы мы в этих условиях потеряли веру в успех». Клаузевиц чувствовал себя прекрасно в обществе Шарнгорста и Гнейзенау, от

души ненавидел реакционных советников короля — Ансильона и Кнезебека, а весь поход в целом считал «идеалом земного существования». Под Люценом и Бауценом русский полковник Клаузевиц, во главе прусских эскадронов, участвует в атаках на французов.

Однако, скоро наступил конец этой весенней идиллии. После сражения под Бауценом было заключено перемирие. Обе стороны энергично развивали свои вооружения и готовились к новой кампании.

Клаузевиц, по заказу Гнейзенау, написал для армии пропагандистскую брошюру: «Кампания 1813 года вплоть до перемирия». Этот труд Клаузевица в Пруссии первоначально приписывали Гнейзенау. Клаузевиц развертывает в ней картину военных усилий Пруссии после иенской катастрофы, крушение, постигшее Наполеона в России, быструю мобилизацию 110 тысяч прусских солдат, одержанные успехи; объясняет, что сражения под Люценом и Бауценом, окончившиеся отступлением в порядке русских и пруссаков, отнюдь не являлись позорной неудачей, и указывает на перспективу победы после окончания перемирия, когда к союзникам присоединится еще Австрия.

Кто мог мечтать о таком повороте счастья еще в декабре 1812 года? Конечно, совершенство на практике недостижимо, и нужно довольствоваться только приближением к нему. Но нет больше места малодушию и отчаянию. «Товарищи, я посвящаю вам эти строки. Если ваши сердца и умы почерпнут в них удовлетворение, моя цель достигнута, хотя бы затем буря событий разбросала эти листки и не оставила от них никакого следа».

Во время перемирия Клаузевица постиг тяжелый удар: раненый в ногу под Люценом Шарнгорст от-

правился в Вену, чтобы ускорить вступление Австрии в войну, но по пути ранение осложнилось заражением крови, и в Праге 28 июня Шарнгорст скончался.

«Я не в силах даже думать о том, какая эта незаменимая потеря для армии, государства и Европы. Я теряю в этот момент самого дорогого друга моей жизни, которого мне никто не заменит и которого мне всегда будет недоставать... Ему, конечно, тяжело было расставаться с миром: у него оставалось еще такое большое количество неосуществленных дорогих ему идей, и я особенно горюю об этом... Мне очень тяжело, что меня не было в числе тех, которые оказали ему последние услуги и предали его тело земле: из тысячи людей, обязанных ему благодарностью и любовью, нет большего должника, чем я», — писал Клаузевиц Марии. — «Небольшое утешение я вижу только в том, что он умер в самый блестящий период своей жизни и что судьба заставляет теперь даже его врагов сожалеть о нем». Это сожаление, как мы увидим, было очень кратковременным.

Шарнгорста заменил Гнейзенау. Комбинация Блюхер—Гнейзенау считается образцом координации усилий командующего армией и начальника штаба армии. Понятие начальника штаба, в современном германском широком толковании, впервые зародилось в русской армии при Екатерине II. Обстоятельства рождения этого понятия не слишком почетны для русского командования. После того, как русская армия в сражении под Нарвой взбунтовалась против иностранных офицеров и главнокомандующего, герцога де-Круа, который был вынужден бежать под защиту шведских штыков, в русской армии XVIII века, особенно в период царствования Екатерины II,

было установлено определенное предпочтение «национальному» командованию. Во главе русской армии ставился обычно вельможа, иногда временщик. Так, например, в турецкой войне был назначен командующим Румянцев, побочный сын Петра I, очень светский, просвещенный человек, но никогда не тянувший строевой лямки и только поверхностно знакомый с военным искусством. Для него Екатерина не постыдилась выписать из-за границы за хорошие деньги самого толкового и просвещенного немецкого офицера, с лучшей боевой репутацией, и поставила его при нем в качестве доверенного советчика и фактического распорядителя при вельможе. В значительной степени на звание организатора румянцевских побед имеет право Баур, основатель русского генерального штаба, первый начальник штаба в новой истории.

С развитием революционных войн и усложнением военного дела старый немецкий генералитет оказался также в положении вельмож, не знающих новых требований войны, затрудняющихся в быстрой оценке новых явлений и требующих для руководства заботливых нянек, с твердой волей, кипучей энергией, поновому обученных. Только передавая фактическое руководство отборным силам более молодого поколения дряхлое немецкое командование могло противостоять тем маршалам-командирам совершенно нового облика, которых выдвинула французская революция. Командующий должен был представлять старшинство, феодальный авторитет и возглавлять молодые силы, устранять препятствия для широкого использования их мысли и энергии. Таковы в мировую войну были отношения Гинденбурга и Людендорфа.

Отношение Гнейзенау к Блюхеру было проще в том смысле, что Гнейзенау не только полностью вер-

шил все оперативные и тактические дела, но и наблюдал за достоинством поведения старого малограмотного рубаки, вознесенного партией реформы на пост мирового значения. Отношения Блюхера к Гнейзенау очень красочно выделяются в следующем эпизоде, приводимом Дельбрюком, как совершенно достоверный факт. В 1814 году, при наступлении на французской территории, Блюхер со своим штабом разместился в богатом поместье наполеоновского генерала. Управляющий имением роскошно сервировал обед штаба. У Блюхера разгорелись глаза на массивное художественной работы серебро, которым был украшен обеденный стол, и он сказал, что французские генералы, разгуливая по Германии, не стеснялись захватывать с собой ценные вещи и потому у них дома такая роскошь, а вот он, Блюхер, командует с отличием армией, но не может подать при приеме гостей такого серебра. Это, в конце концов, так возмутительно, что превосходит предел его, Блюхера, терпения. Поэтому он приказывает своему адъютанту после обеда немедленно запаковать все серебро в доме и приобщить к его вещам. Гнейзенау, слушая эту тираду, постепенно краснел, но затем вскочил: «Как не стыдно вашему превосходительству отдавать такое распоряжение!» Блюхер, получивший подобное замечание перед лицом всего штаба, заволновался: «Ну, ну, пожалуйста, не грубите вашему командующему армией; а впрочем, если вы это так близко принимаете к сердцу, пусть все серебро останется здесь, черт с ним».

Клаузевицу не пришлось остаться в составе штаба Гнейзенау, на театре, где решалась судьба Наполеона. Формирование русско-германского легиона, в списках которого числился Клаузевиц, было закончено.

Александр I отозвал Клаузевица на должность начальника штаба корпуса Вальмодена, в который, с другими контингентами, входил этот легион. Корпус Вальмодена выполнял задачу наблюдательной армии — наблюдал за сильным корпусом Даву, сосредоточившимся в Гамбурге. Эта второстепенная задача была совершенно не по сердцу Клаузевицу. «Эта армия представляется мне лягавой собакой, делающей стойку перед стаей куропаток. Если охотник не явится, куропатки могут быть спокойны. Легко может случиться, как рассказывает Мюнхгаузен *, что собака будет так долго стоять, а куропатки — сидеть, что на следующий год удастся разыскать только их скелеты друг против друга».

В то время, когда разыгрывались решительные события осенней кампании 1813 года у Дрездена и Лейпцига, Клаузевиц вынужден был «делать стойку» на Даву в Гамбурге, а в момент похода союзников в 1814 году на Париж — блокировать крепости в Голландии и Бельгии. Мысленно Клаузевиц был со своим другом Гнейзенау на главном театре военных действий.

Относительно продолжительного маневрирования перед сражением под Лейпцигом Клаузевиц писал Марии: «эта война должна закончиться, как вертящееся огненное колесо фейерверка, сильным взрывом изнутри, в течение которого в один момент сгорят все огни».

Перед вторжением во Францию Клаузевиц пишет Гнейзенау о необходимости форсирования Рейна и развития операций без какого-либо перерыва вплоть

* Барон Мюнхгаузен — литературный тип безмерного хвастуна и лгуна.

до заключения мира, до Парижа включительно. «Все, что можно было возразить против вторжения во Францию, вплоть до Парижа, звучит теперь фальшиво и не соответствует обстановке. Наши армии будут только на полпути, когда разразятся заговор в Париже, бунт во французских войсках, восстание провинций, и будет не трудно обеспечить два устоя длительного мира — самостоятельность Голландии и Швейцарии».

Таким образом, в этот решительный год войны с Наполеоном Клаузевицу фактически приходилось удовлетворяться созерцанием издалека. Он писал Гнейзенау: «часто мне приходилось дрожать за успех в целом. Не всегда я был достаточно осведомлен, чтобы следить за отдельными нитями оперативной ткани и правильно оценивать слабые места. Однако, вы знаете, что я достаточно искушен в прусской государственной мудрости и берлинских фокусах, и, конечно, не допускаете, что я мог быть обманут газетной мишурой, подобно покупателю, которому спускают выложенный, но недоброкачественный товар».

Будущее озабочивало Клаузевица. Расходы по русско-германскому легиону покрывались Англией, но состав его — эмигранты и дезертиры из войск различных немецких государств — чувствовали себя бездомными, осиротелыми детьми. Что с ними будет при заключении мира? Не захочет ли одно из возрожденных немецких государств или Голландия признать этот легион за ядро своей армии? Вопрос разрешился при заключении мира включением русско-германского легиона в прусскую армию, о чем усиленно хлопотал Гнейзенау. Автоматический переход Клаузевица из русской армии в прусскую был подтвержден королевским приказом 11 апреля 1814 года.

В течение двух лет службы России Клаузевиц, вопреки его пессимистическим оценкам, оказался далеко не мертвым грузом для русской армии. Он содействовал повышению уровня тактических и стратегических взглядов в русской армии. Вариации к его «Важнейшим принципам войны», во французском переводе, имелись и у Баркляя. Толь часто опирался в своих суждениях на меткие замечания Клаузевица. Он содействовал провалу губительного Дрисского лагеря. В штабе арьергарда ему были обязаны рядом толковых тактических указаний. Он одним из первых понял огромные выгоды широкого отступательного маневра при данном соотношении сил и гибели, угрожавшей Наполеону в конце его победного шествия. Он много поработал и как рядовой офицер. Содействуя заключению Таурогенской конвенции, он втягивал Россию в продолжение войны, которая должна была закончиться только в 1814 году взятием Парижа. Мы можем утверждать даже, что только в 1812 году Клаузевиц развернул крупную практическую деятельность. В рядах же прусских войск ему не суждено было в течение всей жизни достигнуть каких-либо осязаемых практических результатов. И весь ценнейший непосредственный боевой опыт войны с Наполеоном был впитан Клаузевицем в то время, когда он состоял на русской службе.

В короткой пятидневной кампании 1815 года против армии возвратившегося с Эльбы Наполеона Клаузевиц занимал должность начальника штаба корпуса Тильмана, одного из четырех корпусов Блюхеровской армии. Но тогда как три другие корпуса решали судьбу Наполеона на поле сражения у Ватерлоо, корпус Тильмана находился у Вавра в заслоне на второстепенном участке против французского кор-

пуса Груши. А действия на второстепенном направлении никак не подходили к характеру Клаузевица: он в них не проявлял необходимой выдержки.

На другой день после сражения у Ватерлоо, когда Клаузевиц уже знал о решительном разгроме Наполеона, Груши атаковал Тильмана у Вавра. Последний — очень посредственный генерал — отступил и впоследствии свалил ответственность за отступление на Клаузевица, будто бы посоветовавшего не ввязываться в упорное сопротивление против сильнейшего врага (18 тысяч против 33 тысяч человек), а отступить, так как с каждым шагом Груши вперед шансы полного его уничтожения нарастали. А Груши воспользовался этим отскоком, чтобы самому начать поспешное отступление, которое ему и удалось, несмотря на критическую обстановку. Таким образом, бой под Вавром представляет собой сомнительный стратегический успех.

Клаузевиц не завоевал себе славы в прусской армии. Мы будем иметь лишний случай убедиться в этом и в следующей главе.

Годы реакции (1815—1830)

Казалось бы, партия реформы, после одержанных ее вождем Гнейзенау блестящих побед в освободительной войне и повторного занятия Парижа в 1814 и 1815 годах, могла торжествовать. Но разгром французов, наоборот, позволил восторжествовать реакционерам — врагам реформы. Либералы были оттеснены. Гнейзенау и его друзья воистину могли задать себе горестный вопрос: за что мы боролись? Создание Германского союза, сохранившее раздробление Германии на ряд государств, являвшихся пережитками феодального строя, вызвало глубокое разочарование широких масс, стоявших за объединение.

Образовавшийся в 1815 году «Священный союз» смотрел с большой подозрительностью на все течения, имевшие опору в передовых кругах. Прусский реакционный генерал Кнезебек, через русского посла Пюццо-ди-Борго, пугал Александра I призраком восстания, которое готовят друзья Гнейзенау. Прусскому королю стала известна фраза царя о том, что русская армия только что спасла Пруссию от французов, а теперь может быть придется спасать ее от собственных генералов и солдат. Меттерних говорил, что ав-

стрийская армия приходит в движение и останавливается по мановению императора, но прусский король не может утверждать это относительно своих войск. Поддержка, которую оказывала Англия партии реформ, прекратилась с падением Наполеона. Веллингтон доносил своему правительству, что Пруссия является государством, у которого более серьезная болезнь, чем была у Франции, и старался скомпрометировать Гнейзенау.

«В Берлине большинство так называемого хорошего общества состоит из бывших сторонников подчинения Франции, и эти последние задают здесь тон. Мы же и прочие здесь на счету как якобинцы и революционеры. Они говорят, что уже давно разгадали, кто мы такие, и потому-то так старательно работали все время против наших планов», — писал Клаузевиц Гнейзенау в 1815 году.

Очень мягкие по отношению к Франции условия мира 1815 года, на которых настоял Александр I, обидели прусскую армию, рассчитывавшую на крупную наживу. Появились недовольные в военных мундирах, что особенно пугало прусского короля. Блюхер демонстративно подал в отставку, чтобы показать, что неудовлетворительные условия мира вытекают не из объективных причин, а из слабости прусского короля.

Назначенный командовать войсками в только что присоединенной к Пруссии Рейнской области, Гнейзенау пригласил своим начальником штаба Клаузевица. Весь состав офицеров штаба был подобран из лиц, эмигрировавших в 1812 году с Клаузевицем в Россию. Население, и в особенности либеральная буржуазия, торжественно приветствовало Гнейзенау при его поездках. Когда Гнейзенау возвращался из

Трира на барке по Мозелю в Кобленц, по обеим сторонам Мозеля высыпало приветствовать его все население; собирался без особого приказания одетый в свои мундиры ландвер. В каждой деревне, мимо которой ехал Гнейзенау, был готов почетный караул.

«Буржуазия слишком захлестывает», — заметил Клаузевиц. Королю шли донесения о «генерале-демагоге», об «иностранце на прусской службе», «об обидчике дворянства», о «вожде пронунциаменто»*, как титуловали реакционеры Гнейзенау. Королю указывали на то, что ландвер — орудие буржуазии, готовое стать горой за Гнейзенау — многочисленнее регулярной армии и безопасность государства требует особых забот по его ослаблению и численному сокращению. Было пущено в ход крылатое слово: «лагерь Валленштейна в Кобленце». Гнейзенау обвинялся в том, что он дает слишком большую свободу либералам. В 1816 году уже наступил конец беспечальной жизни Клаузевица в Кобленце: Гнейзенау был вынужден подать прошение об отставке.

Как же чувствовал себя Клаузевиц, оказавшись вновь после эмиграции в лоне прусского государства? Он мечтал о переходе на голландскую службу, когда помимо него последовал его перевод в прусскую армию. Ему пришлось еще 17 лет тянуть лямку в Пруссии, но он оставался для нее чужим человеком и ощущал себя здесь в неменьшей степени наблюдателем со стороны, устранным от действия и обреченным на созерцание, чем в 1812 году во время похода в России. От Пруссии он отделился, а понятие Германии в эту эпоху еще недостаточно материализовалось.

* Военный переворот.

В 1807 году пламенный патриотизм пленного Клаузевица вызвал замечание Сталье, что Клаузевиц — самый подлинный немец из немцев. После 1814 года едва ли можно было допустить повторение этого комплимента. Сам Клаузевиц в письме к Гнейзенау в конце 1814 года признается, что у него «поток теплой крови жизни, долженствующий восстановить связь со старой Пруссией, направляется лишь по двум-трем каналам старых знакомств и дружбы». Он перестал понимать великопрусский патриотизм Гнейзенау, стремившегося добиться гегемонии Пруссии в Германском союзе.

Гнейзенау, приведенный в отчаяние ходом Венского конгресса, на котором притязания Пруссии встретили объединенный фронт Австрии и Франции, считался с вероятностью войны Пруссии на два или даже на три фронта и составил план борьбы против коалиции. Важнейшее значение в этом плане уделялось соглашению с Наполеоном, находившимся тогда еще на острове Эльбе. Высадка Наполеона во Франции должна была поднять знамя гражданской войны и вывести из строя коалиции Бурбонов, как союзников Австрии. Самую же Австрию следовало обезвредить угрозой революции среди угнетенных ею народностей — итальянцев, поляков, чехов. Таким образом, у Пруссии развязывались руки для устройства своих дел в Германии, и оставался единственный серьезный противник — Россия.

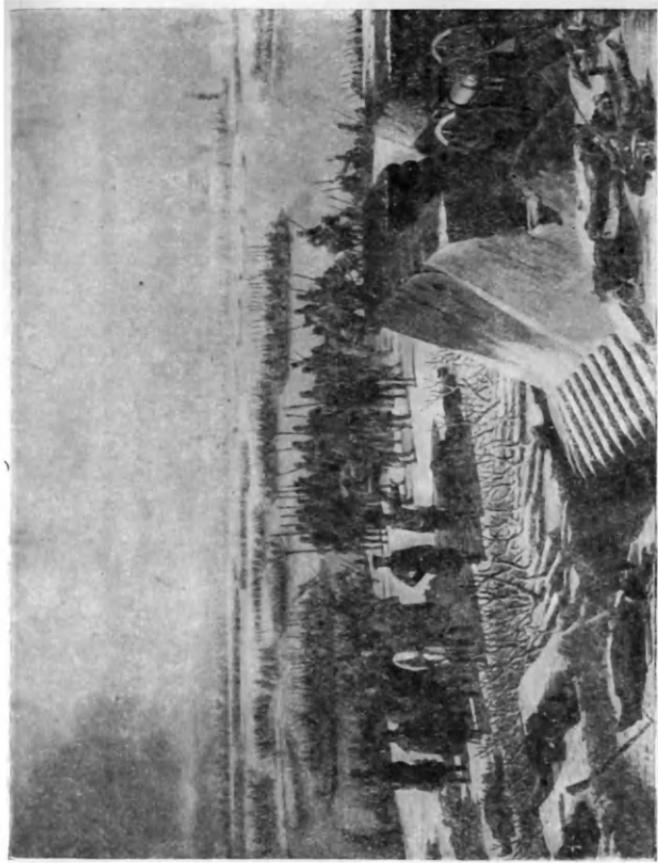
Гнейзенау запросил мнение Клаузевица об этом плане. Еще в 1811 году такая попытка коренного решения национальных вопросов в Европе вероятно пришла бы очень по сердцу Клаузевицу. Но весной 1815 года критическое положение Пруссии оставило Клаузевица безучастным, и он ответил: «предложен-

ные в последнем письме вашего превосходительства средства для человека, который не является королем Пруссии, представляются несколько слишком не космополитическими». Иными словами, стоит ли производить такой бой посуды в европейском масштабе, чтобы оттянуть в пользу прусского короля несколько провинций, к которым тянется его алчность! Возможно, что Венский конгресс действительно привел бы к потасовке среди победителей Наполеона, если бы последний, без содействия стоявшей за Гнейзенау германской буржуазии, самостоятельно не высадился во Франции и не опрокинул, как карточный домик, реставрированную монархию Бурбонов.

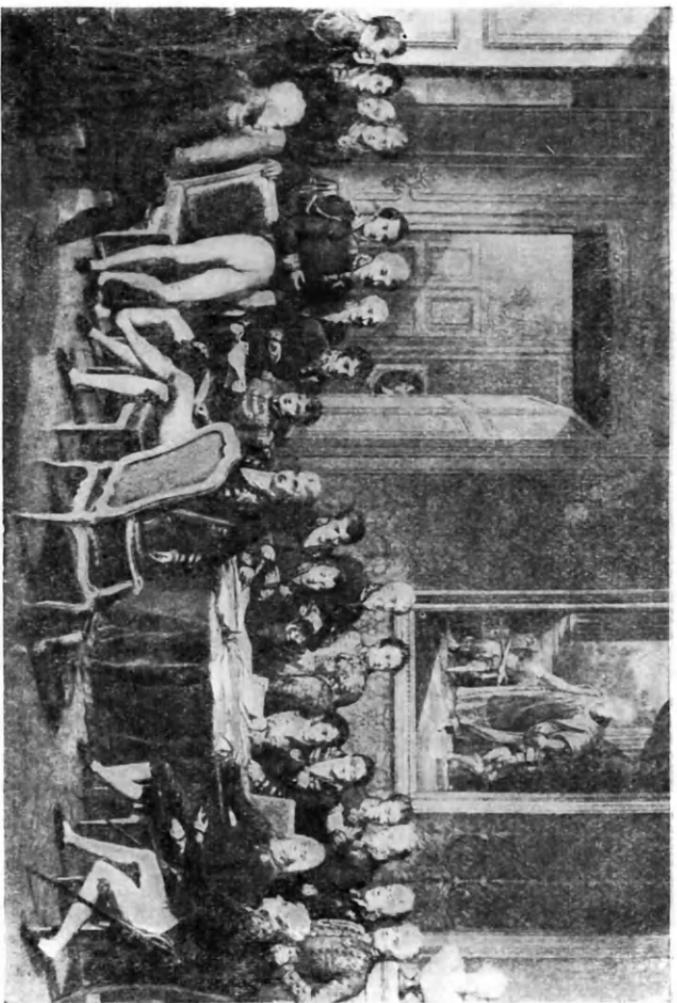
Уже в 1814 году, когда коалиция добивала военное могущество Наполеона, Клаузевиц, находясь на бельгийском, второстепенном театре, интересовался не столько ходом военных действий, сколько красотами страны и архитектурным великолепием ее построек. Победы же 1815 года поставили Клаузевица даже в оппозицию к его другу Гнейзенау, который, отражая разгул прусского шовинизма в армии, отдал приказ взорвать мост в Париже через Сену, построенный Наполеоном и названный Иенским в честь разгрома прусской армии. Первая попытка взрыва не удалась вследствие недостаточного количества пороха, а второй попытке помешало прибытие в Париж Александра I.

Клаузевиц восторгался видом долины Сены у Севра, дворцом в Компьене, но не восхищался поведением прусской армии, грабежами солдат и офицеров; не так следовало вести себя людям, которые мстят за поруганную справедливость: «Я полагал, что мы будем играть более красивую роль».

Клаузевиц чуть ли не в единственном числе отно-

Переход русской армии через Рейн под Маннгеймом 1 января 1814 года
С цветной гравюры Кунца по рисунку Кобея (Гос. музей изобразительных искусств)

Венский конгресс 1815 года
С гравюры Годфруа по картине Изабей

сится с уважением к французам. «Все обрушившиеся на французов несчастья не заставили их унижаться и лицемерить: они смотрят на нас холодно, гордо, почти не скрывая своего озлобления». «Не следует настаивать на разоружении Франции, так как это довело бы до пароксизма отчаяние народа, который взялся за оружие по тем же причинам, как и мы все, но еще с большим энтузиазмом и смелостью». Клаузевиц попрежнему не проявлял политических симпатий к Франции, что, однако, не мешало ему относиться с отвращением к оккупации французской территории. 12 июля 1815 года он писал Марии: «мое страстное желание — чтобы этот эпилог закончился скорее: мое сознание протестует против положения, в котором мы попираем сапогами других людей». И как это ни странно, с тех пор как Клаузевица оставила его страстная экзальтация по отношению к прусскому государству, он стал подавать ему несравненно более разумные советы.

В то время, как Блюхер своими преувеличенными требованиями восстанавлял против Пруссии всех ее союзников и мог только рычать на тему о «дисПотии деПлоМатиков» (мы пытаемся передать по-русски оригинальную орфографию Блюхера), Клаузевиц предупреждал против заносчивости: «мы усаживаемся между двумя стульями» — навязываем французскому народу Бурбонов и одновременно ссоримся и с ними и с народом и «не знаем сами, чего собственно хотим». Клаузевиц — против захватнических тенденций стратегии в отношениях с политикой. Возможно, что истинно-пруссские люди квалифицировали бы взгляды Клаузевица, как пораженческие, если бы последний не проявлял сдержанности.

С внешней стороны жизнь Клаузевица складыва-

лась так, что отчуждение его от прусской армии и общества все увеличивалось. В 1816 году Гнейзенау, у которого Клаузевиц был начальником штаба, был заменен долженствовавшим вытеснить его дух генералом Гаке, который приводил в отчаяние весь командный состав осмотрами казарменного расположения и мелочными придирками. Клаузевиц терпеть его не мог, ушел в свою скорлупу и повиновался, «как дрессированный пудель». Служба в Кобленце обратилась в каторгу: «я напоминаю старую почтовую клячу, впряженную в повозку штаба корпуса, да и последняя очень смахивает на почтовую карету, в которой перевозится очень много хлама, не покрывающего своей ценностью издержек перевозки».

В сентябре 1818 года дошла очередь до производства Клаузевица в генерал-майоры. Чтобы сделать удовольствие Александру I, прибывшему на два месяца на конгресс в Аахен, Клаузевиц был назначен военным комендантом конгресса и начальником аахенского гарнизона. Гнейзенау провел в это время назначение Клаузевица в Берлин начальником «всеобщей военной школы», в которой он семью годами раньше преподавал тактику.

Но Гнейзенау ошибся, полагая, что открывает Клаузевицу широкую арену действий. В этой полуакадемии Клаузевицу принадлежали лишь права администратора; учебная часть была совершенно независима от него. Ему приходилось руководить школой только в строевом и хозяйственном отношениях. Кроме того, на его обязанности лежало объявление выговоров провинившимся в чем-либо слушателям, что было для него крайне неприятно.

Клаузевиц пробыл в этой должности двенадцать лет. На первых порах он подавал записку о преобразо-

вании преподавания. По мнению Клаузевица, школа слишком напоминала военный университет. Каждый слушатель-офицер был предоставлен самому себе и мог заниматься по своему вкусу; между тем офицеры, являвшиеся слушателями, были менее подготовлены к самостоятельной работе, чем студенты университета. Поэтому Клаузевиц предлагал установить в этом образе военной академии учебный режим гимназии, организовать проверку тетрадей с записями лекций, выработать твердые программы и общий научный подход преподавания заменить профессиональным уклоном, с переносом центра тяжести на практические работы и выработку у слушателей практических навыков. Военное министерство оставило предложения Клаузевица без ответа, и он в дальнейшем руководил школой лишь чисто формально.

В армии у Клаузевица был только один друг, Гнейзенау, да и тот не у дел. Последний тщетно старался пристроить Клаузевица на пост прусского посла в Лондоне, взамен Вильгельма Гумбольдта. Клаузевиц имел также шансы получить этот пост. Для него, как и для конституционалиста Гумбольдта, это было бы почетной ссылкой. Однако, реакционеры единодушно запротестовали, узнав об инициативе Гнейзенау, которого всегда подозревали в тайных сношениях с Англией.

Клаузевиц все больше замыкался в своем одиночестве. С так называемым «обществом», представленным в Берлине преимущественно крупными чиновниками, Клаузевиц почти не поддерживал сношений: «я никогда не был врагом гражданских чиновников, но старая, я чувствую, что становлюсь им: у этих филистимлян столько тщеславия, спеси и мелочности, что есть от чего притти в отчаяние», — писал он Гнейзе-

нау в 1824 году. Клаузевиц и Мария поддерживали тесное знакомство только с очень образованной и утонченной семьей Бернсторф.

Элиза Бернсторф так описывает Клаузевица в это время: «говорил ли он по незначительному или крупному вопросу, его слушали всегда охотно. Он умел своим острым рассудком все классифицировать и привести в порядок и ясность; все затронутые им темы получали яркое освещение. Если ему не мешало настроение и какие-либо соображения, его речь текла плавно, а язык его был благороден, чист и точен; голос был сильный и приятный. Посмертное издание его сочинений показывает, что он, конечно, мог говорить исчерпывающим образом о войне и военном искусстве. Он также был очень искушен в политических вопросах, но высказывался лишь сдержанно и осторожно. Еще более сдержан он был в вопросах о своем прошлом. Если бы препятствие заключалось здесь только в благородной скромности, то друзья сумели бы его преодолеть. Однако, всякое внимание к пережитым им бедствиям обидело бы его сверхнежные чувства. Его гордость не позволяла ему говорить о превратностях, с которыми он имел дело в молодости».

Особенно угнетал Клаузевица запрет молчания, установленный реакцией по отношению к главной фигуре освободительной войны — его учителю Шарнгорсту, умершему от раны в 1813 году. Все генералы, участвовавшие в победах над Францией, были награждены. Но о семье Шарнгорста прусский король забыл. Начиная с 1817 года Клаузевиц хлопотал, стараясь втянуть и Блюхера, о том, чтобы семье Шарнгорста было оказано хоть какое-нибудь внимание, чтобы Шарнгорсту был воздвигнут хоть какой-

нибудь памятник, — но все тщетно. Реакция не хотела слышать ни слова об этом организаторе прусских побед, убравшем с пути феодальные пережитки. Клаузевиц решился начать кампанию в пользу Шарнгорста в английской печати и подготовил уже соответственную статью, но Гнейзенау посоветовал отложить эту затею.

Через посредство проезжих Клаузевиц собирал справки о могильном холмике Шарнгорста на пражском кладбище, которому угрожало разрушение, поддерживал его и, наконец, сам организовал перенесение праха Шарнгорста на берлинское гарнизонное кладбище. На приглашения Клаузевица притти на похороны праха Шарнгорста откликнулся один Бойен, остальные извинились, не желая себя компрометировать. Кроме нескольких родственников и обслуживавших кладбище инвалидов, Клаузевицу удалось заманить отдать последнюю почеть творцу новой прусской армии только нескольких офицеров батальона, случайно производивших учение рядом с кладбищем. Мария возложила на гроб единственный венок из лавров... Официальное неуважение к Шарнгорсту произвело на Клаузевица такое впечатление, как будто Пруссия того времени оплевала его самого.

Если в России Клаузевиц чувствовал себя глухонемым физически, то в холодно-враждебной Пруссии Клаузевиц чувствовал себя глухонемым морально, вследствие полного отчуждения от своих соотечественников. Клаузевица окружали чужие, презираемые им люди; его не связывала с ними даже цель борьбы с общим врагом, которая связывала Клаузевица с русской армией в 1812 году, и Клаузевиц скрывался от жизни в свой кабинет и углублялся в созерцание наполеоновских войн. Мария сторожила его покой,

помогала ему и стремилась найти утешение в теоретическом реванше над жизненными разочарованиями. Если реакционная Пруссия едва терпела Клаузевица, то и Клаузевиц мог выносить ее, лишь замкнувшись в своем кабинете.

Мария приложила все усилия к тому, чтобы он нашел утешение от своих неудач в научном труде, в тиши своего кабинета. Она явилась единственной свидетельницей составления его классического труда о войне. Английская ориентация и националистическая экзальтация отпали, и мощное мышление Клаузевица выступило во всей своей силе. Влияние Марии, с которой Клаузевиц обсуждал многие вопросы, оставило и здесь крупные следы. В капитальном труде Клаузевица мы встречаем гетевские стиль и понятия, например, «манера», для обозначения глубокоиндивидуального в отличие от общечеловеческого стиля, гетевские сравнения, гетевский реализм, гетевское понимание единства и опасливое отношение к абстрактной философии, к которой он все же чувствовал сильное влечение.

Гете повторял за греками, что людей сбивают с толка не события, а догма о событиях. «Трудно поверить, сколько мертвого и мертвящего в науках, пока серьезно и с увлечением не погрузишься в них». «Индукция полезна только тому, кто хочет заговорить другого. согласишься с двумя-тремя положениями, с несколькими выводами, и вот уже погиб». «Не хорошо слишком долго задерживаться в области абстрактного». «Никогда не будет излишним воздержаться от чрезмерно поспешных выводов, сделанных из опыта». Эти мысли Гете являлись как бы руководящими для Клаузевица и повторяются им в различных оттенках.

Совершенно в стиле Гете звучат следующие мысли Клаузевица из предисловия к его классическому труду. «Я никогда не уклонялся от философских заключений, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, я предпочитал обрывать ее и снова прикреплять к соответствующим явлениям реального порядка. Подобно тому, как некоторые растения приносят плоды лишь при том условии, если они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве — реальному опыту».

Однако, в жизни Клаузевица не было периода увлечения Гете, в то время как Мария Брюль была известна как страстная поклонница и большой знаток произведений Гете. Имеются все данные предполагать, что в художественном налете гетевских настроений и понятий на многих страницах капитального труда Клаузевица скрывается влияние Марии.

В этом кабинетном затворничестве прошло двенадцать долгих лет. Клаузевиц не считал себя достаточно подготовленным к тому, чтобы сразу взяться за работу над теорией военного искусства. Нужно было предварительно проработать огромный военно-исторический материал, систематически просмотреть своей вполне уже созревшей мыслью опыт важнейших войн, накопить ряд заключений из жизни и только затем приступить к увязке их в одну теорию.

Клаузевиц уже в молодости проработал походы Густава-Адольфа в Тридцатилетней войне; теперь он дал стратегическое освещение походам Тюренна, Люксембурга, Яна Собеского, Миниха, Фридриха Великого, Фердинанда Брауншвейгского и перешел к изучению войн эпохи Наполеона, на которых он остано-

вился несравненно подробнее: кампания 1796 года в Италии, 1799 года — походы Суворова в Италии и Швейцарии, кампания 1806 года в Пруссии, поход в Россию в 1812 году, война за освобождение Германии в 1813—1815 годах.

Клаузевиц не собирался издавать трудов, относящихся к большей части этих войн; тем не менее, свою работу по каждой войне Клаузевиц облакал в литературную форму. Эту подготовительную часть работы Клаузевица можно сравнить с работой студента-медика, заседавшего в анатомическом театре и препарировавшего трупы. Объем этой работы можно оценить по итогу — около 1700 страниц убористой печати. Большая часть этих военно-исторических трудов составляет содержание семи последних томов посмертного издания.

Центр тяжести этих работ, ныне почти полностью напечатанных, лежал в исследовании опыта наполеоновских походов. Клаузевиц, конечно, не мог опираться в своих исследованиях на систематическое изучение архивных документов или на документально обоснованную историю этих войн, так как первые архивные данные по наполеоновским войнам начали появляться в печати только через три десятилетия после смерти Клаузевица. Материал, находившийся в руках Клаузевица, был очень несовершенен и фиксировал только даты занятия различных пунктов и численные соотношения с примесью различных, чрезвычайно субъективных оценок, как это бывает всегда в книгах, написанных по горячим следам событий.

Милютин, русский военный историк и впоследствии военный министр, работая над суворовским походом в Италию и Швейцарию по русским архивам, мог найти немалое количество небольших ошибок в труде

на эту тему Клаузевица; то же можно сказать о Камоне, французском писателе, сравнившем уровень наших современных исторических знаний о походах Наполеона с данными Клаузевица. Однако, все же в правдивости окончательных выводов изложение Клаузевица может поспорить с Милютиным и Камоном и далеко превосходит их по глубине и цельности.

В военно-исторической работе Клаузевиц различает три момента: установление фактов, раскрытие причинной связи хода событий, критику примененных для достижения цели средств. Первые два момента представляют элементы обычной научной работы историка, третий момент — это задача не столько историка, сколько военного критика. И по качеству материалов, имевшихся в распоряжении Клаузевица, и по его характеру, и по цели, которую он ставил себе, он в очень слабой мере задерживался на первых моментах работы историка и сосредоточивал все свое внимание на третьем — на критике планов кампаний и сражений, на рассмотрении других возможных планов для достижения цели, на способах устранения невыгод обстановки и использования представляемых ею плюсов, на риске, шансах и последствиях отдельных мероприятий.

Существуют два метода военно-исторической работы: первый, более пассивный, заключается в том, чтобы следовать шаг за шагом за событиями, наблюдать постепенный переход одних форм в другие и отмечать мелкие детали медленного роста и становления новых условий.

Второй метод заключается в пропуске ряда промежуточных звеньев исторического развития и в сосредоточении всего внимания на решительных пунктах и драматических моментах, когда сталкиваются

Противоположные тенденции развития, всё напряжение достигают наибольшей силы и создается кризис.

Клаузевиц являлся талантливым представителем этого второго метода, требующего большой творческой силы мышления, глубокого проникновения в динамику событий, отбрасывающего все схемы и выдвигающего своеобразие данного конкретного явления. Собственно история у Клаузевица обращается лишь в материал, на основе которого развивается философское обсуждение интересовавших его проблем. Метод Клаузевица переносит центр тяжести исторического труда на критику «использованных средств».

В дальнейшем метод Клаузевица продолжил известный начальник прусского генерального штаба Шлиффен в известном труде «Канны», и значительное отражение он получил в трудах Фрейтага фон-Лорингофена и руководимого им военно-исторического отделения прусского большого генерального штаба. Напротив того, русский, французский и австрийский генеральные штабы не выходили за первую ступень и предпочитали опасностям драматизированного и заостренного изложения, легко могущего соскользнуть на тенденциозность, спокойное и плавное повествование о минувшем.

Военно-исторические труды Клаузевица втрое превосходят по объему его капитальный труд о войне, достигающий 600 страниц; однако, большая часть последних двенадцати лет научной работы Клаузевица была посвящена капитальному теоретическому труду. Рассмотрение последнего мы переносим в следующую главу.

Клаузевиц отказывался от всякого участия в военно-научных дискуссиях. Выступления по частным вопросам представлялись ему бесцельными, они открыва-

ли его от работы над капитальным трудом, который должен был под одним углом зрения охватить все вопросы стратегии.

Лишь однажды, насколько нам известно, Клаузевиц отказался от своей сдержанности. В 1827 году Мюфлинг, тупица, заменивший Грольмана на посту начальника прусского генерального штаба, дал своим сотрудникам стратегическую задачу на тему войны Пруссии против Австрии в союзе с Саксонией. Никаких политических данных о том, что эта за война, из-за чего она произошла, какие цели преследуют стороны, в задании не значилось. Один из получивших эту задачу, майор фон-Редер, ввиду известности Клаузевица как стратега, переслал ему два решения этой задачи — свое и другого лица, крупного работника генерального штаба, и просил Клаузевица дать критику этих решений. Клаузевиц выполнил эту просьбу в двух письмах, в которых изложил в заостренной форме основы своего учения.

Крупный стратегический план, — указывал Клаузевиц, — имеет преимущественно политический характер; решение стратегических задач при отсутствии политических данных — вредное занятие. Если Австрия преследует цель сокрушить Пруссию, она двинет свою армию через Саксонию на Берлин, если же война вызвана более мелкими причинами и преследует ограниченные цели, то направление австрийского удара последует на Силезию, чтобы захватить и удержать эту провинцию. Война не является чем-либо самодевулюющим, а представляет собой только инструмент в руках политики. В одном случае для Пруссии самым опасным будет направление на Берлин, в другом — на Силезию, так как в этих последних обстоятельствах обещает успех только умеренный план. Задача

слишком несовершенна, чтобы возможно было найти для нее решение. Поэтому Клаузевиц направил острие критики не столько на самое решение, сколько на форму приведенных в его пользу доказательств.

«Я ненавижу эту терминологию, с помощью которой стремятся подвести частный случай под какие-то общие и необходимые нормы. Стратеги употребляют эти термины, как будто они представляют алгебраические формулы, непреложность которых доказана, и которые приводятся для краткости вместо изначальной истины. Однако, эти термины... представляют собой туманные и шаткие выражения, об истинном смысле коих надо еще расспросить. Таковы они не случайно... изобретающие их лица находят вполне естественным предоставить им известный разлет».

Клаузевиц являлся до такой степени врагом этой темной терминологии (свобода действий армии, ключ страны, командующая местность и пр.), что самое слово «стратег», которое Клаузевиц применял по адресу лиц, злоупотреблявших терминологией, получило в его устах обидное значение, близкое к понятию шарлатана. Ближайшие за Клаузевицем поколения писателей даже опасались ставить слово «стратегия» в заглавиях своих трудов.

Самое интересное в этих письмах — это указание на двойственный облик войны (сокрушение и ограниченная цель) в зависимости от политической обстановки и цели, откуда вытекает необходимость подходить к оценке обстановки на войне с совершенно различными мерками. Под таким углом зрения Клаузевиц собирался, но не успел, переработать весь свой труд по стратегии. Клаузевиц выдвигает также оборону, как не только логический исходный пункт стратегии, но и как форму, с которой стратегическая мысль

должна начинать свою работу на практике. Даже при наступлении, первое, из чего необходимо исходить, это — прикрытие сбора сил, т. е. оборона*.

В политических взглядах Клаузевица, отраженных за годы реакции в многочисленных записках, можно усмотреть значительные шатания и регресс, который становится особенно заметным в 1830 году, в момент революции во Франции, Бельгии и Польше. Эти политические колебания Клаузевица заключались в том, что при несомненном наличии у него отхода от передовых политических взглядов и боязни революции он все же чувствовал, что героическая пора его жизни тесно связана с работой Шарнгорста и либеральными реформами, которым угрожала опасность быть смытыми крайней реакцией. Либерализм, по его мнению, это — расширение базиса социальной жизни, необходимое условие могущества государства, предпосылка развертывания и объединения всех сил, имеющих в стране. Клаузевиц признает, что французская революция создала много хорошего. Конечно, абсолютное совершенство недостижимо. Но ряд революционных нововведений со временем стал совершенно необходимым, и никакой политический Архимед не сможет вернуть общество к состоянию, в котором оно находилось до 1789 года. Лишь бы реакционеры не поломали государственной машины, стараясь вернуть ее в прежнее положение. «Возвращение наших скверных старых порядков — частично или полностью — вот преследующая меня навязчивая идея (*bête noire*)», — писал Клаузевиц Гнейзенау 7 ноября 1819 года.

Решительный бой между силами старой и новой

* Эти краткие интересные письма изданы в русском переводе: Клаузевиц. Основы стратегического решения. Москва, 1924 г. Перевод под редакцией А. Свечина.

Пруссии, с поражением последних, был дан в конце 1819 года по вопросу о ландвере. Талантливейшие ученики Шарнгорста — начальник генерального штаба Грольман и военный министр Бойен — были вынуждены подать в отставку. Точка зрения реакции была высказана министром полиции Витгенштейном: «вооружать народ — это значит организовывать сопротивление авторитету власти, разорять финансы, даже наносить удар христианским принципам Священного союза». Командир гвардейского корпуса, герцог Мекленбургский, полагал, что «лучше ослабить Пруссию, чем старый режим». Тупой прусский король Фридрих-Вильгельм III называл ландвер «поэтической идеей», «химерой». А мы уже знаем по опыту докладов Гнейзенау в 1811 году, что «поэзия» в устах этого жалкого Гогенцоллерна являлась самой язвительной отрицательной оценкой.

С другой стороны, вождь свободомышлящих южной Германии, профессор Фрейбургского университета Карл Роттек, выступил с трудом, превозносившим заслуги ландвера в 1813 году. Постоянная армия — это только забава для монархов и актеры для парадов. Роттек выдвинул требование добиваться полной замены регулярных войск ландвером (народной милицией), державшееся целое столетие в программах всех демократических партий.

Если Клаузевиц в этом решительном столкновении с силами реакции высказывал весьма умеренные взгляды и держался не так пылко, как его бывшие единомышленники по кружку реформы, всё же он не изменил им. Хотя Клаузевиц печально замечает, что канцлер Гарденберг очень постарел и стал податлив реакционерам, но все же 17 декабря 1819 года пересылает ему через Гнейзенау докладную записку

(мемуар) о ландвере. Чтобы правильно оценить политическую позицию этого мемуара, следует помнить, что он был написан в период строжайших репрессий против студенчества после убийства Коцебу, информатора Александра I. В это время прусский король награждал орденами фальсификатора истории Шмальца, говорившего, что в 1813 году прусский народ стал вооружаться, движимый исключительно верно-подданическими чувствами, и епископа Эйлера, который оправдывал прусского короля, нарушившего свое обещание ввести конституцию, данное в момент, когда предстояла новая борьба с внезапно вынырнувшим с острова Эльбы Наполеоном: «Король поступил, как мудрый отец, который, тронутый любовью своих детей, в день своего рождения или выздоровления идет на встречу их пожеланиям, но затем спокойно их переиначивает».

Записка Клаузевица гласит: конечно, предоставляя гражданскому населению организовать по-военному, обзавестись офицерами и арсеналами, мы тем самым даем народу значительную мощь, которой он может и злоупотребить. Как раз теперь носится бунтарское поветрие, и в случае открытого выступления будет не легко, исчерпав все средства убеждения, с оружием в руках заставить бунтовщиков разойтись по домам. И все же необходимо сохранить ландвер. Истинным оплотом правительства является не разоружение народа, но честная и мудрая политика, которая будет поддерживать преданность династии как в регулярной армии, так и в ландвере и народе. Пусть правительство соберет около себя представителей нации, которые явятся опорой и друзьями трона, подобно тому, как английский парламент является союзником королевской власти. Опираясь на это собрание, правитель-

ство сможет оказать энергичный отпор смутьянам, если таковые явились бы. С другой стороны, какие выгоды даст упразднение ландвера? Абсолютно никаких; оно нисколько не помешает революционным идеям охватить регулярную армию. Это уже имело место во Франции в 1789 году, когда королевская армия, под дуновением революции, растаяла и исчезла, как исчезает весной снег. При этом упразднение ландвера из страха перед ним приведет к потере доверия, имеющегося в народе по отношению к правительству. Наконец, без ландвера Пруссия, окруженная завистниками и врагами, окажется открытой иностранному нашествию. За свой страх перед мечом Пруссия погибнет от меча же. В Пруссии сейчас военное напряжение доведено до крайности, это необходимость, не оставляющая никакого выбора. Существование Пруссии требует мощного воинского духа и реальных сил. «Многие хотели бы теперь изгладить всякое воспоминание о реформах и вернуться к армии 1806 года. Но пусть они поставят этот вопрос перед своей совестью. Они почувствуют, в какой мере было бы преступно и легкомысленно уничтожить новую военную систему, выносившую в 1813, 1814 и 1815 гг. славные судьбы Пруссии, как боевая колесница, в которой скачет богиня победы».

Как легко может усмотреть читатель, в весьма умеренных взглядах Клаузевица, конституционного монархиста, политические и военные вопросы тесно связывались, и защищая ландвер, Клаузевиц требовал и конституции. Новую прусскую армию, созданную на основе всеобщей воинской повинности, Клаузевиц действительно ставил гораздо выше старой. Еще в мае 1815 года он писал Марии: «какая сила, жизнерадостность и юность в нашей теперешней армии, и

какой горестной и жалкой являлась пережившая себя старая армия». Спор о ландвере, как известно, был решен королем полумерой: ландвер был сохранен на бумаге, но обескровлен и умален.

В последние годы жизни Клаузевиц трижды разрабатывал план войны Священного союза с революционной Францией *. Эти планы впоследствии легли в основу планов Мольтке для борьбы с Францией и представляют значительный исторический интерес. Составление первого плана относится к 1828 году. Клаузевиц стоит на точке зрения постановлений Аахенского соглашения 1818 года Англии, Пруссии, Австрии и России об одновременном выступлении сил коалиции в случае рецидива революции во Франции. Этот план включен в капитальный труд (конец 8-й части), как пример плана войны, рассчитанного на сокрушение противника.

Союзники, даже без России, могли бы выставить 750 тысяч войск, количество, настолько превосходящее силы Франции, что для нанесения решительного удара нет надобности привлекать русскую армию. Центр тяжести французского государства заключается в его вооруженных силах и Париже. Отсюда конечная военная цель коалиции — разбить в одном или нескольких генеральных сражениях французскую армию, отбросить ее за Луару и захватить Париж.

Этой программы и держался Мольтке в 1870 году. Существенное отличие от Мольтке заключалось в том, что последний вел войну объединенными силами Германии, а Клаузевиц считался с двумя основными го-

* Эту же тему осветил Энгельс в труде «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 году» (собрание сочинений, т. VIII). Оценка Энгельса относится к другому периоду, но расчеты частично совпадают.

сударствами коалиции — Пруссией и Австрией, соподчинения армий которых едва ли можно было добиться. Поэтому Клаузевиц намечает, чтобы прусская армия наступала из Бельгии на Париж, а австрийская — с верхнего Рейна на Париж или Орлеан. Остальные контингенты распределяются по этим двум основным направлениям. Особенно надо воздерживаться от вторжения во Францию с ее итальянской границы: завоевать Францию со стороны Роны — это значит пытаться поднять ружье за кончик штыка. Клаузевиц не боится поражения отдельно наступающих обеих сильных армий.

Второй план войны был набросан в августе 1830 года. В июле во Франции произошла революция, казалось делавшая войну с Францией неизбежной. Революционное движение еще не перекинулось за границы Франции, и приведенный выше план действий четырех государств, участников Аахенского конгресса, казалось, мог быть осуществим. Однако, Клаузевиц становится осторожнее и предлагает развертывание австрийской группы перенести с верхнего на средний Рейн, сблизив таким образом ее с прусской группой. Последнюю, вследствие трудности добиться единства командования, придется разделить на две части — англо-голландскую армию и прусскую армию. Таким образом, Франция будет атакована на всем пространстве от моря до Вогезов тремя крупными самостоятельными армиями. Наступление захватит в ширину меньшую часть французской территории, что представляет известную выгоду, ибо меньшая часть французского населения будет вовлекаться в борьбу.

Весьма возможно, что крупные силы французов захватят инициативу, и союзникам придется начать войну с обороны. Последняя должна быть организо-

вана особенно прочно на бельгийском и итальянском фронтах, так как французы могут рассчитывать на революционные настроения бельгийцев и итальянцев. При больших силах коалиции между морем и Вогезами можно твердо рассчитывать, что французы не поведут наступления из Эльзаса через верхний Рейн в южную Германию и Австрию. Но в этом не легко будет убедить австрийцев. Как известно, положение о невозможности для Франции предпринять какие-либо действия через верхний Рейн, при развертывании в Лотарингии или Бельгии крупных сил пруссаков, явилось с тех пор основой всех планов Мольтке-старшего, Шлиффена и Мольтке-младшего. Этот урок Клаузевица запоминался очень хорошо. Оборона должна заключаться не в занятии растянутого расположения, а в сосредоточении крупных сил в важных пунктах, в полной готовности к нанесению встречного удара.

Этот план был представлен через Гнейзенау в конце октября. Но затем обстановка резко изменилась: в 1830 году Бельгия оказалась охваченной революцией и провозгласила свою независимость от Голландии; польское восстание (ноябрь) связало руки России; сильные волнения в Италии исключали возможность содействия Австрии; смена кабинета в Англии в результате успеха либералов также выводила ее из состава коалиции.

Эти события в корне меняли обстановку, и Клаузевиц в конце 1830 года предложил новый план, дополненный в феврале 1831 года. В новых условиях для борьбы против Франции и Бельгии оставалась только Пруссия с немногими малыми немецкими государствами и Голландией. Клаузевиц в этой обстановке признает абсолютно непосильным задаваться

целью сокрушения Франции. Наступление на Париж не имеет никаких шансов на успех. Особенно невыгодным является наступление через Лотарингию, которое не решает задачи прикрытия прусской границы со стороны Бельгии.

Предложение Клаузевица сводится к тому, чтобы организовать оборону на фронте южной Германии и ограничиться коротким наступлением для захвата Бельгии.

При этом наступлении можно будет рассчитывать на расслоение в рядах бельгийского народа, в котором еще существует свергнутая революцией партия оранжистов, а также на помощь Голландии и, возможно, Англии. Бельгия явится причиной, целью и ставкой в этой войне. Удержание Бельгии представляет большие удобства, так как не расширяет фронта, который должна оборонять Пруссия, и является ценным залогом для ведения мирных переговоров. Раз удобный момент в августе 1830 года для войны на сокрушение Франции оказался упущенным, надо теперь удовольствоваться постановкой ограниченной цели.

Этот третий план Клаузевица свидетельствует об учете политической обстановки и об отсутствии догматизации им наполеоновских приемов сокрушения как пригодного во всех случаях рецепта ведения войны и вместе с тем характеризует, как и первые два, его политику борьбы с революцией.

Из своего затворничества Клаузевиц вышел за год до смерти, в августе 1830 года. Июльская революция во Франции, крайне обострившая положение во всей Европе, заставила прусского короля подумать о том, кому вверить командование прусскими войсками в случае войны против Франции или близкой к вос-

станию Польши. Реакционные генералы не имели никакого авторитета и были явно непригодны. Способности и авторитет были у отброшенных в оппозицию генералов — Гнейзенау и Грольмана. Грольман был моложе и очень талантлив, но Гнейзенау был более сговорчивым, и имя его звучало более громко в широких массах. Выбор остановился на Гнейзенау. Последний не мог обойтись без Клаузевица в роли начальника штаба.

В августе 1830 года Клаузевиц был назначен начальником 2-й артиллерийской инспекции в Бреславль; около Бреслава жил в своем имении Гнейзенау, и Клаузевицу было поручено уговорить его согласиться командовать прусской армией против Франции, если развитие революции приведет к войне. Клаузевиц это поручение выполнил, и зиму 1830—1831 года провел с Гнейзенау в Берлине, где происходили совещания с военным министром, известным нам уже по Кобленцу фон-Гаке и начальником генерального штаба Краузенком. Это новое назначение Клаузевица и объясняет составление им второго и третьего планов войны с Францией, приведенных выше.

Между тем обстановка изменилась: жгучая опасность стала грозить Пруссии не со стороны Франции, а со стороны Польши. В феврале 1831 года русская армия под командованием Дибича была отражена поляками вблизи Варшавы, под Гроховым. При конечном успехе поляков можно было ожидать восстания и в польских землях, вошедших в состав Пруссии: польское население было взволновано в крайней степени; при успехе же русских войск, которые перешли в новое наступление севернее Варшавы, польская армия, возможно, отошла бы на прусскую территорию

и попыталась пробиться через Богемию во Францию. В виду этого Гнейзенау в начале мая 1831 года отправился в Познань для командования прусской наблюдательной армией на польской границе; Клаузевиц поехал с ним как начальник штаба.

Созерцательная жизнь Клаузевица была таким образом прервана; положение его как человека, чуждого прусскому государству, начинало сглаживаться, но Клаузевиц был уже на пороге смерти и к своей теоретической работе больше не приступал: уезжая в Бреславль в августе 1830 года, он запечатал свои рукописи в конверты и больше их не раскрывал. Гнейзенау было семьдесят лет; штаб считал его еще молодым, но Клаузевиц расценивал его как старика, лишенного твердости и пыла,—качеств, которыми он был полон в годы освободительной войны.

И для самого Клаузевица годы кабинетного сидения не прошли даром. Ему приходилось часто ремонтировать свое здоровье на курортах. Уже в 1822 году у него был легкий удар, после которого он некоторое время плохо владел правой рукой.

Новый возврат к деятельности, случайно бросивший Клаузевица на ведущий пост по борьбе с европейской революцией, ни в какой мере не прельщал его. Он писал 28 мая Марии: «хорошие дни нашей жизни уже миновали. Высшим благом в моих глазах было бы удалиться с тобой далеко от людей. Мне совсем не нравится ни занимаемое мной положение, ни стоящие передо мной задачи. Я напускаю часто на себя веселость и заставляю себя довольствоваться мелкими развлечениями, чтобы найти в себе силы продолжать работу, но в глубине сердца меня одолевает великая печаль».

В письме 9 июня значится: «единственным утеше-

нием для нас является то, что нам недолго осталось жить и что у нас нет детей».

Еще характернее письмо от 29 июля, полное отчаяния: «если я умру, дорогая Мария, то это ведь входит в мою профессию. Не печалься очень о жизни, которая много дать больше не в состоянии. Всюду торжествует глупость, и ни один человек не в состоянии противостоять ей, точно так же, как холере. Когда умираешь от холеры, по крайней мере не страдаешь так, как когда умираешь под натиском человеческой глупости. Я не могу тебе выразить, с каким презрением к человеческим суждениям я уйду из этого мира. Меня глубоко огорчает, что я не мог достаточно обеспечить тебя. Но моей вины в этом нет. Дорогой ангел, благодарю тебя за помощь, которую ты мне оказала в жизни».

Между тем, внешняя жизнь Клаузевица в Познани не давала, казалось, никаких оснований для такого отчаяния. Гнейзенау попрежнему являлся близким другом Клаузевица, был бодр, шутил, заставляя окружающих смеяться до упаду, давал во время обеда жесткие уроки молодым сотрудникам штаба, позволявшим себе неблагоприятные ухаживания за женами товарищей.

Один из помощников Клаузевица, начальник разведывательного отделения, Брандт, не чувствовавший особых симпатий к своему начальнику, подчеркивает, что Клаузевиц проявлял большое недоверие к маневрам русской армии против поляков и был склонен преувеличивать мощь и перспективы революционного движения. Но Брандт признает, что ему приходилось поражаться, когда Клаузевиц обсуждал его доклад о польских и русских войсках: он делал широкие выводы из сообщений об отдельных передвижениях,

прикидывал быстроту совершения маршей и точно предсказывал пункты, у которых должны были состояться решительные столкновения.

«То, что впоследствии историки смогли восстановить только путем кропотливой работы, а военные писатели после длительного изучения выдвигали как квинтэссенцию военных знаний, генерал Клаузевиц соображал в одно мгновение. Судьба не позволила раскрыть ему свои таланты в большой войне, но я твердо убежден, что как стратег он добился бы исключительных результатов. На поле сражения он был бы менее уместен. У него не было таланта воодушевлять войска. Это являлось не только следствием застенчивости и смущения, но и отсутствия привычки командовать войсками. Наблюдая его с войсками, легко было заметить, что он чувствует себя не совсем ловко, и что это ощущение исчезает у него, как только он удаляется от войск».

24 августа, к полудню, Гнейзенау почувствовал себя плохо и вынужден был слечь: он заболел холерой. Целый день Клаузевиц самоотверженно ухаживал за своим единственным другом, а к ночи Гнейзенау умер. Это был тяжелый удар для Клаузевица, но и помимо этого его тревожила мысль, как отнесутся к смерти этого героя освободительной войны прусский король и «прусское отечество». Они стали уже на добрую половину чуждыми Клаузевицу, повернувшись спиной к Шарнгорсту после его смерти, отказавшись принять какое-либо участие в его семье и похоронах. Неужели это повторится и по отношению к Гнейзенау, также умершему на своем посту? Клаузевиц знал, что прусский король его самого терпеть не может. Теперь окончательно выяснится, чего ждать.

Гнейзенау после победы над Наполеоном, как и другие прусские генералы, был награжден имением в Пруссии, отобранным у французского маршала. Но Гнейзенау было подсунуто спорное имение, судебное дело о котором тянулось около 8 лет, после чего только Гнейзенау мог вступить во владение им. Гнейзенау за эти годы был произведен в фельдмаршалы, но с сохранением содержания по предыдущему чину. Гнейзенау был назначен на почетный пост коменданта Берлина, но без уплаты ему содержания по этой должности. Кронпринц подсчитал, что прусское государство сэкономило на Гнейзенау за 15 лет 200 тысяч талеров. Гнейзенау знал, что почта имеет приказ — перлюстрировать всю его корреспонденцию. Он состоял в государственном совете, и когда был внесен закон об организации тайной полиции, произнес речь о деморализующем влиянии этого учреждения и тщетно предлагал провалить этот закон. Но с назначением его командующим армией старые счета могли быть и забыты. Впрочем, Клаузевиц предсказывал своим сотрудникам по штабу, что «в Берлине быстро утешатся после смерти фельдмаршала, так как не могут простить ему роли, которую он играл в 1812 году в Англии».

Клаузевиц сам выбрал место для могилы Гнейзенау на бастионе Познанской крепости, среди пушек и брустверов — лучшее место для такого подлинного солдата, каким был Гнейзенау, и донося королю о смерти командующего армией, пересчитывал его заслуги и выдвигал благородство его сердца. Он рассчитывал, что смерть Гнейзенау все же будет отмечена в королевском приказе, что семье его будет оказано какое-нибудь участие.

Тщетно! Правительственная газета ограничилась

тем, что перепечатала заметку о смерти Гнейзенау из Познанской газеты, а король и официальная Пруссия не выразили ни слова сожаления. Клаузевиц почувствовал это как несмыслимое личное оскорбление, совершенно отрывавшее его от прусского государства: «король не только остался до конца враждебен Гнейзенау, но даже не дал себе труда скрывать свои чувства; никогда в жизни я не примирюсь с этим, это — гора на моем пути, которую мне не перейти» (письмо к Марии от 5 сентября). А к чему, действительно, прусскому королю было расшаркиваться перед памятью Гнейзенау? Русская армия победоносно надвигалась на Варшаву, начинался отлив революции, Европа успокаивалась, надобности в крупных людях больше не было. Зачем смущать торжество реакции памятью сомнительного человека, носившего королевский мундир, но служившего — по крайней мере в его лучшие годы — другой идее?

Клаузевиц, после поражения поляков, вернулся в Бреславль, подавленный печалью, и 16 ноября 1831 года скончался от холеры. За два дня до него, 14 ноября, тоже от холеры, скончался его знаменитый современник, столь родственный ему по мысли, философ Гегель.

Эпоха Гегеля и Клаузевица — эпоха классического немецкого идеализма — закончилась. Ни Клаузевиц, ни Гегель уже не были в состоянии понять и охватить июльскую революцию 1830 года. Она прозвучала как погребальный марш диалектическому идеализму, скатившемуся к признанию «исторической миссии» прусской монархии.

О последнем часе Клаузевица Мария писала своей подруге Элизе Бернсторф: «наибольшим утешением для меня является то, что хоть последние его мгно-

вения прошли спокойно и безболезненно, и все же было что-то раздражающее душу в тоне и выражении, когда он испускал последний вздох — как будто он отталкивал от себя жизнь, как тяжелое бремя. Скоро затем его черты стали совершенно спокойными и дружественными. Но часом позднее, когда я видела его в последний раз, они снова отражали глубочайшее страдание. И действительно, жизнь для него являлась почти непрерывной цепью неприятностей, страданий, обид... Он пользовался исключительной дружбой благороднейших людей своего времени, но ему не суждено было получить такого признания, которое давало бы ему возможность стать действительно полезным своему отечеству. И сколько ему пришлось переболеть за своих друзей! Сколько забот он делил с Шарнгорстом, какую печаль доставила ему его смерть, и каким тяжелым огорчением для него являлось отсутствие малейшего внимания к его детям. И сейчас у него было разбито сердце той холодностью и неуважением, с которыми король отнесся к памяти дорогого фельдмаршала. Это была тягчайшая обида; он ее переживал в Познани и не смог вынести. Может быть, он принимал все это гораздо трагичнее и ближе к сердцу, чем обычно принято, так как нервность его уже была повышена... Я едва смею жаловаться, что мой любимый друг — все счастье моей жизни — отнят у меня так рано: он чувствовал слишком глубоко, был слишком нежным и обидчивым для этого несовершенного мира, где его ожидали может быть еще большие страдания».

Клаузевиц был похоронен на старом военном кладбище в Бреславле, которое через 5 лет приютило и его верную спутницу жизни — Марию.

Оторванность Клаузевица в эти годы позволяет нам

утверждать, что разрыв его с официальной Пруссией при эмиграции в Россию в 1812 году оказался непоправимым. Годы, в течение которых Клаузевиц писал свой великий труд, он провел в прусском обществе лишь как случайный гость. Это позволило ему в теории войны полностью преодолеть узкие интересы Пруссии. Наиболее привлекательная сторона капитального труда Клаузевица — это отсутствие в нем какого-либо прусского национализма, это широкий охват понятия войны как социального явления, с точки зрения передовых взглядов эпохи поднимающегося капитализма.

После смерти Клаузевица, единственной заботой Марии являлось издание важнейших трудов мужа. Детей у Марии не было. Чтобы сгладить трудности по изданию, Мария поступила воспитательницей детей к будущему императору Вильгельму I. При редактировании сочинений Клаузевица она отстаивала каждое слово, каждую запятую подлинника. В первом посмертном издании поэтому сохранилось несколько неудачных сравнений и примеров, которые исчезли только в издании 1880 года, отредактированном Шерфом, установившим ныне принятый текст. Десять томов посмертного издания Мария выпустила в ближайшие 5 лет после смерти Клаузевица. Труды, которые Марии не удалось включить в это издание, остались частью до сих пор ненапечатанными, а частью появились спустя полстолетие.

Участвуя в работе над сочинениями Клаузевица, Мария написала в предисловии к первому посмертному изданию: «Действительно может показаться странным, что женская рука дерзает снабдить предис-

ловием труд столь глубокого содержания. Это не вызывает необходимости в объяснениях для моих друзей».

«...Само собой разумеется, что я при этом не имела и отдаленнейшего намерения рассматривать себя как подлинную издательницу труда, далеко выходящего за пределы моего кругозора. Мне хочется при его выходе в свет занять лишь место спутницы, принимавшей в нем участие. На это место я могу претендовать, так как оно было уделено мне уже при его зарождении и развитии. Кто знал наше счастливое супружество и то, как мы всем делились друг с другом, не только радостью и горем, но и всякой работой, всяким будничным интересом, тот поймет, что и работа моего горячо любимого мужа над настоящим трудом не могла оставаться мне неизвестной во всех подробностях...»

Заслуги Марии в осуществлении издания сочинений Клаузевица неоспоримы. Слабая здоровьем, она держалась на ногах, пока имела перед собой цель — постановку мужу литературного памятника. С выходом последнего тома угасла и жизнь Марии: она ослабела, и в январе 1836 года с ней на дворцовом приеме сделался обморок. По обычаю того времени придворный врач решил пустить кровь. Понятие об асептике еще отсутствовало. Эта пустячная операция была сделана недостаточно чисто, и через несколько дней Мария, в возрасте 57 лет, умерла от заражения крови. Жизненный путь ее был исчерпан.

О войне

Клаузевиц как военный писатель, по мнению Энгельса, является «звездой первой величины». Этой высокой оценкой, к которой почти единодушно примыкают политики, историки и военные специалисты самых различных направлений, Клаузевиц обязан, главным образом, своему капитальному труду «О войне». Приступая к этой работе, Клаузевиц писал: «задачей моего честолюбия являлось написать книгу, которую не забыли бы по прошествии двух-трех лет и в которую человек, интересующийся предметом, заглянул бы не один только раз». Эта задача оказалась достигнутой в полной мере. Теперь, спустя сто лет после первого издания капитального труда, он во всех странах мира находит особенно много читателей.

Этот успех тем более замечателен, что труд «О войне» далеко не закончен. В нем встречается много повторений, длиннот, даже противоречий. Ряд очень важных глав, к которым в тексте отсылается читатель, остался ненаписанным. Точка зрения Клаузевица на некоторые вопросы — например, на двойственный облик войны в зависимости от замысла — на сокрушение или с ограниченной целью — изменялась

в течение 14 лет, затраченных на размышление при составлении труда. Клаузевиц в «Пояснении» к труду пишет: «если преждевременная смерть прервет эту работу, то все, что здесь написано, справедливо может быть названо бесформенной массой идей» («О войне», стр. 6, изд. 1934 г.). Он сознавал необходимость еще раз ее проработать. Из 124 написанных глав он признавал законченной только одну первую главу.

Одна из причин широкого признания, которое получил незаконченный труд Клаузевица не только в Германии, но и во всем мире, заключается в его общефилософском, «надведомственном» характере. Знакомство с ним очень важно для военного специалиста и для каждого интересующегося вопросами войны. Клаузевиц исходит из предпосылки, что война имеет свою собственную «грамматику», но не свою особую логику, так как война является только продолжением политики. И вопросы военной «грамматики» рассматриваются Клаузевицем в такой тесной внутренней, органической связи с вопросами политической логики, что создаваемое им целое далеко выходит за пределы военной специальности.

Но как бы ни были глубоки взгляды Клаузевица, он не был в состоянии вырваться за пределы задач, которые ставила его эпоха. В труде Клаузевица мы должны видеть, прежде всего, идейное наследие наполеоновской эпохи. Клаузевиц, конечно, исследует не только войну вообще, но и действительные войны различных исторических эпох и, в частности, войну эпохи поднимающегося капитализма, ушедшей уже в прошлое. При этом он стоит полностью на почве идеалистической диалектики, извращающей соотношение общественного бытия и общественного

сознания. Читая Клаузевица, нам следует не упускать из виду новых условий эпохи империализма и пролетарских революций, в которую вступила история в XX веке, новых условий периода второго тура революций и войн, к которому мир подошел вплотную. Чтобы критически использовать богатое наследие Клаузевица, который, как и Гегель, стоит на голове, необходимо его поставить на ноги, применяя метод материалистической диалектики при чтении трудов этого выдающегося теоретика. Наконец, используя Клаузевица, всегда надо помнить о политическом и классовом характере каждой данной войны.

«На практике приходится довольствоваться лишь приближением к совершенству». Мы цитировали уже эту мысль Клаузевица из его работы по очерку весеннего похода 1813 года. Это совершенство, этот абсолютный идеал, никогда не достижимый, но всегда являющийся целью, очерчивающий на определенном этапе ход развития, лежит и в основе философского построения труда «О войне». Совершенством, идеалом войны является абсолютная война — акт насилия, в применении которого нет предела; она требует крайнего напряжения сил и имеет целью сокрушение противника, т. е. лишения его возможности продолжать какое-либо сопротивление. В этой войне политика не оказывает никакого воздействия на ход военных действий, так как интерес политики и интерес ведения военных действий полностью совпадают. Основные линии ведения абсолютной войны — прямые и простые: прямой удар всеми силами на главную армию врага, разгром ее, не знающее задержек и отклонений наступление на важнейший политический центр, оккупация решающих по своему значению областей неприятельской террито-

рии и заключение мира с поставленным на колени противником. Все ведение войны характеризуется наличием решительной точки, к которой и направляются все усилия. По сравнению с победой в генеральном сражении все прочие интересы отходят на второй план. Клаузевиц здесь идет вслед за Маккиавелли, подчеркивавшим, что победа решает все и заглаживает все допущенные промахи.

Для абсолютной войны возможно дать положительное учение о стратегии, и Клаузевиц дает его — только для абсолютной войны — в очень красочном стиле, кратко и ясно.

Но в практической жизни нет места совершенству, и абсолютная война в истории не имеет места. Клаузевиц опускается к исторической действительности. Война, протекающая в действительности, значительно отличается от ее начального отвлеченного понятия. Историческая война то больше, то меньше удаляется от абстрактного понятия. Огромное большинство войн скорее приближается к наблюдению враждующих сторон друг за другом, чем в борьбе не на жизнь, а на смерть. Бывают случаи, когда наступление отказывается от строгой логической необходимости продвигаться к цели и бредет в течение всей кампании, подобно праздношатающемуся, без всякой цели.

Всякая эпоха имела собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои предрассудки. Поэтому каждая эпоха сохраняет право на особую теорию войны. Философское представление о войне оказывается недостаточным, так как между воюющими в действительности возникает перегородка, допускающая вражде разряжаться лишь отдельными небольшими ударами. Эта перегородка заключается во множестве явлений, сил и отношений, которыми война

соприкасается с жизнью государства. Только Наполеону удалось показать войну в ее абсолютном совершенстве. Под его руководством ход войны безудержно развивался до полного разгрома противника, и почти также безудержно последовал и обратный удар. «Но чтобы быть совершенно искренним, надо сознаться — говорит идеалист Клаузевиц, — что и при Наполеоне облик войны определялся господствовавшими идеями, чувствами, отношениями и, следовательно, носил отпечаток непоследовательности, неясности и слабости человеческого духа» («О войне», стр. 532).

Итак, в действительности нет абсолютной войны: историческая (действительная) война — это явление, которое только в большей или меньшей степени является войной. Тем не менее Клаузевиц твердо отстаивает понятие абсолютной войны: основное представление (идея) является для него фундаментом мышления и деятельности и придает им известный тон и характер даже тогда, когда ближайшие решающие мотивы исходят из совершенно другой сферы: «так живописец дает своим картинам тот или другой колорит с помощью красок, которые он накладывает для грунтовок».

Клаузевиц — величайший реалист — очень тонко наблюдает конкретные условия, в которых развиваются войны, очень внимателен к деталям и оттенкам; он готов «примириться с тем, чтобы конструировать войну не из голого понятия» и «признать право на соответственное место за всем тем чуждым, что к ней примешивается и связывается, отдать должное естественной тяжеловесности и трению частей, всей непоследовательности, неясности и слабости человеческого духа» (стр. 532).

Но вместе с тем он допускает философскую точку

зрения, став на которую, он рассматривает действительную войну только как в большей или меньшей степени искаженную форму абсолютного сокрушения. Клаузевиц очень глубоко отразил в своем труде наполеоновскую стратегию, но это оказалось достигнутым лишь потому, что сама абсолютная война Клаузевица является лишь идеализацией наиболее типичных кампаний Наполеона.

Все элементы, обуславливающие противоречия между высшей мыслимой формой войны и различными формами действительной войны, сводятся Клаузевицем диалектически в особое единство: действительная война не представляет собой чего-либо самостоятельного, а является лишь частью политических отношений. Война является простым продолжением политики и каждый раз у нее заимствует свою логику. Дипломатические разговоры продолжаются, но уже не нотами, а ударами вооруженного кулака. Лишь политика обуславливает большее или меньшее приближение действительной войны к ее абсолютному облику. «Раз война есть часть политики, то следовательно, она будет принимать и ее свойства. Когда политика становится более грандиозной и мощной, таковой же становится и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что война приобретает свой абсолютный облик» («О войне», стр. 561).

«Только с этой точки зрения (война — продолжение политики. — А. С.) все войны — «вещи одного рода», — резюмировал Ленин мысль Клаузевица.

Война — простое продолжение политики. Это — центральная мысль Клаузевица, которую подчеркивал Ленин, как основное положение диалектики в применении к войнам. И Ленину приходилось часто ссылаться на Клаузевица при разоблачении попыток

Плеханова, Каутского и других представителей социал-шовинизма и центризма, извратить истинный смысл мировой войны. (Социализм и война, т. XVIII, стр. 197. Крах II Интернационала, т. XVIII, стр. 249). Ленин добавлял, что именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, рассматривавших войну «как продолжение политики данных заинтересованных держав и разных классов внутри их в данное время» (т. XVIII, стр. 249).

Но, отдавая полное признание основной мысли Клаузевица, необходимо подчеркнуть его взгляд на политику, как внешнее представительство и согласование всех интересов всего общества. По Клаузевицу, «политика объединяет и согласовывает все интересы внутреннего управления, а также вопросы гуманности и всего остального, что может быть выдвинуто философией, ибо сама по себе политика ничто, а только представитель всех этих интересов перед другими государствами». Это чисто идеалистическое определение политики. «Что политика может иметь неверное направление, служить преимущественно честолюбию, частным интересам, тщеславию правителей — это сюда не относится», — говорит Клаузевиц. Но ведь именно в этих проявлениях исторической политики и заключаются все характерные ее черты, и именно против «частных интересов» В. И. Ленин заметил на полях: «подход к марксизму». Марксистско-ленинское положение, что политика это — концентрированная экономика и что политика выражает интересы класса, было чуждо Клаузевицу. «Поставленный на голову» идеалистический труд Клаузевица все же и теперь является лучшим произведением буржуазной военной мысли. Он родился в эпоху, когда развитие капиталистического строя находилось еще на подъеме, и

представляет и сейчас ценный материал — не для легкого чтения по военному делу, а для самостоятельных размышлений над многими вопросами стратегии. Великие умы видели во всем объемистом труде Клаузевица развитие одной центральной истины: «война — просто продолжение политики».

Не Клаузевиц первый открыл связь между политикой и ведением войны; Руссо, Бюлов, Шарнгорст и другие прозорливые умы высказывали эту мысль раньше Клаузевица. Но никто до Клаузевица не становился на эту точку зрения, чтобы пересмотреть характер войн, изменения способа ведения войны в истории и связь между размерами политической цели войны и ее напряжением. Клаузевиц, конечно, применяет диалектический метод, когда утверждает, что «самое важное в жизни это — отыскать такую точку зрения, с которой все явления должны быть поняты и оценены, и придерживаться этой точки зрения до конца. Ибо только с единой точки зрения возможно охватить всю совокупность явлений как одно целое, и только единство точки зрения может гарантировать нас от противоречий» («О войне», стр. 561). Отсюда, в изучении крупных военных событий или при составлении плана войны Клаузевиц последовательно отрицает «чисто-военную точку зрения» («О войне», стр. 563).

Труд Клаузевица включает три преимущественно философские части и пять частей, в которых рассматриваются в стратегическом отношении отдельные вопросы войны. Наиболее философскими частями, представляющими еще совершенно не остывший интерес, являются: первая часть, трактующая о природе войны и требованиях, которые предъявляются войной полководцу, и представляющая собой как бы введение

к основной теме труда; вторая часть — о теории войны, в которой Клаузевиц-философ устанавливает методологические рамки, в которых должно развиваться исследование войны, и, наконец, восьмая часть — «план войны», представляющая как бы заключение, написанное позже других частей, в котором мысль Клаузевица достигает высшей зрелости и дает синтез разобранных в отдельности в пяти частях элементов стратегии. Во многом в восьмой части своего труда Клаузевиц возвращается к вопросам, разобранным в первой части, и дает им уже значительно более ясное и отчетливое освещение*.

Основное достоинство труда Клаузевица заключается в диалектическом методе изучения явлений войны, в установлении положения, что война является послушным орудием политики, но интерес представляет и трактовка Клаузевицем частных вопросов стратегии. Клаузевиц, отрицающий всякий догматизм, является автором многих разнообразных, всегда очень

* О том варварском обращении, которому подвергалась философская часть труда Клаузевица в буржуазных армиях, можно судить по первому переводу Клаузевица, изданному во Франции в 1886 г.: переводчик, полковник Вотри, рассудил, что первые две части труда написаны слишком философски, а последние две части не закончены и в высшей степени насыщены диалектикой. Поэтому, первое издание труда «О войне» вышло во Франции в составе лишь четырех средних частей, наиболее устаревших по содержанию, в которых Клаузевиц до известной степени избегал ставить общие вопросы о войне, и в которых положение о зависимости стратегии от политики не подчеркивается так решительно, как в других. И французский стратег, генерал Камон, весьма одобряет это решение переводчика, не запугавшего французов сразу «метафизическим туманом» Клаузевица. И только после большого успеха этого издания, к нему были допечатаны первые две части, как введение, и последние две части, как второй том.

метких изречений, которые пригодны для обоснования различных мнений. Использование Клаузевица представителями самых разнообразных течений облегчается отсутствием его собственной четкой позиции по отношению к политике определенных классов в определенную эпоху.

Попробуем теперь вместе с читателем бегло перечитать восемь частей капитального труда.

Первая часть посвящена природе войны. Это — короткое введение, развивающее уже знакомые читателю основные мысли Клаузевица. Война является насилием, имеющим тройственную тенденцию, соответственно характеру и особенностям трех факторов, участвующих в войне и определяющих ведение войны как формы своеобразной общественной практики. Для народа война является прежде всего ареной проявления слепого природного инстинкта ненависти и вражды*. Для полководца война является игрой вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности. Для правительства война представляется орудием политики и оказывается подчиненной чистому разуму. Теория не может пренебречь ни одной из этих трех сторон военной деятельности и должна притом помнить, что война — подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае меняющий свою природу.

Если реальное бытие войны отличается от основной ее идеи воздействием политики, то для объяснения расхождения замысла с исполнением в боевых действиях Клаузевиц устанавливает понятие трения. Чем

* В этом положении Клаузевица отражается его понимание политики как дела разума правительства, а не как дела творчества масс, миллионов, как учил Ленин.

менее сработался сложный механизм армии, тем сильнее трение. Война представляет своего рода плотную среду, в которой достигнуть цели можно лишь при добавочном усилии. И чем войска менее втянута в войну, тем сильнее трение, и тем большие недостатки в каждом отдельном случае дают предпринимаемые нами действия.

В изучении вопроса о трении Клаузевиц применяет метод идеалистической диалектики. То, что мы желаем совершить, — известный марш, маневр, сосредоточение сил, занятие позиции или атака на неприятеля — является своего рода идеалом в отношении того, что удастся действительно достичь в нашей практике, обреченной на несовершенство. Между замыслом и исполнением открывается та же пропасть, которую Клаузевиц уже отмечал между войной абсолютной и действительной.

Постоянный учет политики и трения позволяет Клаузевицу, несмотря на его идеалистический метод, оставаться на почве реальности.

Большое внимание уделяет Клаузевиц установлению требований, которым должен отвечать полководец. Последний, в представлении Клаузевица, направляет войну в точном соответствии с ее целями и наличными средствами. Он должен обладать смелостью и вместе с тем пронизательностью. Но прежде всего ему необходимо полное самообладание: пусть в нем кипят могучие страсти, но они должны оставаться скрытыми и ничем не проявлять себя. Нужен жар, а не пламя, и преимущество — на стороне людей сильных, глубоких, но скрытых страстей, требующих раскочки, нелегко воспламеняющихся, но всегда сохраняющих духовное равновесие. Клаузевиц, сам того не замечая, в облике полководца отдал

предпочтение тенденциям, свойственным его собственному характеру.

Вторая часть — теория войны — охватывает классификацию элементов теории: проблемы войны как науки и искусства, методизма, военно-исторической критики и использования исторических примеров. Каждый факт войны сцеплен с таким множеством явлений, какое можно встретить разве в искусстве. Знание анатомии необходимо скульптору, но разве последнему удалось когда-нибудь создать красивую форму математическим путем, посредством абсцисс и ординат? Есть существенная разница между умением и знанием, между теорией искусства и наукой. Было бы конечно ошибочно провозглашать бесплодность научного изучения явлений войны: это значило бы впасть в крайность и признать полную невозможность разобраться в действительности; между тем, в военных явлениях можно установить детерминизм, связь между причинами и следствиями, и в раскрытии этой связи — главная задача теории и военно-исторической критики.

Но теория не должна переходить за определенный предел. По сравнению с марксистско-ленинским положением, что теория должна служить руководством для действия, толкование Клаузевицем значения теории ставит ее в несколько более тесные рамки. «Теория военного искусства не должна быть непременно положительным учением... она должна воспитать ум будущего полководца, или, вернее, руководить им в самовоспитании, но не должна сопровождать его на поле сражения: так мудрый наставник направляет и облегчает умственное развитие юноши, не держа, однако, его всю жизнь на помочах» («О войне», стр. 82).

«Теория должна ярко осветить всю массу обстоятельств, дабы ему легче было среди них ориентироваться; она должна вырвать плевелы, которым заблуждение дало возможность повсюду прорасти; она должна вскрыть взаимоотношения явлений, отделить существенное от несущественного. Там, где представления сами собой складываются в такое ядро истины, которое мы называем принципом, там, где они сами устанавливают такой порядок, который мы называем правилом, там обязанность теории это отметить».

«То, что ум вдохнет в себя во время этого странствования среди фундаментальных понятий о предмете, те лучи, которые засияют в нем самом, — в этом и заключается та польза, которую может дать теория. Она не может снабдить его готовыми формулами для разрешения практических задач, она не может указать обязательный для него путь, огражденный с обеих сторон принципами. Теория способна лишь направить пытливый взгляд на совокупность явлений и взаимоотношений и затем отпускает человека в высшую область действия» («О войне», стр. 529—530).

Теория должна являться рассмотрением, созерцанием и вести к точному ознакомлению с предметом. Клаузевиц в этих словах возвращается к точному этимологическому смыслу греческого корня слова «теория». Его изложение обострено критикой всех существовавших военных систем, страдавших и односторонностью, и полным невниманием к моральным силам, и недостаточной проверкой своих положений на опыте военной истории, и шарлатанским злоупотреблением терминологией.

Клаузевиц отрицает также положение о значении методичности в стратегии. Он является защитником методичности лишь в обучении младших тактических начальников, но не в стратегии. Война — «это не поле стеблей, которое можно хуже или лучше косить более или менее подходящей косой», она представляет собой «большие деревья, к которым надо подходить с топором обдуманно, в соответствии со свойствами и направлением каждого ствола» («О войне», стр. 95).

Клаузевиц восстает против злоупотреблений военно-историческими примерами; он советует не шагать широкими шагами по арене истории. Военная история требует особо бережного к себе отношения. Использование военной истории для обучения требует величайшего гражданского мужества. «Кто чувствует влечение заняться этим трудом, пусть снарядится на это благое начинание, как на далекое паломничество. Пусть пожертвует он своим временем и не страшится никаких трудов, пусть не убоится никакой земной власти и великих мира сего, пусть поднимется он над собственным тщеславием и ложным стыдом, дабы, по выражению французского кодекса (формула присяги свидетелей на суде. — А. С.), сказать правду, только правду, всю правду» («О войне», стр. 118).

Официальные историки войн в Германии и не пытались подойти к требованиям Клаузевица; Мольтке, давая задания прусскому генеральному штабу по составлению истории войн за объединение Германии, подчеркивал необходимость считаться с влиятельными персонами: «пишите правду, только правду, но не всю правду».

Современная военная литература фашистской Гер-

мании проводит точку зрения Мольтке и, во имя сохранения престижа полководцев, признанных фашизмом, создает свою историю «не всей правды».

Третья часть — общие вопросы стратегии — является началом труда Клаузевица, о котором он говорит: «Сначала я намеревался, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях важнейшие пункты по этому предмету, относительно которых я пришел к определенному выводу... Я полагал, что такие богатые оценками и мыслями краткие главы... достаточны, чтобы заинтересовать образованных, мыслящих людей как возможностью дальнейшего развития их выводов, так и непосредственным их содержанием» («О войне», стр. 2). Разбор элементов стратегии в этой части носит не вполне систематический характер, однако, в ней разбросана масса перлов мышления Клаузевица. Материальные вопросы стратегии ограничиваются здесь вопросом о численности армии и методами достижения перевеса в генеральном сражении. Заслуживает внимания его тезис о значении численности: численный перевес — наиболее общий принцип победы («О войне», стр. 136). Это — отрицание идеи небольшой отборной армии, при помощи которой, не апеллируя к массам, одерживается победа. Это тезис, на который ссылается современный германский фашизм, создавая массовую армию, которая, однако, несет ему в своих недрах революционную угрозу.

В этой третьей части Клаузевиц еще очень тесно связан представлением об абсолютной войне. Война для него представляет исключительно непрерывную цепь боев, находящихся в тесной связи между собой. Отсюда, занятие географического объекта не может

рассматриваться как успех, который можно мимоходом прикарманить. Обладание им может повлечь за собой впоследствии еще более крупные невыгоды. «Подобно тому, как купец должен все время оперировать всей массой своего состояния, так и на войне лишь конечный успех решит вопрос». Нельзя пытаться обособить прибыль от отдельной сделки, это еще не чистый барыш. До конечного успеха ничего не решено: ничего не выиграно, ничего не проиграно.

Но впоследствии, в восьмой части, наиболее зрелой, Клаузевиц признал этот взгляд крайним, имеющим руководящее значение лишь для войн, приближающихся к абсолютному совершенству, где все логически вытекает из необходимости и быстро сцепляется одно с другим. Но существуют, и в истории даже преобладают, не эти молниеносные сокрушительные походы, а войны, далеко не столь богатые многообразным взаимодействием, которым отвечает другое крайнее представление: течение войны складывается из отдельных, самодовлеющих их успехов, при чем, как в карточной игре, предыдущий розыгрыш не оказывает никакого влияния на последующий. Все сводится лишь к сумме результатов, и каждый из них можно отложить, как игральную фишку.

Установив эти два облика войны, которым соответствуют различные направления стратегической мысли, Клаузевиц определяет тот или иной облик войны в зависимости от размеров наших политических требований, а также требований противника («О войне», стр. 531), выражаемых в тех или иных целях войны: сокрушение противника или ограниченная цель.

Клаузевиц подчеркивает в этом вопросе об облике войны субъективный фактор — стремление той или

Другой стороны, упуская из виду природу противоречий, приводящих к столкновению, придающую конфликтам различного типа различную степень напряжения. Политическая и экономическая суть противоречий между классами и государствами не является предметом его исследований.

В последней главе «Напряжение и покой» Клаузевиц подходит к определению понятия кризиса, создающего на войне такие напряжения во всей обстановке, при которых самое незначительное боевое усилие может вызвать величайшие последствия, так как все подготовлено для крупного сдвига. «Канонада под Вальми (первое успешное сопротивление армии французской революции в 1792 году — А. С.) имела более решительные последствия, чем битва под Гохкирхом». «Результат напоминает в этом случае действие хорошо заложеного и забитого минного горна, между тем как событие, само по себе столь же крупное, но происшедшее в периоде покоя, скорее напоминает вспышку пороховой массы на открытом воздухе».

Эта мысль чрезвычайно важна. Кризис представляет такие трудные переживания, от которых всемерно стремятся уклониться бесталанные генералы и полководцы. Последние всегда стремятся одержать победу в состоянии покоя, и тратят даром силы своих войск.

К сожалению, эта насыщенная диалектикой глава труда Клаузевица обрывается им на самом интересном месте, и он представляет воображению читателя дорабатывать важную тему о кризисе. В письме к Гнейзенау 4 марта 1817 года, т. е. в то время, когда, вероятно, набрасывалась эта часть, Клаузевиц заметил: «у меня несчастная склонность — развивать все из самого себя». Вот этой авторской борьбой со склон-

ностью к дедукции, стремлением дисциплинировать свое мышление и не отрываться от опыта истории и объясняется усеченность глав, с которых началась работа над капитальным трудом.

Четвертая часть — «Бой» — устарела в тактико-техническом отношении, но сохранила свое методологическое значение *. Клаузевиц правильно подчеркивает значение боя, посвящает сильные главы генеральному сражению, но исходная точка его рассуждений о «характере современного сражения» страдает односторонностью.

Внимание Клаузевица привлекают сражения, дающие полупобеды, позднейшей наполеоновской эпохи 1812—1813 годов; он, очевидно, находится под впечатлением Бородина. Клаузевиц идеализирует «абсолютную войну», но военная стихия предстает перед нами здесь как сражение на истощение, в котором маневр не играет сколько-нибудь заметной роли, которое развивается медленным темпом, так, как горят сырые дрова, и кончается бухгалтерским подсчетом израсходованного и еще сохранившегося свежего резерва.

Этот закат наполеоновского военного искусства, обусловленный резким ухудшением состава укомплектований, включением в армию не вполне надежных немецких контингентов, удалением на тысячу километров в пустынные русские земли или нахождением в центре охваченной освободительным движением Германии, выразился в бессилии маневра.

Клаузевиц, пылавший ненавистью к проповедникам

* Большой методологический интерес представляет «Учебное пособие для обучения тактике, или учение «о бое», из которого впервые даны выдержки в переводе на русский язык в последнем издании «О войне» (стр. 619—666).

ученого маневрирования, которые брались выиграть войну без боя, при помощи одних хитроумных комбинаций, впадает здесь в противоположную крайность, выдвигая на первый план прямой удар, и не уделяет никакого внимания стратегическому плану и подготовке сражения в стратегическом отношении. Идея «Канн», т. е. сражения, приводящего к полному сокрушению противника, отсутствует полностью; совершенно не учитывается и любимый прием Наполеона в его лучшую пору — выходить предварительно на сообщения противника и создавать таким образом весьма решительную расстановку сил в сражении с перевернутым фронтом.

Вообще, сам Клаузевиц различает в стратегии две части, из коих одна ближе граничит с политикой, а другая — с тактикой. В настоящее время эта последняя часть обычно выделяется из стратегии особо в теории оперативного искусства. Эта область стратегии не лежит в центре внимания Клаузевица и не составляет сильнейшей части его труда.

Наполеон по поводу аустерлицкого сражения заметил: «очень часто уже план кампании заключает в своем зародыше и план генерального сражения; но лишь военные с большим опытом поймут эту мысль». Клаузевиц долгое время отрицал ее, предоставляя все оформление сражения тактике.

Еще в предпоследней части своего труда, в главе о наступательном сражении, Клаузевиц утверждает, что представление о том, что наступление во фланг, приводящее к сражению с перевернутым фронтом, будто бы с самого начала должно быть соединено с охватывающим стратегическим наступлением, является ошибочным («О войне», стр. 487). И лишь в самом конце своей работы, в последней главе восьмой

части, Клаузевиц признает, что для полной победы «необходимо охватывающее наступление или сражение с перевернутым фронтом», почему и «существенной частью плана кампании является установление соответственного распорядка как в отношении группировки вооруженных сил, так и направления их» (стр. 583). Клаузевиц отсылает читателя по этому вопросу к особой главе «План кампании», которая осталась ненаписанной.

Часть пятая посвящена теме «Вооруженные силы». Здесь Клаузевиц спускается с высот философии к оперативным вопросам стратегии, говорит о ее основных элементах — театре войны, армии, походе, о группировке армии, маршах, расположении на отдых, снабжении. Речь идет об эпохе Наполеона, и эта часть в наше время в основном устарела. В последней главе Клаузевиц критикует предрассудки, связанные с преувеличенной оценкой в стратегии командующей местности. Были времена, когда ключом ко всем успехам в Европе считалось обладание Швейцарией, а ключ к Франции усматривали в Лангрском плато, на котором лежат истоки главнейших французских рек. «Господствующий район», «прикрывающая позиция», «ключ страны» — эти термины квалифицируются Клаузевицем как «пустая скорлупа без здорового зерна» (стр. 295).

Подобно Энгельсу во время Восточной войны (Маркс и Энгельс, т. X, стр. 611), Клаузевиц устанавливает знак равенства по отношению ко всем европейским армиям. «Армии в наши дни стали настолько схожи между собой и вооружением и снаряжением, и обучением, что между лучшими из них и худшими особо заметного различия в этом отношении не существует». Таким образом, с устранением

различия в качестве техники и обучения, вопрос о соотношении сил решается почти исключительно численностью. Действительно, в 1813 году установилось известное равновесие качества между войсками клонившейся к закату бонапартистской Франции и войсками коалиции, в которых появились элементы, одушевленные национальным движением.

Это равенство, в основном сохранявшее силу до эпохи империализма в отношении развитых капиталистических стран, не представляет собой окончательный продукт исторической эволюции. Буржуазия всюду бросала максимум ресурсов на содержание армии. Но в эпоху империализма соотношение классовых сил и ход классовой борьбы вызывают громадные колебания моральных сил бойцов буржуазных армий. И, конечно, не может быть никакого сравнения между армией страны социализма, принципиально отличной от буржуазных армий, и этими последними.

Создание средств, которыми ведется война, не интересуется Клаузевица. Внутреннюю политику Клаузевиц ощущает в основном лишь как неизбежный накладной расход. Только в последней, восьмой, части труда мы можем убедиться, что Клаузевиц лишь закрывает глаза на влияние внутренней политики, но хорошо понял все ее значение на опыте французской революции.

Обороне посвящена шестая, самая обширная, часть труда. Ей уделено 182 страницы (по изданию 1934 года в русском переводе), тогда как седьмая часть — наступление — сжата на 48 страницах. Однако часть об обороне включает вопросы наступления, а часть о наступлении представляет собой только наброски. Клаузевиц подробно разбирает сильные и слабые стороны обеих форм военных действий. Его тезис о том, что оборона «является более сильной формой ве-

дения войны», вызывал в период между окончанием франко-прусской войны 1870 г. и началом мировой войны самые жестокие нападки немецких и французских военных критиков и профессоров. Гипнотизированные успешными наступательными войнами, которыми руководил один из идейных учеников Клаузевица — Мольтке, эти критики обвиняли Клаузевица в том, что его сбила с толку катастрофа, постигшая вторжение Наполеона в Россию в 1812 году, что его теория войны будто бы проникнута пацифизмом, и только высокий авторитет Клаузевица препятствовал этим критикам формулировать обвинение его в упаднических и пораженческих настроениях.

Беда в том, — утверждал дошедший до абсурда германский писатель Шерф, — что Клаузевиц видит политическую цель войны, и для него насилие является только средством. Это неплохо для дипломата, но для военного насилие должно являться не средством, а самодовлеющей целью...

Чрезвычайно дружная атака всех военных авторитетов на шестую часть труда Клаузевица опиралась и на замечание самого Клаузевица в одном из пояснений к труду, играющему роль авторского введения: «6-я часть может рассматриваться лишь как опыт; мне хотелось бы ее совершенно переработать и найти для нее другое русло». Это замечание, очевидно, не имеет в виду изменения принципиальных его взглядов на оборону, а направлено против слишком пространныго изложения оперативных вопросов — о значении крепостей, обороне гор, рек, болот, лесов.

Из тридцати глав шестой части философский характер носят первые девять глав и глава о народной войне.

В главе «Выгоды обороны» (стр. 298) Клаузевиц

указывает, что «оборона легче, чем наступление, но так как оборона преследует негативную цель, удержание, а наступление — цель позитивную, завоевание, и так как последнее увеличивает наши средства для ведения войны, а первое нет, то чтобы быть точным, надо сказать: оборонительная форма войны сама по себе сильнее, чем наступательная».

Оборона состоит из двух актов — выжидания и действия (контрудара). Идея возмездия посредством ответного удара лежит в основе каждой обороны; путь выжидания — это путь более обеспеченной победы над врагом; но только ответный удар устанавливает равновесие в динамике наступления и обороны.

Впрочем, контрудар может привести и к полному разгрому врага и достижению позитивной цели. Этот контрудар окажется тем более действительным, чем большее развитие получила выжидательная часть обороны. Момент перехода к контрудару характеризует различные ступени повышения шкалы мощности обороны. Этих ступеней Клаузевиц различает четыре (стр. 320—321): 1. Атака неприятеля немедленно после перехода им границы (оборона немцами Восточной Пруссии в августе 1914 г.); 2. Занятие позиции вблизи границы и переход в наступление, как только неприятель появится перед ней; 3. Тактическая оборона на позиции вблизи границы с переходом в наступление, когда противник втянется в бой; 4. Отнесение сопротивления внутрь страны. В последнем случае неприятель гибнет не только от меча обороны, но и в результате истощения, от собственного напряжения (стр. 419). Эта высшая и наиболее «сильная», по Клаузевицу, ступень обороны, контрудар по находящейся на закате армии противника, обещает наибольший успех; но отступление внутрь

страны связано с крупными жертвами и является тяжелым испытанием для армии и государства.

Глава о народной войне, как одной из проблем обороны, представляет спокойную, философскую переработку мыслей Клаузевица об устройстве восстания на оккупированной Наполеоном германской территории при помощи ландштурма, относящихся к 1808—1811 годам; они стояли в центре мышления Клаузевица во время его деятельности в кружке реформы.

Народная война должна сохранять свою туманную, грозовую сущность и избегать сгущаться в действия компактных отрядов. Ее действия направлены на поверхность, подобно процессу испарения в физике. Чем шире расплывается неприятельская армия, тем сильнее воздействие народной войны. Как тихо тлеющий огонь, она разрушает основные устои неприятельской армии. Народная война или будет подавлена и угаснет или приведет к кризису, когда пламя всеобщего пожара охватит со всех сторон вторгнувшуюся армию и вынудит ее очистить страну, чтобы не погибнуть полностью.

Но народная война не может вестись в слишком сгущенной атмосфере опасности. Поэтому, горючий материал народной войны может вспыхивать ярким пламенем лишь в более отдаленных пунктах, где будет достаточно свежего воздуха. Ландштурм должен приступить к действиям в провинциях, расположенных на флангах неприятельского наступления, и образовывать грозовые тучи, нависающие по сторонам противника. Огонь будет разгораться, как пожар в степи, и распространится на территорию, по которой пролегают неприятельские сообщения.

У ландштурма есть и свои преимущества: солда-

ты, привыкшие жаться друг к другу, при неудаче всегда готовы, как стадо, бежать в ту сторону, куда обращены лицом, а крестьяне, будучи разбитыми, без какого-либо искусственного плана рассеиваются в разные стороны. «Если речь идет о порче дорог и заграждении тесных проходов, то приемы, употребляемые сторожевым охранением и летучими отрядами регулярных войск, относятся к действиям поднявшейся крестьянской массы приблизительно так же, как движения автомата к движениям живого человека». Небольшие регулярные части могут подкреплять ландштурм, придавая его действиям более крепкое оформление, но здесь надо знать меру, так как излишек регулярных частей ведет к ослаблению энергии и действительности народной войны.

Если не гоняться за призраками, необходимо мыслить народную войну в соединении с войной, которую ведет постоянная армия. Обе эти войны должны быть сложены в одно целое общим охватывающим их планом. Никакое государство не должно считать, что вся его судьба зависит от исхода самого решительного сражения. Призыв новых сил, помощь со стороны могут дать новый оборот делу. Всегда государству останется достаточно времени, чтобы умереть. Естественно, чтобы утопающий хватался за соломинку. И народ должен использовать последние средства спасения, если видит себя отброшенным на край бездны. Таков естественный порядок морального мира... В этих замечаниях ясно ощущается окраска политического опыта периода Тильзитского мира и реформ после Иенского разгрома, периода подготовки национально-освободительной войны против Наполеона.

Капитальный труд не содержит конкретного плана

оборонительной войны, но таковой хранится в бумагах семейного архива. К нашему удивлению, этот план имеет в виду оборону революционного Неаполитанского государства (королевства обеих Сицилий) против карательной экспедиции, которую от имени Священного союза производила 52-тысячная австрийская армия генерала Фримона. Немецкие историки и критики хранят знаменательное дружное молчание об этой работе Клаузевица. Упоминание о ней мы находим только у французского биографа Рока. По видимому, этот план представлял решение Клаузевицем теоретической задачи на стратегическую оборону, которую он сам себе поставил.

План озаглавлен: «Об обороне Неаполя при современных обстоятельствах. 1821». Клаузевиц полагал, что следовало предоставить австрийской армии значительно углубиться в территорию Неаполитанского королевства, что открыло бы неаполитанским партизанам возможность действий на сообщения австрийцев, и заставило бы последних ослабить армию выделением значительных сил для охраны тыла. При этом Апеннинские горы вынудили бы австрийскую армию разделиться на несколько колонн. Тогда, закончив период выжидания, сконцентрированная революционная армия должна была внезапно устремиться против важнейшей из колонн австрийской армии, разгромить ее и преследовать с максимальной энергией. Здесь не оставалось места какому-либо лабиринту, маневрированию, заботе о выигрыше времени. Нужно поставить все на карту в том пункте, где будет решена атака австрийской колонны, чтобы одним ударом выиграть кампанию.

Соображения Клаузевица, понятно, не дошли до Гулиельмо Пепе — офицера, выдвинутого карбона-

риями на должность главнокомандующего. Пепе не ограничился обороной, вторгся в Папскую область, был вынужден к спешному отступлению и вновь, не собрав всех сил, перешел в наступление далеко впереди указанного Клаузевицем рубежа, почти на границе королевства, у Риети, где и потерпел решительное поражение.

Приведенный конкретный план обороны Клаузевица, как и все его теоретические положения, свидетельствует, что в оборону Клаузевиц вкладывал величайшую активность. Контрудар Клаузевица являлся настоящим наступлением, лишь отложенным на определенный момент, когда можно рассчитывать на самый решительный и обеспеченный успех.

Седьмая часть, посвященная чрезвычайно важной проблеме наступления, местами представляет не систематическое изложение, а лишь короткие наброски глав. Наступление, как понятие, логически противоположное обороне, в своей принципиальной части, как полагает Клаузевиц, почти исчерпывается тем, что он сказал в главах, посвященных обороне. Сказанное об обороне уже существенно освещает некоторые вопросы наступления. На войне наступление, в особенности в стратегии, «является постоянной смелой или сочетанием наступления и обороны». Последняя «не представляет действующего начала: напротив, она неизбежное зло, тормозящее усилие, вызываемое инерцией массы; это первородный грех, смертное начало для наступления» (стр. 481). «В единичных случаях наступающий, чтобы успешнее достигнуть поставленной цели, изберет форму обороны и, например, расположится на хорошей позиции и даст себя на ней атаковать» (стр. 482).

Клаузевиц рекомендует, при наличии достаточных

сил, вести наступление непрерывно и решительно. Так, при описании войны 1812 г., он резко критикует распространенное мнение, что Наполеону, по достижении Витебска, следовало перейти к обороне и не развивать дальнейшего наступления на Москву. В капитальном труде эта тема, как и многие другие вопросы наступления, развита в восьмой части, дающей общий синтез. Клаузевиц отрицает возможность так называемых методических завоеваний, рассрочку усилий. Всякая задержка только затрудняет завоевание. Маленький прыжок сделать легче, чем большой; но нельзя пытаться в два приема перескочить глубокий ров. В наступательной войне (Клаузевиц здесь имеет в виду сокрушение, близкое к абсолютной войне) всякая промежуточная остановка противоестественна. Если она оказывается неизбежной, это — зло, которое не только не обеспечивает успеха, но делает его сомнительным. Когда мы по своей слабости допустим остановку, то, нормально, второго скачка к цели уже не последует. Если второй скачок был бы возможен, то для него эта остановка вовсе не нужна, а если намеченная цель по своей отдаленности была с самого начала наступления нам не по силам, она останется таковой и навсегда. «Если мы вообще обладаем достаточными силами, чтобы осуществить известное завоевание, то мы в состоянии и выполнить его одним духом, без промежуточных остановок» (стр. 551). Логика Клаузевица неопровержима: чтобы сокрушить Россию, Наполеону следовало безостановочно двигаться на Москву.

Подобно тому, как душой обороны должна быть осторожная предусмотрительность, так смелость и уверенность в своих силах должны быть душой наступления (стр. 499). С этой

точки зрения Клаузевиц дает весьма низкую оценку маневрированию. Последнее несвойственно, по его мнению, наступлению открытой силой с крупными сражениями. Под маневрированием Клаузевиц разумеет достижение известного результата при состоянии равновесия, которое мы пытаемся нарушить, вовлекая противника на путь ошибок. Это — первые ходы на шахматной доске, борьба равноценных сил, имеющих целью создать лучшую позицию, чтобы утвердить свое превосходство над противником.

На фоне этого общего равновесия выступают отдельные мотивы для более мелких действий и более ничтожных задач. Отсутствие гнета крупного решения и великой опасности позволяет им развиваться. Выигрыш и проигрыш размениваются на мелкую монету. По дешевке приобретаются ничтожные выгоды, из-за них начинается состязание в ловкости полководцев обеих сторон.

Грубым заблуждением был взгляд на эту игру, как на верх военного искусства (стр. 472). Арена, на которой происходит такая игра, не может создать крупного полководца. Мы не вправе укорять полководца за такое фехтование, если оно обещает успех, но должны требовать, чтобы он все время помнил, что он следует обходными тропами туда, где его может настичь «бог войны». Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу.

Клаузевиц совершенно прав, давая такую презрительную оценку маневрированию, преследующему мелкие, второстепенные цели. Но он нигде, за исключением нескольких строк в восьмой части, не затрагивает вопроса о маневре, как слагаемом решительных

действий. Тонкости маневрирования играли столь значительную роль в тех старых пережитках военного искусства XVIII века, с которыми Клаузевиц чувствовал себя призванным бороться, что он потерял к ним всякий вкус и не придал никакого значения искусству маневрирования Наполеона, которое преследовало цель поставить сражение в более решительные условия и деморализовать противника еще до боя появлением на его фланге или в тылу.

Изучив природу стратегического наступления, Клаузевиц останавливается «над одним из наиболее существенных вопросов стратегии», от правильного разрешения которого зависит в отдельных случаях истинность суждения о том, чего мы в состоянии достигнуть. Это вопрос «об убывающей силе наступления».

Наступающий как бы закупает ценности, которые, быть может, и принесут ему выгоды при заключении мира, но пока он расплачивается за них чистоганом, расходуя свои вооруженные силы. Отсюда — убывающая сила наступления и его кульминационная точка. В редких случаях удастся добиться заключения мира прежде, чем наступление достигает этой роковой точки. А за ней следует уже перелом, реакция, и сила реакции обычно значительно превосходит силу предшествовавшего ей удара (стр. 484). Армия на войне описывает известную траекторию. С продвижением по этой траектории сила наступления постепенно убывает. Превосходство сил, с которым наступление начинается, беспрерывно тает. Таким образом в перспективе наступления — достижение такого предела, на котором силы наступления и обороны сравниваются; за этим пределом начинается уже закат наступления; властная необходимость заставляет остановиться и перейти к обороне, но к обороне много

более слабого рода, на враждебной, неподготовленной территории, с длинными и угрожаемыми сообщениями с отечеством. Проклятие наступления — вынужденная необходимость влачить за собой худшие элементы обороны. Вопрос успеха наступления сводится к тому, удастся ли достигнуть цели раньше, чем наступление перевалит за свою кульминационную точку? Если к неизбежному моменту перерождения наступления в оборону враждебная армия будет уже разгромлена и политическая воля противника надломится, обстановка для наступающего сложится очень благоприятно — война выиграна и остается заключить выгодный мир; но если обороняющийся эшелонировал свое сопротивление за пределы досягаемости восходящей ветви траектории наступления, то положение наступающего станет чрезвычайно затруднительным. Французские армии попали в это затруднительное положение при войне в Испании и в России.

Надо отметить, что рассуждения Клаузевица о наступлении и обороне, а также о кульминационной точке наступления почти не связаны с вопросом о «средствах достижения цели» ведения войны: о сражении с целью уничтожения неприятельских сил (стр. 485). Возможно, что это объясняется недоработанностью последней части капитального труда.

Глава о наступательном сражении базируется на опыте сражений эпохи Наполеона (Аустерлиц, Иена, Ватерлоо) и в некоторых отношениях для нашего времени уже устарела. «Главная особенность, отличающая наступательное сражение, это — охват или обход, следовательно постановка сражения», — говорит Клаузевиц (стр. 486). Бой при наличии охватывающей линии фронта представляет большие преимущества; впрочем это предмет тактики. Особенно важ-

но, что в действительности используются далеко не все выгоды, даваемые обороной; в большинстве случаев оборона представляет лишь жалкую попытку извернуться в положении весьма стесненном и опасном, когда она, в предвидении наихудшего исхода, сама идет навстречу наступлению. Клаузевиц не одобряет также поспешность в ведении наступательного сражения: «с чрезмерной поспешностью связана большая опасность, так как она ведет к расточительному расходованию сил». Наступательное сражение представляет собой «нащупывание в неведомой обстановке»; тем более важно сосредоточение сил, тем предпочтительнее обход охвату. Идея окружения и полного уничтожения неприятеля на самом поле сражения являлась трудно осуществимой в эпоху Клаузевица и чужда ему. «Главнейшие плоды победы постигаются при преследовании», — утверждает Клаузевиц. В нашу эпоху преследование может встретить больше трудностей, что заставляет теперь добиваться решительных успехов в пределах самого района боев, и самой тщательной подготовки последующих наступательных операций.

Восьмая, последняя часть труда — «План войны» — не закончена. Несколько глав нехватает, а имеющиеся названы автором лишь набросками к восьмой части. И все же это настоящий шедевр мышления Клаузевица. Повидимому, это признавал и В. И. Ленин, сделавший из восьмой части тридцать значительных выписок, почти равных по объему выпискам из всех семи предшествовавших частей. Шестую главу этой части, «Война есть инструмент политики», Ленин определил как самую важную главу.

В этой части, представляющей общий синтез, мы встречаем широкое, углубленное развитие всех важ-

нейших мыслей капитального труда, беглый исторический обзор войн разных эпох, оценку войн французской революции и развитие того положения, что война есть продолжение политики. «Мы не торопились выдвинуть в самом начале эту точку зрения. Она нам мало помогла бы при рассмотрении отдельных явлений и даже до некоторой степени отвлекла бы наше внимание; но при рассмотрении вопроса о плане войны она совершенно необходима» (стр. 561). «В самые недра стратегии, где сходятся все эти нити, мы вступаем не без некоторой робости... Мы усматриваем бесчисленное множество обстоятельств, в которых должен разобрататься анализирующий разум полководца, огромные и часто неопределенные расстояния, на которые тянутся связывающие их нити отношений, и множество комбинаций. И мы должны помнить обязанность, лежащую на теории — охватить все это систематически, т. е. с совершенной ясностью и исчерпывающей полнотой, и для всякого действия указать достаточные основания. При этом нами вполне естественно овладевает сильнейшее беспокойство — как бы нам не опуститься до школьного педантизма, туда, где, ползая по подвалам тяжеловесных понятий, мы на пути своего анализа ни разу не встретимся с мышлением великих полководцев, одним взглядом охватывавших суть дела» (стр. 528—529).

Изучение войн различных эпох приводит Клаузевица к убеждению в наличии различной степени напряжения в применении насилия. Отсюда — резкое различие между редкими войнами на сокрушение и большинством войн истории, преследовавших ограниченные цели. Со времен французской революции и Наполеона война сильно приблизилась к своей действительной природе, к своему абсолютному совер-

шенству, так как стала делом всего народа (замечание В. И. Ленина — «одна неточность: буржуазии и может быть всей»). «Вызванные к жизни средства ее не имели видимых пределов; последние перекрывались энергией и энтузиазмом правительства и их подданных». «Целью же военных действий стало сокрушение противника. Остановиться и вступить в переговоры стало возможным только тогда, когда противник был повержен и обессилен» (стр. 545).

«Всегда ли так останется, все ли грядущие европейские войны будут вестись при напряжении всех сил государства и, следовательно, в интересах значительных и близких народам, или же постепенно снова наступит отчуждение между правительством и народом?» «Невероятно, чтобы отныне все войны обладали столь же грандиозным характером, но в такой же степени невозможно, чтобы широкие ворота (для стихии войны. — А. С.), раскрытые недавними войнами, когда-либо вновь могли полностью закрыться. Отсюда теории, которая останавливалась бы исключительно на такой абсолютной войне, пришлось бы или исключить из своего охвата все те случаи, где чуждые влияния изменяют сущность войны, или осудить их, как ошибки. Таковой не может быть задача теории, которая должна являться учением о реальной войне, а не о войне в идеале» (стр. 546—547). Отсюда необходимость учитывать разнообразие условий, порождающих войну. Клаузевиц поэтому рассматривает в отдельных главах вопросы наступления и обороны в войнах на сокрушение, уделяя им преимущественное внимание, и в войнах с ограниченными целями.

Основные мысли Клаузевица о плане большой наступательной войны сводятся к тому, что следует не

упускать из виду все, преобладающее в соотношениях между воюющими государствами. Из них складывается определенный центр тяжести, сосредоточение сил и движений, от которых зависит целое. На этот центр тяжести противника и должен быть направлен совокупный удар всех сил.

Второстепенными предприятиями допустимо заниматься только тогда, когда они сулят необычайные выгоды. Могут быть разумные основания для разделения наступающих сил — особенности исходного положения, стремление к концентрическому продвижению для достижения большого успеха, стремление расширить театр военных действий, условия снабжения наступающих армий. Но когда «ученый генеральный штаб по привычке составляет план, по которому различные районы театра войны должны быть еще до начала игры заняты разными фигурами, как поля на шахматной доске, и затем начинается игра — движение к цели, вдохновляемое фантастической мудростью комбинаций, сложными линиями и отношениями, когда войска должны разойтись сегодня для того, чтобы с напряжением всех сил и искусства, с величайшей опасностью, вновь соединиться через две недели, — мы испытываем глубокое отвращение к такому уклонению от прямого, простого, бесхитростного пути, уклонению, которое умышленно повергает нас в полное замешательство» (стр. 580). При слабости полководца весь план рождается в недрах фабрики непрактичного генерального штаба и является продуктом мозговой деятельности дюжины полужнаек. Главное наступление не должно считаться с ходом действий в боковых районах (т. е. на второстепенных направлениях): «направленное на сокрушение противника наступление, у которого нехватает смелости

сти лететь стрелой прямо в сердце неприятельской страны, никогда не достигнет цели» (стр. 580). После вынужденной остановки, как общее правило, вторичного порыва вперед не бывает.

Полемический задор не покидает Клаузевица до последних страниц его труда. «Ученый генеральный штаб» представлялся Клаузевицу хранителем всего того шарлатанства и пережитков в истории военного искусства, против которых он вел упорную борьбу. Говоря о неясности ученых соображений относительно командующего положения Швейцарии при войне с Францией, Клаузевиц сейчас же вспыхивает: «если в будущем, в совете властителя или полководца обретется ученый офицер генерального штаба, который с озабоченным челом начнет излагать подобную мудрость, то мы заранее заявляем, что это претенциозный вздор, и от души желаем, чтобы в том же совете оказался добрый рубака, дитя здравого разума, который заткнул бы ему рот» (стр. 596).

Случаю было угодно оборвать работу Клаузевица на таком же полемическом выпаде: «кто в погоне за невозможным (объединенная армия «Германской империи», включающей Австрию и Пруссию. — А. С.) упускает возможное, тот глупец» (стр. 598).

Невозможно передать на нескольких страницах содержание обширного труда Клаузевица. Труд «О войне» заслуживает того, чтобы с ним ознакомились полностью, он насыщен сотнями мыслей, побуждающих к размышлению. Этот капитальный труд, несмотря на свою незаконченность, является как бы «философской поэмой», из которой нельзя выбросить ни слова, и не поддается переложению.

Попытка выхолостить труд Клаузевица была произведена в Германии в семидесятых годах XIX столе-

гия, когда в Берлинской военной академии решительный верх одержала историческая школа, занимавшаяся лишь анализом частных случаев, строившая лишь фундаменты и борющаяся с тенденцией к обобщениям. Среди профессоров академии блистали такие консерваторы, тормозившие всякий шаг вперед, как Шерф и Богуславский. Глубокая диалектика Клаузевица колола им глаза. Поэтому их коллега, Блуме, впоследствии авторитетный писатель, решил оказать Германии услугу — написать труд по стратегии, который представлял бы по существу капитальный труд Клаузевица, но с выхолощенной диалектикой и переведенный на рельсы мышления исторической школы. Клаузевиц был обвинен в туманности, которая дает возможность различных толкований, в излишке философии и, главным образом, в распространении яда диалектической логики.

Труд Блуме представляет собой обработку его лекций 1875—1879 годов. Первое его издание относится к 1882 году. Оно исправлено по ремаркам Мольтке-старшего, согласившегося просмотреть рукопись. Так как сам Мольтке никогда не соглашался изложить свои взгляды на стратегию в виде стройной стратегической теории, то труд Блуме «Опыт стратегии» появился в 1882 году в ореоле стратегического авторитета Мольтке и долгое время являлся признанным германским изложением стратегии*.

Предание гласит, что сам Мольтке жаловался, что для него чтение рукописи Блуме представляло величайшую трудность, так как от скуки, одолев одну или две страницы Блуме, он не мог удержаться от сна.

* Третье его издание, сильно расширенное, вышло в 1912 году. Существует русский перевод второго издания (СПб, 1899 г., перевод Михневича).

И это замечание престарелого полководца очень верно. Скукой веет от Блуме. Диалектика составляет не внешний облик мышления Клаузевица, а тесно связана с существом его учения. Клаузевиц с выхолощенной диалектикой — это мертвый Клаузевиц. И стратегия Блуме — это мертвая стратегия. Работа Блуме дала рассыпанную хранину отдельных принципов, из коих каждый снабжен большим количеством оговорок, примечаний, исключений. Блуме обратил учение в справочник. Листы его стратегии скреплены брошюровщиком, но отсутствует стержень, который должен был бы соединять в одно целое его идеи.

Внимание к Клаузевицу особенно ослабело после побед над Францией в 1870 году и начало возрождаться уже после 1905 года; особенно оно возросло во время мировой войны. Пытаясь использовать те или иные мысли Клаузевица, фашизм теперь творит над Клаузевицем новую расправу: он перерабатывает его в фашиста, он денатурирует Клаузевица-философа с ясно оторвавшимся от узких интересов Пруссии мышлением, понявшего характер войн эпохи буржуазной революции, великого почитателя военного искусства Наполеона, без жалости бичевавшего феодальные пережитки в теории военного искусства, друга передовых представителей немецкой буржуазии — Шарнгорста и Гнейзенау, и использует в этих целях шовинистический пыл молодости и различные политические шатания эпохи реставрации.

В русской военной академии только первый профессор стратегии, Медем, современник Клаузевица, представитель того поколения, которое являлось участником войн с Наполеоном и старалось их осмыслить, ухватился за выходящее в начале тридцатых

годов посмертное издание сочинений Клаузевица и талантливо популяризировал его идеи. Об этом говорят воспоминания его слушателей — Д. А. Милютина, известного впоследствии военного министра «эпохи реформ», и П. К. Менькова, талантливого офицера генерального штаба, посаженного в 1848 году в крепость за склонность следовать по стопам Чаадаева, и известного автора севастопольских стихов: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Изданный в 1836 году курс Медема и сейчас оставляет свежее впечатление живого толкования учения Клаузевица. Преемники же Медема явились какими-то городскими на кафедре стратегии и направили свои усилия «тащить и не пущать» прежде всего на Клаузевица.

Курс стратегии пятидесятых годов гласил: «вся политика войны состоит в том, чтобы, увидев неприятеля, наносить ему возможный вред. Что же касается до военно-политических отношений союзных держав и армий, условия, противные дисциплине и правилам военного искусства и военной службы, не должны быть допущены». Предложение состоявшего на русской службе Жомини создать особые кафедры политики войны и военной политики отвергалось, так как, создавая эти науки, «можно затемнить еще более стратегические истины». «Вникая в сущность дела, кажется невозможным открыть политику в войне». «Какая может быть политика там, где бьются на смерть».

Но еще опаснее этих городских в профессорской тоге был Генрих Антонович Леер, удивительным образом соединявший большое красноречие с внутренней пустотой, человек, монополизировавший в России стратегическую мысль в период 1867—1898 годов.

Его учение, основанное на утверждении вечных истин, отражало общее состояние материального и идейного застоя, который переживала в этот реакционный период Россия. Поверхностное знакомство, по французскому переводу, с капитальным трудом Клаузевица относится лишь к концу жизни Леера. Каждая строка, написанная Клаузевицем, была по бездарной стратегии Леера. Естественно, он с ненавистью оглядывался на своего знаменитого предшественника и держал себя, как враг Клаузевица.

Философской основой Леера и его преемника Михневича был позитивизм Огюста Конта в его пошлейшем истолковании. О диалектике Леер не имел представления и видел в ней лишь главное оружие своих возможных противников, которые могли бы опереться на Клаузевица. Отсюда истерические вопли Леера против диалектики. Под диалектикой Леер разумел ораторское пустозвонство, софистику, игру антитез, беспринципность, продажность слова и отсутствие честности в писателе, подлаживающемся под влиятельные вкусы и модные увлечения. Леер являлся тем же Пфулем, образ которого Клаузевиц представил нам так ясно, — но в новом, ухудшенном издании.

Основным соперником Леера и защитником некоторых идей Клаузевица являлся Драгомиров. Последний, однако, интересовался преимущественно вопросами тактики, как более связанными с боевой подготовкой войск, а вопросы стратегии оставлял на втором плане. При этом Драгомиров понимал Клаузевица очень односторонне и популяризировал в России только раннее произведение Клаузевица «Важнейшие принципы войны». Развернутая диалектика войны в капитальном труде Клаузевица оставлялась Драгомировым почти без внимания. Ему нравилось в Клаузе-

вице преклонение перед моральными величинами, и если Клаузевиц в своей теории мало уделял внимания материальной основе, то Драгомиров выступал в роли дон-Кихота, вызывающего на бой всех «огнепоклонников», увлекающихся новой техникой начала XX века. Драгомиров являлся в значительной мере сторонником реакционной французской школы военной мысли, и труды Драгомирова во Франции встречались с таким же почетом, как и в России.

Злоключения Клаузевица в царской России усиливались отсутствием перевода его капитального труда на русский язык. Только к началу XX века капитальный труд появился на русском языке, в виде сброшюрованных оттисков, в переводе генерала Войде, печатавшемся несколько лет в «Военном сборнике». Переводчик был совершенно не подготовлен к этой ответственной задаче и выполнил ее неудовлетворительно. Во многих местах этого перевода мысль Клаузевица извращена, в других местах перевод вообще нельзя понять. Это издание создало Клаузевицу в царской армии репутацию темного писателя, забравшегося в такие дебри метафизики, в которых уже нельзя отличить и подлежащего от сказуемого.

Только при советской власти капитальный труд Клаузевица появился на русском языке, если не в образцовом, то все же в грамотном и доступном для понимания виде. Над изданием этого труда Государственное военное издательство дало возможность переводчику и редакторам работать десятков лет*.

Труд идеалиста-Клаузевица нашел в Красной армии

* Первоначальный перевод прошел через руки нескольких редакторов, последним из которых, сверившим весь текст перевода с немецким оригиналом и составившим предметный указатель, является автор этих строк.

читателей, благодаря его «подходу к марксизму» и благодаря той роли, которую он сыграл в разоблачении Лениным социал-шовинизма и центризма в период империалистической войны. Диалектика Клаузевица никого в Советской стране не пугает: для нас она является ценнейшим качеством его труда. Идеалистический метод Клаузевица чужд нам, и мы, конечно, не являемся учениками Клаузевица. Но Клаузевиц представляет такую сокровищницу размышлений над жгучими вопросами ведения войны, горячих обличений часто воскресающих вновь ошибок и заблуждений в военных вопросах, обнаруживает такое мастерство в самой постановке вопросов, что ум каждого передового работника нашей страны, достаточно подготовленный к тому, чтобы отличить, где Клаузевиц прав и где он ошибается, может многое почерпнуть при странствовании с Клаузевицем по основным вопросам войны.

Указание Ленина (т. VII, стр. 384): «ни один социал-демократ, знакомый сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений» — нашло себе блестящее подтверждение в победе социалистической революции в России. А Клаузевиц, критически использованный, помогает овладеть военными знаниями, необходимыми для организации обороны великой страны социализма и для боевой подготовки ее вооруженных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

Аустерлиц. Селение в Моравии, у которого в 1805 году Наполеон нанес поражение русско-австрийской армии под номинальным командованием Кутузова. Фактически действиями союзников руководил русский царь Александр I, опираясь на советы австрийского полковника Вейротера, увековеченного Л. Толстым в романе «Война и мир», как образец безтолкового и оторванного от жизни ученого систематика, офицера генерального штаба.

Блюхер (1742 — 1819). Прусский фельдмаршал, начавший службу шведским юнкером. Взятый в плен пруссаками, он немедленно перешел на прусскую службу. Малограмотный, но лихой гусар, примкнувший к партии реформы. Последняя создала ему ореол народного героя. Его биографию написал Ф. Энгельс (Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II).

Ваграм. Селение в одном переходе от города Вены, у которого Наполеон в 1809 году, после переправы с боем через Дунай, с трудом преодолел сопротивление австрийской армии эрцгерцога Карла. Одержанная Наполеоном победа привела к заключению мира и сорвала надежды немецких патриотов на общее восстание в Германии против господства Наполеона.

Войны Маккавеев. Героическое и победоносное восстание еврейского народа в 166—135 годах до нашей эры, под религиозными лозунгами, против сирийских диахов (преемников Александра Македонского). Крупнейшим военным вождем евреев в этой борьбе явился Иуда Маккавей, которому, при содействии братьев, удалось сформировать

регулярную армию. Он был родоначальником еврейской (предпоследней) царской династии Маккавеев.

Генерал-квартирмейстер. Наименование в Германии и царской России руководящих должностей генерального штаба. До начала XIX столетия генеральный штаб именовался «квартирмейстерской частью».

Гумбольдты. Братья: Александр-Фридрих-Вильгельм (1769 — 1859) — выдающийся немецкий натуралист, путешественник и основатель современной физической географии; Вильгельм (1767 — 1835) — посол Пруссии в Париже, а потом Лондоне, либерал-конституционалист, крупный ученый, специализировавшийся на эстетике, философии и языковедении. Переписка его с женой, Каролиной Г., представляет собой большую историческую и художественную ценность.

Кантонная повинность. В XVIII веке в Пруссии территория делилась на кантоны, распределенные между войсковыми частями, которые приблизительно на одну треть своего состава комплектовались военнообязанными соответствующего кантона и на две трети — вербовкой. Воинская повинность распространялась лишь на бедные слои крепостного крестьянства. Против расширения ее резко протестовали помещики, материальные интересы коих резко нарушались призывом в армию их крепостных. Отсюда понятие кантонист, означавшее «военнообязанный» (в крепостной России — сыновья солдат, воспитывавшиеся военным ведомством).

«Лагерь Валленштейна». Драма Шиллера, впервые представленная на сцене в 1798 г. Предвосхищая захват Бонапартом государственной власти, Шиллер предостерегал в этой драме Европу, показывая армию, созданную Валленштейном в Тридцатилетней войне, сохранявшую лишь тень зависимости от австрийского императора и преданную своему творцу.

Маккиавелли, Никколо (1469 — 1527). Итальянский политический деятель, политический и военный писатель эпохи Возрождения, мечтавший о создании из раздробленной Италии могущественного централизованного государства. Он видел причину раздробления и гибели Италии, узурпации тиранами власти в свободных республиках в характере вооруженной силы — кондотьеров, профессионалов-наемников, образовывавших крепко сплоченные банды, невоодушевляемые

какими-либо гражданскими чувствами. Поэтому М. придавал особое значение созданию народной милиции по образцу древнего Рима; поскольку такая милиция не могла рассчитывать на энергичное развитие военных действий против кондотьеров, М. рекомендовал методы стратегии измора. В 1506—1512 гг. М. являлся ответственным секретарем республиканского правительства Флоренции. Попытка его создать боеспособную милицию для защиты республики потерпела жестокою неудачу. Устраненный от практического руководства политикой возвращением во Флоренцию тирана Медичи, М. сосредоточил свои усилия на теоретической деятельности и дал в своих трудах первую и очень глубокую теорию политики. В «Истории Флоренции» М. продвигает на первый план вопросы классовой борьбы. М. указывает на необходимость чрезвычайной гибкости в выборе тактических средств политической борьбы, и с этой точки зрения подвергает пересмотру свои яркие республиканские убеждения молодости. В важнейшем труде «Государь» М. выдвигает требование единоличной диктатуры, которая одна может обеспечить необходимую тактическую гибкость для достижения идеала — объединения Италии. При этом М. высказывается за дозволенность обращения к любым средствам для достижения поставленной цели. Неправильно понимающие М. толкуют его политические установки, как беспринципную погоню за успехом, оправдывающую самые кошмарные преступления, если последние являются выгодными; поэтому, в обывательском представлении, маккиавеллизм является прежде всего коварством и беспринципностью в политике, систематическим надувательством для достижения очередного барыша, готовностью перекинуться из республиканского лагеря в монархический. В действительности же М., требуя ни на минуту не упускать из виду великой конечной политической цели, рассматривает все прочее, как средства, которые необходимо использовать возможно гибко для успешного продвижения к этой цели. Во внешней политике М. особенно подчеркивает опасность сохранения нейтралитета при войне соседних государств, в результате которой будет нарушено равновесие к невыгоде оставшегося нейтральным государства.

В своей «Диалектике природы» Энгельс говорит о Маккиавелли, как о государственном деятеле, историке, поэте и, кроме того, первом, достойном упоминания, военном писателе нового времени.

Мюллер, Иоганн (1752 — 1809). Швейцарский историк, приглашенный в 1804 г. в Пруссию историографом, в 1807 г. перешедший на службу к Наполеону.

Песталоцци, Иоганн-Генрих (1746 — 1827). Швейцарский педагог, мелкобуржуазный народник-утопист, видевший в народном образовании наилучшее средство спасения масс от бедности, проповедовавший соединение обучения с производительным трудом; с 1798 года — руководитель образцовой школы-приюта.

Россбах. Селение, у которого Фридрих II в 1757 году в четверть часа разбил французскую армию герцога Субиза, обрушившись на походную колонну французской армии, двигавшейся в обход его расположения.

Сталь, Анна-Луиза-Жермена. Баронесса Сталь-Гольштейн (1766 — 1817), дочь либерального французского министра Неккера, известная писательница, враг Наполеона, бежавшая в 1812 году в Россию. Труд ее «Германия», по оценке Гете, являлся гигантским тараном, направленным против предрассудков, разъединивших французский и немецкий народы.

Фридрих II (1712 — 1786). Король прусский, крупнейший полководец, захвативший австрийскую провинцию Силезию и отстаивший ее за Пруссию в трех войнах, из коих наиболее значительной являлась Семилетняя война, в которой маленькой Пруссии пришлось бороться с заключившими союз Австрией, Россией и Францией.

Шлегель, Август-Вильгельм (1767 — 1845). Основатель романтической школы, знаменитый немецкий критик, выдающийся филолог, профессор истории литературы и эстетики, поэт-переводчик.

Шлейермахер, Фридрих-Даниэль (1768 — 1834). Известный философ, теолог и пастор, отвергавший церковную догматику. Автор труда «Диалектика», которую он определял как искусство философского обоснования. Философия его электична и связана с романтической мистикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ТРУДЫ КЛАУЗЕВИЦА

Hinterlassene Werke des Generals Carl Clausewitz über Krieg und Kriegsführung. 10 тт. Берлин, 1832—1837.

Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe Kriegsgeschichtliche Einzelschriften, herausgegeben vom Grossen Generalstabe. Heft 10. Берлин, 1888.

Bemerkungen über die reine und angewandte Strategie des Herrn v. Bülow, oder Kritik der darin enthaltenen Ansichten. «Neue Bellona», herausgegeben von Porbeck. Neunten Bandes drittes Stück. Лейпциг, 1805.

Клаузевиц. О войне. Гос. воен. изд-во. Москва, 1934.

Carl v. Clausewitz. Vom Kriege. Erläutert durch W. v. Scherff. Берлин, 1880.

Moltkes Militärische Korrespondenz. Herausgegeben vom Grossen Generalstabe. T. IV—VI. Берлин, 1902.

VI том содержит работу Клаузевица: Betrachtungen über den künftigen Kriegsplan gegen Frankreich.

Помимо указанных выше трудов, многие статьи и письма Клаузевица заключаются в приводимых ниже работах Шварца, Ротфельса, Рока, Перца - Дельбрюка, а также в брошюре: Клаузевиц. Основы стратегического решения. Перевод с немецкого, под редакцией А. Свечина. Москва, 1924.

2. МЕМУАРЫ, ТРУДЫ И ПИСЬМА СОВРЕМЕННИКОВ

Karoline v. Rochow und Marie de la Motte-Fouquet. Vom Leben am preussischen Hofe. 1815—1852. Bearbeitet v. Louise von der Marwitz. Берлин, 1908.

Memoiren des Generals L. v. Wolzogen. Лейпциг.

Denkwürdigkeiten von Heinrich und Amalie v. Beguelin Herausgegeben von A. Ernst. Берлин, 1892.

Elise v. Bernstorff. Ein Bild aus der Zeit vom 1789—1835. 2 тт. Берлин, 1892.

Aus dem Leben des Generals der Infanterie Heinrich v. Brandt T. II. Берлин, 1869.

Souvenirs et correspondances de Madame de Récamier. Paris, 1860.

Marwitz. Aus dem Nachlasse. Берлин, 1852.

Heinrich Dietrich v. Bülow. Militärische und vermischte Schriften. Leipzig, 1853.

Kriegsbriefe des Generalleutnants Julius Ludwig v. Rudolphi aus den Jahren 1812 und 1813. Herausgegeben von Maximilian Schultze. Берлин, 1913.

Memoiren des Herzogs Eugen v. Württemberg. T. II. Франкфурт-на-Одере, 1862.

Souvenirs du vicomte de Reiset. Париж, 1899.

Friedrich v. Gentz. Fragmenten aus der neuesten Geschichte des politischen Gleichgewichts in Europa. II. Auflage, St. Petersburg, 1806.

Hegels Sämtliche Werke. T. VII. Hegels Schriften zur Politik und Rechtsphilosophie. Лейпциг, 1913. T. II. Phänomenologie des Geistes. Лейпциг, 1921.

Schelling. Werke. T. I. Лейпциг, 1907.

J. G. Fichte. Werke. T. VII. Лейпциг, 1860.

Философские труды Гегеля, Шеллинга и Фихте использованы для сравнительного изучения первых произведений Гегеля и Шеллинга и трудов Фихте (о политике Маккиавелли и речи к германской нации) с работами Клаузевица.

3. ПОЗДНЕЙШИЕ ТРУДЫ

ХІІ Ленинский сборник. Москва, 1928. Выписки и замечания Ленина на капитальный труд Клаузевица. Отдельное издание. Партиздат, 1933.

Schwarz. Leben des Generals Carl v. Clausewitz und der Frau Marie v. Clausewitz. 2 тт. Берлин, 1878.

Очень слабая биография, но содержащая в подлиннике много ценных писем и неопубликованных ранее статей Клаузевица. В Ленинской библиотеке имеется только первый том.

P. Roques. Le général de Clausewitz. Sa vie et sa théorie de guerre. Париж, 1912.

Неплохая биография. Автор работал в семейном архиве Клаузевица и указывает некоторые документы, о которых молчат немецкие источники.

V. Meerheimb. C. v. Clausewitz. Статья в Allg. Deutsche Biographie, т. IV, 1876.

Colonel Camon. Clausewitz. Paris, 1911.

В этом труде интерес представляет только критика военно-исторических трудов Клаузевица.

P. Kreuzinger. Hegels Einfluss auf Clausewitz. Берлин, 1911.

Неудачная защита правильной мысли о влиянии Гегеля на Клаузевица.

R. v. Saemmerer. Die Entwicklung der strategischen Wissenschaft im 19. Jahrhundert. Berlin, 1904.

M. Lehmann. Scharnhorst. 2 тт. Лейпциг, 1886—1889.

M. Lehmann. Freiherr v. Stein. 2-е издание, Лейпциг, 1921.

F. Meinecke. Das Leben des Generalfeldmarschalls Hermann v. Boyen. 2 тт. Штутгарт, 1896.

Pertz—Delbrück. Leben des Feldmarschalls Grafen v. Gneisenau. 5 тт. Берлин, 1864—1880.

H. Delbrück. Das Leben des Feldmarschalls v. Gneisenau. 2 тт. 3-е издание. Берлин, 1908.

Fr. v. Bernhardt. Vom heutigen Kriege. 2 тт. Берлин, 1912.

Hans Rothfels. Carl v. Clausewitz. Politik und Krieg. Берлин, 1920.

Один из лучших критических трудов по Клаузевицу. С датированием некоторых документов семейного архива Клаузевица, произведенным Ротфельсом, согласиться нельзя. Труд отрицает влияние Гегеля на Клаузевица.

Richard Blaschke. Carl v. Clausewitz. Берлин, 1934.

Фашистская биография Клаузевица, в научном отношении представляет огромный шаг назад по сравнению с трудом Ротфельса. Автор просто опускает все противоречащие его точке зрения факты и фальсифицирует историю.

G. G. (Gilbert). Essais de critique militaire. Paris, 1897. Впервые работа по Клаузевицу основоположника французской доктрины появилась в журнале «La Nouvelle Revue» за 1887 г.

Blume. Die Strategie, ihre Aufgaben und Mittel. Берлин, 1912.

Vidal de la Blache. La régénération de la Prusse après Jena. Paris, 1910.

Edouard Herriot. Madame Récamier et ses amis. Париж, 1904.

Leinveber. Mit Clausewitz durch die Rätsel und Fragen, Irrungen und Wirrungen des Weltkrieges. Берлин, 1926.

Рудольф Гаус. Фашистская биография Клаузевица. «Правда» 2-го октября 1934. № 231.

С. Евгеньев. Новое издание Клаузевица. «Правда», 26 декабря, 1934. № 355.

L. Stacke. Deutsche Geschichte. 2 тт. Билефельд и Лейпциг, 1880.

Из второго тома заимствовано несколько иллюстраций.

Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XXII. Переписка 1854—1860 гг. Москва, 1929.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редактора	5
Шарнгорст	25
Ученичество	45
Роман стратега	63
В плену	83
Кружок реформы	99
Гнейзенау	119
Первые работы	130
Эмиграция	148
На русской службе	160
Победа	187
Годы реакции (1815—1830)	204
О войне	238
Примечания	280
Библиография	284

Цена 2 р. 75 к.

Ближайшие выпуски:

С. Ковалевская

Пизарро

Глинка

Коперник

Журнально-газетное объединение ● Москва ● 1935